

Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тобольская государственная социально-педагогическая академия
им. Д.И. Менделеева»

САЙФУЛИНА Ф.С.

История формирования и развития татарской литературы Тюменского региона

Тобольск

2013

УДК 82.09
ББК 83.3 (2Р53=632.3)6Я73
С12

Печатается по решению кафедры
филологического образования

Сайфулина Ф.С. История формирования и развития татарской литературы Тюменского региона: учебно-методическое пособие. – Тобольск: Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева, 2013. – 184 с.

Данное учебно-методическое пособие предназначено для аспирантов первого курса обучения послевузовского профессионального образования по научной специальности «10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (татарская литература)». УМК составлено в соответствии с учебным планом ТГСПА им.Д.И.Менделеева на основе рабочей программы паспорта научной специальности, основной образовательной программы послевузовского профессионального образования по научной специальности «10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (татарская литература)».

Рецензент: Бабшанова Г.Н. – к.ф.н., доцент Научно-образовательного центра «Лингва» ТюмГНГУ

Работа выполнена в рамках финансирования долгосрочной целевой программы «Основные направления развития образования и науки Тюменской области» и конкурса научно-исследовательских проектов среди аспирантов, молодых ученых и научных коллективов федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева»

© ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2013
© Сайфулина Ф.С., 2013

ЛЕКЦИОННЫЙ МАТЕРИАЛ

ВВЕДЕНИЕ (2ч.)

Литература Тюменского края – весьма разнородное явление. Связано это с полиэтничным составом населения края, с сосуществованием в регионе различных национальных культур. В то же время в отношении региональной культуры можно говорить о некоем духовно-историческом единстве, сформировавшемся в эпоху освоения северных территорий, когда происходила «встреча» Большой (Россия) и Малой (Сибирь) земель.

Комплексное исследование истории формирования, развития татарской литературы Тюменского края и ее современного состояния является назревшей проблемой татарского литературоведения, так как она связана с проблемой сохранения родного языка, возрождения национальной культуры в регионе. Изменения в обществе, которые произошли за последние десятилетия, дали надежду на восстановление утраченных национальных культурных ценностей, многовековых традиций воспитания уважительного отношения к историческому прошлому, литературному и культурному наследию своего народа. Такое же стремление присуще и сибирско-татарскому народу, который осознает, что утрата языка, культурных ценностей, веры, незнание своих исторических корней приводят к утрате национальной самоидентичности.

Как отмечают авторы хрестоматии «Литература Тюменского края», «литература края – это не литература «на краю» – в провинции, на границе абстрактной «большой» литературы, а некое глубоко своеобразное единство текстов, позволяющее увидеть сложность современного культурного сознания. Сосуществование разных языков, религий, историй, времен, характерное для тюменской литературной реальности, мы можем осознать лишь в объекте литературного краеведения».

В наши дни тюменская литература, воспринимается как «уникальный идейно-эстетический феномен». Региональная критика помогает осуществить это восприятие и сама становится важной составляющей культурной жизни региона.

История формирования татарской литературы Тюменского региона сложна и разнообразна, и еще нельзя считать ее до конца исследованной.

При изучении истории развития письменной литературы, можно отметить, что она формируется и более активно развивается у народов, имеющих богатое наследие устного народного творчества. Татарский народ, проживающий издревле на данной территории, гордится древнейшими образцами фольклора, интерес к которым уже во второй половине XIX в. проявили такие маститые ученые, как В.В.Радлов,

Н.Ф.Катанов. Начиная с 40-х годов XX века, Институтом языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова были организованы научные экспедиции по изучению и сбору фольклора сибирских татар, проживающих в Новосибирской, Омской и Тюменской областях. Известные татарские фольклористы Н.Исанбет (в 1940 году), Х.Ярмухаметов, Ф.Урманчеев, Л.Замалетдинов, Ф.Ахметова-Урманче, Х.Гатина, Н.Ибрагимова, Х.Махмутов (с 1967 по 1974 годы), повторяя путь экспедиции, организованной В.В.Радловым, пришли к интересным выводам по поводу сохранения, развития и угасания устного народного творчества на территории Тюменского региона. Многочисленные примеры фольклора также можно встретить в работах диалектологов, таких как Х.Алишина, Ф.Баязитова, Д.Рамазанова, Р.Барсукова, А.Рахимова и др. В области музыкальной фольклористики интерес представляют изыскания Л.Сурметовой. Определенным вкладом в современную фольклористику являются материалы, записанные студентами национальных отделений Тобольского государственного педагогического института им. Д.И.Менделеева и Тюменского государственного университета, собирателями из народа, такими как Асхат Ниязов, Альминур Патршина.

При изучении истории литературы особое значение приобретают текстологические исследования. На протяжении XX века татарскими учеными-текстологами проводилась большая работа по сбору литературного материала на территориях компактного проживания татар. Это позволило ввести в историко-литературный оборот многие до того момента неизвестные произведения, в первую очередь, средневековых авторов.

Известный во всем тюркском мире ученый-историк, писатель-просветитель и богослов Ризаэтдин Фахрутдинов в своем библиографическом труде «Асар» («Памятники», 1900) отмечает, что в XIX веке Сибирь становится центром слияния трех культур (татарской, казахской и узбекской), и, что здесь мусульмане делают намного больше полезного по сохранению наследия отцов и дедов, чем мусульмане Поволжья.

Первые, очень скудные материалы о творчестве поэтов, вышедших из тобольских татар, связаны с именем Амдами (Худжа Шукур бине Гавазбай) и его произведением «Нәсихәтнамә» («Наставления»). Имя Амдами вводится в научный оборот в 1963 году литературоведами Н.Юзеевым и А.Фатхи в статье «Литературные памятники, сохранившиеся на Урале». Только спустя 30 лет появились работы литературоведа Ф.Яхина, посвященные творчеству поэта. Серьезным шагом в изучение поэтического наследия Амдами является исследование Г.М.Талиповой, посвященное изучению жизни и творческого наследия тобольского поэта, выявлению поэтических особенностей его произведения «Наставления».

До сегодняшнего дня остается малоизученным творчество поэта Маулика Юмачикова, вышедшего из сибирских татар, жившего и творившего во второй половине XIX века, несмотря на то, что, по сохранившимся воспоминаниям, он был довольно известной личностью своего времени. Видный татарский просветитель Х.Фаизханов отмечает, что М.Юмачиков является автором десятка поэтических произведений. В последние годы увидели свет труды ученых, посвященные творчеству поэтов Икани и А.Тубыли, судьба которых так или иначе связана с тобольской землей. Творчество А.Тубыли, взявшего в качестве псевдонима имя города, где он провел определенную часть своей жизни, стало известно широкой общественности также лишь во второй половине XX века.

В последней четверти XIX века из сибирских татар в поэзию приходит выходец из г.Томска поэтесса Биби-Ханифа Ниязи (Гисматуллина). После Б.Ниязовой развитие поэзии сибирских татар более чем на полвека приостанавливается и начинает активизироваться только в 60-е годы XX века.

Творчество современных представителей татарской литературы Тюменского региона также изучено фрагментарно и требует более основательного исследования. Краткие сведения о современных татарских писателях региона приведены в библиографическом указателе «Писатели Тюменской области», вышедшем в 1988 году, позднее статьи справочного характера появились в Татарском энциклопедическом словаре (на русском и татарском языках), в «Большой Тюменской энциклопедии». Татарская литература края нашла отражение в двухтомном учебном пособии для национальных школ «Туган як әдәбияты» («Литература родного края») учителя-ветерана Л.Б.Хабибуллиной, в первом томе которого представлены образцы фольклора сибирских татар, во втором – опыты современной письменной литературы. Некоторые произведения представителей сибирско-татарской литературы также нашли достойное место в трехтомной хрестоматии «Литература Тюменского края», составленной для школ Тюменского региона доцентами ТюмГУ Г.Данилиной, Н.Рогачевой, Е.Эртнер.

Среди поэтов XX века, чье творчество связано с Тюменским краем, более обстоятельно изучено творчество Булата Сулейманова, которому посвящены статьи М.Абдуллина, Р.Батуллы, Ф.Баязитова, М.Галеева, Р.Зайдуллы, Р.Хамида, Р.Мингалимова и Э.Ягудина и др.

О поэтическом мире татарского поэта Ш.Гадельши, своеобразии его образного мышления, новизне лирики имеются некоторые размышления в статьях ученых, поэтов, журналистов, таких как М.Аглямов, Роб. Ахметзянов, Р.Гатауллин, Г.Гильманов, Д.Загидуллина, Р.Зайдулла, Г.Муратов и др.

Некоторые аспекты творчества прозаика и публициста Я.Занкиева отражены в статьях Г.Ахунова, Ф.Баязитова, В.Рогачева, Ю.Прибыльского, Г.Минасьян, К.Садыкова и др.

Отдельным проблемам татарской литературы Тюменского региона посвящены диссертационные исследования молодых ученых Л.Х.Фаизовой, Г.Муллучановой, Г.С.Галямовой.

С середины 90-х годов в области (в гг. Тюмени, Тобольске) проводятся традиционные научно-практические конференции «Сулеймановские чтения», «Занкиевские чтения», где вместе с более глубоким изучением творчества указанных поэтов и писателей обсуждаются актуальные вопросы национальной школы, родного языка, истории татарского народа, проживающего на территории Тюменского региона.

ЛИТЕРАТУРА:

Литература Тюменского края: хрестоматия: в 3-х т. / Сост. Г.И.Данилина, Н.А.Рогачева, Е. Н. Эртнер. – Тюмень: СофтДизайн, 1996. Кн. 1: 5-7 кл. – 1996. – 303 с.; Кн. 2: 8-9 кл. – 1996. – 240 с.; Кн. 3: 10-11 кл. – 1996. – 351 с.

Файзрахманов, Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века) / Г.Л.Файзрахманов. – Казань: Фэн, 2002. – 488 с.

Файзрахманов, Г.Л. О литературной жизни сибирских татар в XVII-XIX веках / Г.Л.Файзрахманов // Сулеймановские чтения: материалы VII межрегион. науч.-практ. конф. – Тюмень, 2004. – С.86-88.

Фәхретдинов, Р. Асар. Беренче *жөзө* / Р.Фәхретдинов. – Казан: Университет басмасы, 1900. – Б.30-31.

Хабибуллина, Л.Б. Литература родного края / Л.Б.Хабибуллина. В 2 ч. Ч. 1. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. – 260 с.; Ч. 2. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. – 260 с.

Сайфулина Ф. Формирование и развитие татарской литературы Тюменского региона. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – 296с.

ТЕМА 2 (4ч.)

Роль этнических и фольклорных традиций в становлении сибирско-татарской литературы

Сибирские татары – народ, сохранивший в течение нескольких веков историческую родину, традиционный уклад жизни, древние обычаи и обряды, старинные предания, легенды, собственный взгляд на окружающий мир. Историк-этнограф Ф.Т.Валеев, посвятивший множество трудов изучению истории родного народа, пишет: «Сибирские татары представляют собой самостоятельную этническую общность с присущими ей такими устойчивыми признаками и свойствами, как язык и территория, экономическая общность и религия, этническое самосознание, эндогамия, а на раннем этапе своего развития и социально-политическую общность – Сибирское ханство, представлявшее собой феодальное государство.

Сибирско-татарский этнос состоит из ряда этнографических групп, отличающихся друг от друга лишь незначительными особенностями в народно-разговорном языке, различиями в хозяйственной деятельности» [Валеев 1993: 42].

В формировании тюркских народов Центральной Азии и Южной Сибири (VI-VIII века) огромную роль играли тюркские каганаты. Можно предположить, что предки сибирских татар непосредственно участвовали в этом процессе. Здесь нужно учитывать еще и такой факт: в VI- IX веках начинается переселение тюркских племен Алтая и центрального Казахстана в Южную Сибирь. В некоторых источниках происхождение сибирских татар связывается с «таттанами» (хатанами), которые жили на территории Иншани, т.е. Алтайских гор [Авдеев, Струкова 1937: 66].

Видные востоковеды в своих исследованиях по истории, этнографии, языку сибирских татар опирались на фольклорный и археологический материалы. Как итоги своих изысканий, они, прежде всего, отмечали смешанный характер формирования этнической общности тоболо-иртышских татар. Так, Н.А.Аристов [Аристов 1897] пишет о приходе в XV-XVI веках на Tobol и Иртыш ногайцев и казахов, торговых сартов и таджиков из Мавераннахара (Средней Азии), казанских татар. А.Г.Юшков [Юшков 1861] отмечает здесь следы монголов, Н.Ф.Катанов [Катанов 1894] считает, что в формировании этноса западносибирских татар приняли участие ногаи, кара-кыпчаки, хотаны, иштяки, среднеазиатские шейхи. О заболотных и ачирских татарах он пишет, что они потомки остяков, принявших мусульманскую религию. Г.Ф.Миллер в своих научных трудах всю территорию за Уральским хребтом называет Великой Татарией, а самих татар «главнейшим народом Сибири» [Миллер 1937]. Интересным источником сведений по истории, этнографии Сибири XVII века являются воспоминания пленных офицеров, отбывавших ссылку в Tobольске. Одним из таких людей был Адам Каменский (Длужик), который пишет о том, что в Tobольске у татар были верблюды, на которых они ходили «в Бухары» и даже «в Дауры» [Полевой 122-129]. Также вызывают интерес дневники путешественника XVIII века, русского дипломата и торгового агента России в Китае, Лоренца Лянге, изданные Н.Ф.Катановым, из которых можно почерпнуть сведения о быте, обрядах, обычаях тобольских татар. По свидетельству Н.Ф.Катанова, Л.Лянге несколько раз проезжал от г. Tobольска до г. Тары, его наблюдения также представляют научный интерес [Катанов 1905].

С 1720 годов научное исследование Сибири приобретает более организованный и систематический характер. С целью изучения данного края российское правительство организует ряд академических экспедиций, в составе которых были и западноевропейские ученые.

В XVII в. российское правительство, наряду с планами освоения новых территорий, поставило задачу использования имевшихся там

природных и человеческих ресурсов. Но, ни государственные чиновники, ни ученые не имели достаточных представлений об азиатских территориях и населяющих её народах. В этом отношении ценные сведения были почерпнуты из 4-х-томного труда И.Г.Гмелина «Путешествие по Сибири», опубликованного в 1751 г. не в России, а в Европе – в Геттингене [Тихомиров, Софиано 1955]. И.Г.Гмелин так, в целом, оценивал европейские знания о Северной Азии: «Вся страна слыла под именем Татарии, все народы, в ней обитавшие, почитались за татар; не знали даже как далеко (на восток) тянется суша и продолжается ли она до Америки или отделяется от нее морем» [Гмелин 1751]. В 1720-1727 гг. состоялась экспедиция в Сибирь Д.Г.Мессершмидта, которого (согласно заключенному с правительством договору) обязали «изучить географию страны, ее естественные произведения, этнографию, исторические памятники и древности», проехавши с Урала до Северной Маньчжурии. Для нас особо важен тот факт, что он проводил исследования народов, проживающих здесь, изучал их языки, памятники письменности и древности. Ему принадлежит первенство в исследовании древнетюркской письменности, которую он назвал «рунической» из-за сходства с рунами Скандинавии. Д.Г.Мессершмидт собрал ценные сведения по истории Сибири и сопредельных ей стран, по сибирской этнографии и языкознанию. Результаты работы исследователя в Сибири зафиксированы в его дневниках, хранившихся в архивах.

Спутником Д.Г.Мессершмидта в 1721-1722 гг. был шведский пленный офицер Ф.И.Страленберг, собравший значительный материал о древностях и истории Сибири. Этот материал он обобщил в своем труде, изданном в Стокгольме в 1730 году. Заслугой Страленберга является также приобретение у ахуна г. Тобольска Азбакова, с которым он состоял в дружеских отношениях, рукописи сочинения Абу-л-Гази Бахадур-хана «Шаджара-и турки» («Родословная тюрков», XVII в.) и введение её в научный оборот [Кононов 1971: 3-12].

Указанные выше сведения о сибирских татарах записаны в XVII-XVIII вв. иностранными путешественниками, дипломатами. Однако, при всем богатстве и многообразии, не все данные являются результатом глубокого, целостного изучения, некоторые из них содержат в себе довольно случайные, разрозненные и порою противоречивые сообщения. У многих авторов ранних записей о Сибири не было специальной теоретической подготовки, они мало знали о природе неведомого края, об общественном укладе его народов. Отсутствие необходимой материальной базы исследования, труднодоступность отдельных районов, сложные климатические условия не способствовали объективности и полноте сделанных наблюдений, выводов.

Более объективную картину о Сибири и сибирских татарах создают ученые-исследователи в XIX веке. Особенно интересны в этом плане

высказывания академика В.В.Радлова. О барабинских, тарских, тюменских и тобольских татарах он пишет, что все эти тюркские племена – близкие родственники алтайских телеутов, только их язык претерпел некоторые изменения под влиянием тюрков Средней Азии. «Татары, которые проживают на среднем Иртыше и его притоках, Таре, Тоболе, Туре, Ишиме, представляют смешанный народ из сибирских татар с пришельцами из Средней Азии и Восточной России. В соответствии с их происхождением, их язык представляет комплекс особенностей и наречий... Все эти этнические группы – близкие родственники алтайских телеутов» [Радлов 1923: 23]. В своем многотомном труде «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи» ученый также отмечает, что тобольские, тюменские, тарские, барабинские татары исторически более близки алтайцам-телеутам, а связи со Средней Азией и Восточной Европой – явления более позднего периода. Здесь В.В.Радлов упоминает об отеснении татар в разные периоды монголами и русскими вглубь лесов и болот.

Таким образом, рассмотрение процесса формирования сибирско-татарского народа, его истории дает возможность сделать вывод о том, что его состав весьма сложен, многокомпонентен; вследствие чего, устное творчество, которое является отражением жизни народа, очень богато и разнообразно как по своему жанровому составу, так по сюжетам и тематике.

Как показывают данные фольклористики, которая насчитывает около полутора веков, сибирские татары располагают богатым народно-поэтическим наследием, включающим различные жанры устного народного творчества. К сожалению, с течением времени возможностей для сбора и фиксации фольклорных произведений остается все меньше и меньше, ибо они уходят в забвение вместе с их носителями – представителями старшего поколения. К счастью, к настоящему времени собран и изучен большой объем фольклорного материала, на основе анализа которого можно сделать некоторые выводы. Нужно отметить, что в настоящее время также интенсивно ведутся исследования в данной области. С одной стороны, это целенаправленный сбор и изучение фольклора, с другой стороны, исследования, связанные с изучением языка сибирских татар, которые опираются также и на материалы устного народного творчества.

Рассматривая вопрос об изученности фольклора татар, проживающих на территории Сибири, необходимо отметить деятельность ученого с мировым именем, академика В.В.Радлова, труды которого могут считаться первым и значимым вкладом в фольклористику сибирских татар.

Научная карьера В.В.Радлова начинается в Барнауле, где он 12 лет проработал преподавателем горного училища, продолжается в крупном востоковедческом центре того времени – Казани. В течение многих лет,

работая преподавателем в Барнаульской Горной школе, он изучает особенности языка, записывает произведения устного народного творчества тюркских народов Алтая и Сибири.

В 1884 году ученый избирается «ординарным академиком по части истории и древностей азиатских народов» и работает в Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. Шесть десятилетий исследовательской работы он посвятил «тюркским племенам» России, выезжая на длительные экспедиции по Алтаю, Туве, Хакасии, Шории, Восточному Казахстану, Киргизии, Узбекистану, Северной Монголии. Сибирские земли изведаны им от Тобольска до Канска. В.В.Радлов накопил огромный материал по всем живым тюркским языкам, записал множество произведений устного народного творчества из уст их носителей. В дополнение ко всему и зучал быт, верования, обряды, историю, собирал этнографические и археологические материалы, сам проводил раскопки.

Результатом такой деятельности является десяти томный труд «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собранные В.В.Радловым». Четвертый том этой работы, записанный в 1859-1871 гг., в котором собран фольклор и наречия барабинских, тарских, тюменских и тобольских татар, в первый раз был издан в 1872 году, а затем переведен на немецкий язык. Во вводной части к этому тому автор приводит некоторые исторические материалы о татарах, проживающих на данных территориях и диалектных особенностях их языка, что делает изыскания ученого важным источником для исследований, как для фольклористов, так и для историков и диалектологов.

IV том «Образцов...» В.В.Радлова вбирает в себя 119 произведений устного народного творчества, записанных в вышеназванных селениях. По современной жанровой классификации фольклора в данном томе представлены: 41 сказка, 29 песен и баитов, 23 предания и родословных, 16 дастанов и отрывков из них. (Произведения, названные ученым «Мюрид» и «Шейх Баязит», записанные в Каскаре, указаны лишь в оглавлении.) Здесь ученый фиксирует две существенные особенности татарского фольклора: бытование в народе произведений эпоса – дастанов и лиро-эпоса – баитов. Он отмечает также, что устные творения уже в его время сохранялись лишь как «святые воспоминания молодости того времени, когда народный дух еще давал им смелость открыто восхвалять в песнях и сказках деяния их предков» [Радлов 1872: 411].

Вместе с другими многочисленными материалами устного народного творчества сибирских татар, В.В.Радловым записан самобытный и полный местного колорита вариант знаменитого дастана (эпоса) «Идегей». Последние записи эпоса он успел записать из уст сказителей-татар, живущих в барабинских степях. Известно, что «Идегей»,

признанный эпический памятник татарского фольклора, является духовным достоянием ряда тюркских народов. Его варианты в разное время были записаны у казахов, каракалпаков, узбеков, ногайцев, туркмен, башкир, горных алтайцев, тюркских народов Крыма и сибирских татар. Первая запись эпоса была опубликована исследователем Сибири Г.И.Спасским в 1820 году в «Сибирском вестнике».

Здесь также интересно отметить тот факт, что особо сложный по сюжету и большой по объему, полуписьменный, присущий тюркскому народу особый эпический жанр – дастан – более стойко сохранился в Сибири. Ученые объясняют это, во-первых, тем, что данные селения находятся вдали от больших дорог, и, во-вторых, благодаря устойчивой мелодии и стихотворной основе. Как отмечает ученый М.Ахметзянов: «Большая часть наших дастанов сохранились в среде сибирских татар и записаны из уст сибирских сказителей. Дастаны «Идегэй» («Идегей»), «Атаклы кыз Тукбикә» («Славная девушка Тукбика»), «Тимер батыр», «Илдан белән Гөлдән» («Илдан и Гульдән») воспроизводят быт татарских племен Сибири в средние века» (Перевод наш – Ф.С.) [Ахметзянов 1985: 44].

Учеными особо подчеркивается, что записанные В.В.Радловым дастаны «Алтаин Саин Сөмә», «Ак күбек», «Ястэй Моңкә», «Межек алып», «Йертөшлек» являются уникальными образцами древнетюркского эпоса. «Кузы Көрпәч и Баян Сылу», «Купланды», «Камбар», «Тайир-Зөһрә», «Бүз егет» перекликаются с мелодиями не только барабинских, но и тобольских заболотных татар, в поселения которых в свое время В.В.Радлов не дошел. Дастан сибирских татар «Алтаин Саин Сөмә» близок к жанру сказки: он состоит только из прозаического текста. При оценке данного эпоса ученые отмечают его схожесть с дастанами, сохранившимися у алтайцев, якутов и хакасов, в центре сюжетов которых лежит героическая борьба за обладание невестой, женитьба главного героя и конфликты, связанные с этим событием. С исторической точки зрения это произведение служит еще одним доказательством родственной близости названных народов.

Два варианта татарского героического дастана «Ак күбек» записаны В.В.Радловым из уст барабинских и тобольских татар. Несколько вариантов этого же произведения, как пишет Ф.Урманчеев, сохранились у алтайских тюрков, хакасов и нугаев [Урманче 2002].

Известными татарскими фольклористами Х.Ярмухаметовым, Ф.Урманчеевым, Л.Замалетдиновым, Ф.В.Ахметовой-Урманче, Х.Гатиной, Н.Ибрагимовым, Х.Махмутовым с 1967 по 1974 годы были проведены экспедиции в те же деревни и селения, где В.В.Радлов осуществил с поразительной точностью записи указанных произведений. «К великому сожалению, через сто лет пройдя этот же путь ученые уже не застали многие из фольклорных материалов, записанных великим ученым»,-

пишет о результатах этих экспедиций ученый-фольклорист Ф.Ахметова-Урманче, внесшая большой вклад в изучение устного народного творчества татарского народа [Ахметова 2002: 240].

Как отмечается учеными, прозаические сказки и эпические сказания в виде сказок записаны В.В.Радловым довольно полно и сохраняют художественные достоинства жанра. Заметим, однако, что, по словам Ф.Ахметовой-Урманче, через сто лет ни одна из этих сказок не повторилась даже в вариантах. Ученые находили лишь сходные мотивы и образцы (например, щедрый Хатэм Таи, украденный кирпич, проданная девушка и другие), совпадения в названиях («Кара *Күккел*», «*Йирән Чичән*», «Саламторхан» и др.), но при этом отмечали, что по содержанию это очень отдаленные контаминации, видоизменения сказок, что говорит об их жанровой неустойчивости и пестроте историко-этнографических связей носителей фольклора. Таким образом, тексты сказок, записанных в IV томе «Образцов...», дают ценнейший материал не только для изучения развития и угасания фольклора, но и для исследования быта, языка, культуры сибирских татар.

В IV томе «Образцов...», кроме стихов в дастанах, собрано 29 текстов песен, которые составляют 680 поэтических строк. Из них 5 песен (79 строк) названы В.В.Радловым байтами. Однако неизвестно, называли эти песни байтами сами информаторы, как это, например, до сих пор принято у нижгарских татар-мишарей, или сам ученый так обозначил их, чувствуя в них едва уловимую эпичность. В современной фольклористике байты выделяются из обычных песен по событийному, чаще трагическому или сатирическому содержанию, повествовательному характеру исполнения.

«Северные тюрки Тобольской губернии уже давно магометане», - пишет В.В.Радлов, однако фольклористам удалось записать и рассказы, отражающие пережитки язычества и шаманства в Барабе, около Тары и Тобольска. Примером этого явления может служить обряд изгнания бесов из больного человека (считалось, что причиной болезни явилось вселение в него злых духов). Материалы обряда записаны в деревне Күкрәнде (Чебурга) Тобольского района.

Об аналогичном изгнании болезни у молодого человека приводится и в книге Э.Р.Тенишева «Язык желтых уйгуров» [Тенишев 1980]. Эти стихи, на сохранившуюся в народной памяти мелодию, вероятно, возникли взамен забытого, но остро необходимого рядом с ортодоксальным исламом вербального фольклора. Подобная архаика, как известно, чаще сохраняется в детском фольклоре, например, считалки или предисловие к «Кияу йыр» (песня жениха) – их практически невозможно расшифровать.

Таким образом, «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собранные В.В.Радловым», как и его «Опыт словаря тюркских наречий», заслуженно

считаются краеугольным камнем тюркологии. Сравнительно-сопоставительный анализ этого известного труда с результатами исследований современных фольклористов даёт яркое представление о развитии сибирско-татарского фольклора, об истории сибирской фольклористики и современном её состоянии.

Анализируя уровень изученности сибирско-татарского фольклора, нельзя не отметить также труды других, не менее известных исследователей. Определенную лепту в развитие этой области науки внес крупный ученый Николай Федорович Катанов. В свое время он учился в Петербургском университете у знаменитых тюркологов, таких как В.В.Радлов, И.Н.Березин, Н.И.Веселовский, и продолжил их традиции. До настоящего времени именно в его записях сохранились легенды и предания сибирских татар: «Предания тобольских татар о грозном царе Тамерлане», «Предания тобольских татар о прибытии Мухамедданских проповедников в г. Искер», «Предания тобольских татар о происхождении киргизского народа», «Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке» и другие, которые хранятся в архивах Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

В этой связи нужно обратить внимание на то, что большой интерес вызывают предания о жизни шейхов, связанные с распространителями ислама в Сибири. В библиотеке Тобольского краеведческого музея хранятся две рукописи (объемом в 4 и 3 стр.) под названием «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири». Одна из них написана Саадом Ваккасом, сыном Раджаба, Аллакуловым, а другая – Кашшафом Абу-Саидовым. Содержание обеих рукописей почти идентично, различаются они лишь в несущественных деталях.

Перевод этих рукописей на русский язык был осуществлен Н.Ф.Катановым и опубликован в 1903 г. в «Ученых записках Казанского университета» [Катанов 1903: 133-146], а в 1904 г. – в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» (14 выпуск). [Катанов 1904: 3-28] В тексте повествуется о походе 366 мусульманских проповедников из дервишского ордена Накшбандийа и 1700 воинов в Западную Сибирь для обращения местных народов в ислам: «По мусульманскому летоисчислению 797 год хиджры (начался 27 октября 1394 г. и кончился 15 октября 1395 г.) стал годом, исполненным истинной дружбы с исламом...». Там же содержалась вся история миссионеров, начавшаяся в «Священной Бухаре» во времена хана Абу-ль-Лейса «с соизволения» основателя ордена мистиков «Накшбандия» ишана ходжи Багау-ль-хакк-уа-д-дина. Прибыв в Сибирь, шейхи стали выполнять его указание в отношении распространения ислама. Считается, что из 366 шейхов 300 погибли; 3 проповедника обосновались среди сибиряков, обучая их основам веры, 63 вернулись в Бухару, где доложили Багау-ль-хакк-уа-д-

дину о выполнении задания. В документе перечислено также 29 священных захоронений – Астана.

Рукопись, переведенная Н.Ф.Катановым, есть ни что иное, как сачара одного из хранителей Астаны. Длительное время она являлась единственным известным и наиболее ранним документальным источником по исламизации Сибири, введенным в научный оборот.

Н.Ф.Катанов не только обнародовал эти сачара, в 1895 г. он опубликовал предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке [Катанов 1897: 51-61; 1895: 234-238;], а спустя год на русском языке им были опубликованы два предания сибирских татар, оригиналы которых изданы В.В.Радловым в 4 Т. «Образцов народной литературы тюркских племен...», записанные академиком со слов ишимских и тобольских татар (в с. Саургач). Первое предание рассказывает о приезде в Сибирь исламских проповедников из Бухары в ответ на обращение в 1572 г. к правителю Бухары сибирского хана Ахмет Гирея. Второе – о приезде в Сибирское ханство исламских миссионеров под руководством Ахмет Гирея, направленных бухарским ханом по просьбе хана Кучума. Второе предание более точно сообщает имена участников событий и подтверждается другими историческими документами. Действительно, брат Кучума Ахмет Гирей приехал в Искер и они вместе правили 4 года, позже Ахмет Гирей был убит своим тестем, казахским ханом Шыгаем.

Спустя 100 лет, в 2004 г., историком И.В.Беличем и доктором филологических наук Ф.З.Яхиным в с. Карагай был обнаружен и прочитан протограф данного списка, владельцем которого является местный мулла, являющийся в то же время смотрителем астаны шейхов Абдул-Азиса и Абдул-Халика д. Алагулова/Каш авыл Р.Х.Батинов. Рукопись написана на сибирско-татарском тюрки почерком насх в стиле XVIII в. Из перевода сачара стало известно, что она составлена Гайнутдином муллой Хилкат Йарканди, называвшим себя «хасса-гайн», т.е. «уважаемый господин» или «господин смотритель». Вероятно, составитель «Древа», так же, как и нынешний ее хранитель, совмещал обязанности муллы и астана караучы. Переписал список Кашшаф Абу-Саидов, бывший тем «карагайским караульщиком», имя которого с арабописьменным автографом встречается в антропонимике этого селения по архивным документам начала XX в.

Вновь открытые документы являются не только источником, позволяющим пролить свет на вопросы, связанные с историей сибирских татар, с процессом принятия ислама коренными народами Сибири, но и памятником языка, письменности и литературы сибирских татар.

Таким образом, из документальных источников, связанных с этими шейхами, также сохранились культовые документы – сачара* – рукописи в виде свитка, написанные на арабской графике. Они использовались для

---

* Сачара (шаджере/шаджара/сэчэра/сачара) – родословная, древо жизни

доказательства права на земельные участки после прихода русского населения в Сибирь и нередко являлись главным символом хранителя астаны – места захоронения святых шейхов, которые распространяли в этих краях ислам. Сачара обычно передавались по наследству, и считалось, что ее хранители (астана карауцы) сами являются потомками рода шейхов (шык тугум). В советский период, во времена жесткой антирелигиозной политики, большинство сачара было утрачено. Оставшиеся же документы, как правило, хранились в строжайшем секрете, и об их существовании часто не знали даже ближайшие родственники.

Сачара крайне важны для исследований, т.к. переписывавшиеся из поколения в поколение, они свидетельствуют также и о распространении грамотности среди сибирско-татарского населения.

В 1877 г. В.В.Радлов опубликовал «Шаджара рисаласи» («Трактат о генеалогии»), записанный Ходжашем Шакармом в Тобольске «со слов Шарбати-хана (XVII в.)» [Большая Тюменская энциклопедия 2004: 104], как образец письменности сибирских татар [Радлов 1877: 217-220]. Краткий его вариант хранится также в рукописном отделе Института востоковедения в Петербурге. Заметим, что более полный вариант этой сачара был опубликован в 1909 г. Р.Фахрутдиным в вышеназванном труде «Асар» [Фахрутдинов 1909: 72-90].

В связи с вышесказанным, нужно дать объяснение слову «астана». Во многих сибирско-татарских деревнях до настоящего времени сохранились места, называемые «астана», где похоронены миссионеры, сподвижники ислама. В суфизме (тасаввуф) астана определяется как место, где жили «святые» и проповедники, и где находятся их мавзолеи, к которым совершается паломничество (зийара). Для мистика оно связано с целью достигнуть духовного общения (муракаба) со святым, а для мирянина – получить заступничество, благодаря его духовной силе (барака), способной творить чудеса [Белич 2006: 14.]. Основные доктрины тенгрианства, в т.ч. культ предков, легли в основу традиции почитания священных захоронений – Астана. Первые исламские миссионеры были представителями суфизма, а суфизм продемонстрировал удивительную пластичность, способность впитывать традиционные народные верования и представления и возвращать их народу в мусульманизированной форме [Селезнев, Селезнева 2004: 4]. Эти места считаются святыми для мусульман. Из поколения в поколение передавалось уважительное отношение к этим местам, в этом немаловажную роль играют и предания, связанные с их деятельностью. До сегодняшнего дня в народе хранится множество преданий и легенд, связанных с именами шейхов, их учениями и местами захоронений.

В многочисленных легендах и преданиях, собранных фольклористом из народа А.Ниязовым называются имена этих шейхов, описываются их деяния и отношение к ним сибирско-татарского народа. Если сравнить

материалы легенд и преданий, собранных А.Ниязовым, то многие имена и места сходятся со списком, оставленным Н.Катановым. Например, в Баеше – астана шейха Хакима, в Вагае – шейха Касима, в Больших Бурянях – шейха Бигяч-ата, в Юрмах – Хадиджа биби, Акыл биби, в Саургачах – Салиха биби и др. В легендах и преданиях встречаются и имена других шейхов, существование которых не доказаны документально, но этот факт никак не умоляет их значение перед народом.

«Почитание шейхов и изучение их жития, паломничество к могилам миссионеров, институт хранителей мавзолеев, поучительные истории в фольклоре сибирских татар, схожие по стилю и сюжету сказаниями странствующих шейхов, сохранившуюся даже после их смерти, вера в сновидения, как в мост между мирским и духовным, наставления – адабы являются связующим звеном суфизма и традиционного ислама сибирских татар» [Рахимов 2006: 29].

Таким образом, фольклорный материал может служить полезным источником для изучения истории, этнографии, языка, обычаев и обрядов народа. Бережное отношение ко всему тому, что принадлежит истории народа, его прошлому, изучение этих материалов, могут дать науке интересные результаты.

У сибирско-татарского народа бытуют также устные прозаические рассказы, относящиеся к преданиям, в которых повествуется о событиях далекого прошлого. В основе таких сюжетов лежат реальные факты, которые за давностью лет вызывают различные слухи и толки, благодаря чему к ним возникает дополнительный интерес. Сохранились многочисленные топонимические предания, рассказывающие об истории происхождения различных географических названий: рек, озер, гор и др. Одни из них дают точные, т.е. достоверные, проверенные практикой или историческими данными объяснения того или иного названия. Другой тип преданий – исторически неоправданное, недоказанное поэтическое истолкование того или иного названия, однако интересен содержанием, литературной образностью, языком. Любопытны предания о происхождении татарских населенных пунктов Ачиры, Лаймтамак, Нешшә, Носкы Тобольского района, Сопра, Ишаир, Катангуй Вагайского района Тюменской области, Лешаково, Тюрметяки, Ашеваны Усть-Ишимского района Омской области.

Вячеслава Софронова в журнале «Идел». Здесь автор статьи дает высокую оценку работе собирателей народного творчества и пишет: «...привыкли мы, что история наша творится где-то в других краях, и свои самородки считаем пустой породой, безжалостно выбрасывая их из памяти» [Софронов 1993: 53]. Эти же предания использовались Я.Занкиевым в своих романах «Зори Иртыша» и «Любовь, объятая пламенем».

Наиболее распространенным жанром устного народного творчества по достоинству считаются народные песни. Это в основном четверостишия (кыска ерлар), в которых отражались думы и чаяния людей. Среди многочисленных песен сибирских татар встречаются и сюжетные. В музыке сибирских татар специалисты обнаруживают коренные сибирские, казанские и мишарские музыкальные традиции, а также черты, связывающие музыку сибирских татар с казахской и узбекской. Песни сибирских татар характеризуются диатоничностью, широкими мелодическими интонациями, суровостью общего колорита. Их исполнение сопровождалось игрой на народных музыкальных инструментах, в состав которых входили курай (деревянная дудка), кубыз (инструмент из металлической пластины), бубен (ударный инструмент) и др.

Первыми из опубликованных произведений сибирского музыкального фольклора являются «Песни тобольских татар» (33 песни), увидевшие свет в 1864 г. на страницах «Тобольских губернских ведомостей». Среди изданных лирических и шуточных песен имеются и песни, выражающие религиозные воззрения сибиряков-мусульман.

Большой вклад в современную музыкальную фольклористику сибирских татар внесла Альминур Патршина, посвятившая последние десятилетия жизни не только сбору, записи народных песен, баитов и мунаджатов из уст самого носителя, но, обладая поистине народным голосом, она много делала для их популяризации. В области музыкальной фольклористики также интерес вызывает работа Л.Сурметовой, посвященная научной обработке песенного фольклора татарского народа, проживающего в Сибири [Сурметова 2007: 27].

В двадцатом веке крупнейшим исследователем татарского фольклора, в том числе и сибирско-татарского, стал Хамид Ярми. С 1940 по 1967 годы им было организовано около 30 экспедиций по сбору татарского фольклора в 16 республиках и областях Советского Союза, с компактным проживанием татарского населения. 115 участников экспедиций посетили с ним более 300 татарских деревень от Сергача Горьковской области до Барабинских степей Новосибирска. Собранные материалы обобщены, опубликованы в более ста статьях, 45 книгах, 11 из которых переведены на китайский, монгольский, словенский, болгарский, венгерский и другие языки мира. Самым большим результатом работы отдела фольклористики ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова является четырнадцатитомный «Свод татарского фольклора». Этот «Свод...» организован и начат ученым Х.Х.Ярми, три тома монографического исследования татарских сказок составлены им лично. За большой вклад в науку ученый посмертно был удостоен звания лауреата им. Г.Тукая Республики Татарстан (1989), самой почетной и престижной награды в области искусства и литературы Татарстана.

Вызывает особый интерес учебник Хамида Ярми «Татар халкының поэтик иҗаты» («Татарское народное поэтическое творчество») [Ярми 1967: 306], который в течение многих лет использовался в качестве единственного учебника по фольклору для вузов. В книге особое место уделяется подробному исследованию истории татарской фольклористики; следующие главы посвящены изучению и анализу отдельных жанров фольклора: сказок, баитов, пословиц и поговорок, загадок, песен; также рассматривается состояние устного народного творчества советского периода.

Особый интерес для исследователей вызывает книга «Иртеккә сәяхәт» («Путешествие на Иртыш») [Иртеккә сәяхәт 1989: 158], составленная Мухаммедом Садри, по результатам экспедиции 1940 года, в которой участвовали Х.Ярми, С.Амиров, В.Хажиев и составитель труда.

Интересны исследования в данной области ученого-фольклориста Флоры Вагаповны Ахметовой-Урманче, которая также является представительницей сибирских татар. Именно она отдала много усилий изучению и анализу работ В.В.Радлова, в том числе его известного труда, посвященного устному народному творчеству татар, проживающих в Сибири.

Современное состояние сибирско-татарской фольклористики представлено многочисленными исследованиями ученых-фольклористов на основе фольклорных материалов, собранных во время научных экспедиций в разное время, в том числе вошедших в многотомное издание «Татарское народное творчество». Почти в каждом из них имеются образцы, записанные у сибирских татар в Омской, Томской, Новосибирской, Тюменской и других областях региона. Произведения различных жанров устного народного творчества сибирских татар отражают местные географические, исторические особенности, в то же время они обладают множеством общих черт и мотивов, присущих фольклору татар Поволжья и Приуралья, что свидетельствует об общих тюркских корнях. Эти материалы были использованы авторами при исследовании проблем этногенеза и духовной культуры тюркских народов.

ТЕМА 3 (4ч.)

Начальный (традиционалистский) период татарской литературы Западной Сибири

При изучении истории литературы особое значение приобретают текстологические исследования. На протяжении XX века татарскими учеными-текстологами проводилась большая работа по сбору литературного материала на территориях компактного проживания татар.

География развития татарской литературы очень широка, так как татарское население исторически проживает не только в России, но и по всему миру. Общеизвестно, что у татарского народа издавна была развита

книжная культура, поэтому неудивительно, что до сих пор в разных местах, где проживало татарское население, учеными обнаруживаются неизвестные доселе литературные произведения, написанные руками тюрко-татарских поэтов древности и средних веков. Это касается также территорий Тюменского региона.

Но, несмотря на лестный отзыв ученого Р.Фахрутдинова, по поводу того, что в Сибири мусульмане делают намного больше полезного по сохранению наследия отцов и дедов, чем мусульмане Поволжья, на сегодняшний день науке известно немного имен поэтов и писателей, живших и творивших на территории Сибири.

В популярную среди татарского населения в средневековье книгу «Бакырган китабы» («Книга Бакырган»), в которой объединены произведения поэтов-суфиев XII–XVIII веков, включены 18 стихотворений поэта Икани. До конца XX столетия об авторе этих стихов ничего не было известно. Ни в списках суфиев-шейхов, ни в энциклопедических словарях знаменитых ученых прошлых веков Востока о нем не упоминается.

Знакомство с вышеназванной публикацией Н.Ф.Катанова «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноверцев Западной Сибири», основанной на двух татарских рукописях Тобольского музея, где рядом с именами других шейхов – проповедовавших в этих краях ислам, есть упоминание о мавзолее «почтенного шейха Айкани/Икани», находящегося «в Искере», натолкнуло диссертанта на поиски ответа на вопрос об идентичности этих личностей.

Последние находки (протограф родословной сибирско-татарских святых (*сәчәрэ-шәҗәрә*), список которого был опубликован в свое время Н.Ф.Катановым, свод суфийских текстов) обнаруженные историком, исследователем края И.В.Беличем в деревне Карагай Вагайского района Тюменской области летом 2004 года, прочитанные литературоведом Ф.З.Яхиным укрепили эти предположения. По данным так называемого «Карагайского свитка», ученый пришел к выводу о том, что именно поэт Икани, который представлен как автор стихов, включенных в «Бакырган китабы», является одним из 366 шейхов, прибывших на Сибирскую землю в 1394 году с целью распространения ислама среди местного населения. Опираясь на содержание этой ценной исторической находки, можно утвердительно сказать, что поэт был похоронен на берегу реки Иртыш (Абу-Джирс). Других данных о поэте Икани, к сожалению, не обнаружено. Таким образом, мы можем только предположить, что автором 18 стихотворений, сохранившихся до настоящего времени, является поэт Икани – один из шейхов, которые были «вооружены верой в Аллаха» и единым желанием и стремлением помочь другим в познании ислама. Косвенные подтверждения этому можно обнаружить и в его произведениях.

Имя Икани, по нашему представлению, является собственным именем автора. Переводится как «Иманлы» («Человек с верой»). Все известные его стихотворения написаны под влиянием суфийских представлений автора [Яхин 2006: 189].

Анализируя стихотворные произведения поэта Икани, в основном посвященные раскрытию идей суфизма, весьма распространенного в средневековье, найдены еще некоторые факты, подтверждающие, хотя и косвенно, наши предположения. Нужно отметить, что суфизм является основным направлением литературы средних веков. Как литературное направление суфизм был распространен среди народов, которые придерживались ислама. Аскетические настроения, породившие начало суфизма в Поволжье, возникли в связи с принятием ислама в VIII-IX веках.

В «Книге Бакырган», состоящей из 143 лирико-философских и лиро-эпических произведений, стихотворения с девяностого – по сто восьмое принадлежат поэту Икани. Стихи написаны на тюрко-татарском языке с широким применением суфийско-религиозной терминологии из арабско-персидских языков. 298 строк стихотворений Икани составляют 142 стиха. Хотя данная хрестоматия издавалась несколько раз в Казани, начиная уже с 1847 года, они малоисследованы, в литературно-художественном плане не проанализированы. В советское время книга более не издавалась, лишь в 2000-м году «Книга Бакырган» увидела свет в Казани.

По мнению Ф.З.Яхина, одна из основных идей в произведениях Икани связана с суфийской философией «зикр». Как отмечается во многих трудах литературоведов, в суфийской лирике понятие «зикр» является одним из основных и очень значимых. В научных работах данный термин трактуется как суфийская молитва, обращенная к Всевышнему. Однако прямое понимание данного термина намного сужает заложенный в него глубокий смысл. Ограничивать «зикр» молитвой, даже мольбой, повторением имен Всевышнего Аллаха нельзя; при таком понимании невозможно ни понять значения суфийского «зикра», ни постичь содержания суфийской философии.

Судя по его стихам, поэт Икани понимает «зикр» не только как религиозно-ритуальное действие. Он предполагает, что необходимым условием «зикра» является душевное расположение человека. Всевышний, в суфийском понимании, есть «Хак», то есть «Хакыйкать» («Истина»). По содержанию стихов поэта, можем говорить о том, что Икани считает: «Абсолютную истину» не стоит искать вне самого человека, на стороне. Истина, как и вера в Аллаха, хранится в душе самого человека. По мнению поэта, «Зикр» – обращение к Всевышнему, очищает душу человека для познания абсолютной истины.

Утверждая возможность достижения Истины, в стихах Икани упоминает еще о «даргаһ», то есть о «двери к Истине», где пишет, что «жадный человек не уважаем у дверей Истины», что к «иному миру надо

готовиться с благими намерениями». Поэт Икани в своих стихах часто упоминает об «Ахирәт», то есть об Ином Мире, которая воспринимается автором как «Мир абсолютной истины». С переходом туда, душа верующего достигает бессмертия, постоянное счастье, рай. Таким образом, человек, жаждущий Истины, как утверждает Икани, должен, во-первых, сохранить Истину в своей душе, во-вторых, получить тайны знаний от учителя, в-третьих, постоянно совершать благие деяния.

Таким образом, поэт утверждает, что если будешь помнить Всевышнего и сделаешь «пристанищем истины» свою душу, то тогда твои страсти, алчность не будут мучить тебя. Как утверждали суфии, алчность, ненасытность, жадность, страсть – это свойства, порожденные Дьяволом, присутствуют в каждом человеке. Если эти пороки одержат верх, то нет сомнения, что ты становишься прислужником Сатаны. Но дьявольские чувства можно победить, если всей душой верить во Всевышнего. Познающий вечную истину человек не может быть алчным, жадным, ибо для него материальный мир, бытие являются сами собой образующимися и временными. Алчность и жадность разрушают веру, поэтому верующий должен быть всегда «полным слез», помня о Всевышнем, пишет Икани. Человек «гирийан», то есть «полный слез», не тратит время на веселье, а постоянно думает, мыслит. У суфиев бездеятельность, лень является самым постыдным качеством человека. Веселье и бездеятельность в их понятиях имеют один и тот же смысл.

Обращаясь к себе, называя свое имя, Икани пишет, что «обязан быть днем и ночью в слезах и в горе, ибо только тогда он сможет найти Всевышнего». Можно утвердительно сказать, что это – его понимание пути достижения Истины. Оно характерно для суфийского учения об Абсолютной истине. Поэт утверждает, что нельзя быть невежественным, ибо в конце жизненного пути остаешься только со своей верой, то есть с достигнутой за всю жизнь истиной. Материальные блага, богатства – все остается на брэнной земле, в этом Мире, никто их с собой не сможет унести, а Истина, которая прочно заняла место в душе, не исчезает, так как душа бессмертна. Поэтому Икани призывает «закира» (человека молящегося, верящего во Всевышнего), познать и ввести Истину в свою душу.

Некоторые биографические данные о поэте Икани можно обнаружить в других его произведениях. Например, в стихотворении «Кәлли гәлзари» («Все цветущие сады») поэт, используя поэтическую образность, пишет, что и в цветущие сады приходит осень. Так и жизнь человека: цветет в положенное время, а потом приходит время ухода. Поэтому он предлагает не считать своих денег, ибо они не смогут спасти в судный день, а вести счет своим грехам, где под «счетом» имеется в виду раскаяние в совершенных грехах или же человек не должен совершать их совсем.

Образный язык поэта позволяет более чувственно передать его идеи и идеалы. Религиозно-мифологическая символика, поэтические обращения, риторические вопросы, встречающиеся в каждом его произведении, усиливают влияние стиха на читателя, что, в конечном счете, и является главной целью автора.

В последние десятилетия было обнаружено и изучено еще одно произведение – творение человека, который является, по утверждению ученых, тобольским татаринном.

«Амдами является одним из блестящих поэтов XVIII века. Он был не только ахундом-священнослужителем и мударрисом-профессором, но и занимал большой государственный пост, был Главой «народа Таб», то есть тобольских татар,- пишет Яхин [*Яхин 2002: 601-602*]. Здесь, по всей видимости, надо подразумевать не светское, а духовное руководство, поскольку в этот период «тобольским головою» татар и бухарцев являлся небезызвестный Авазбакей Кульмаматьев [Бахрушин 1937: 77]. Имя Амдами является псевдонимом, которым поэт называет себя в сохранившемся произведении «Нәсихәтнамә» («Наставления»). В 1872 году эта книга была издана в Казани во второй раз, первое издание данного произведения так и не обнаружено до сегодняшнего дня».

Так в литературных и научных кругах стало известно о творчестве поэта, творившего под именем Амдами.

Очень скудные материалы об этом поэте появились в печати в начале 60-х годов XX столетия, в связи с обнаружением учеными рукописной книги поэта Амдами. В 1963 году в известном литературно-критическом журнале «Огни Казани» публикуется статья «Литературные памятники, сохранившиеся на Урале» литературоведов Н.Юзеева и А.Фатхи, где говорится, что произведение «Насихатнамә» написано добротным литературным языком, насчитывает более тысячи поэтических строк [*Юзеев, Фатхи 1963: 119*]. Данная рукописная книга была обнаружена вместе с произведениями татарского поэта периода Казанского ханства Мухаммадьяра бин Махмуда. Это натолкнуло ученых на мысль о том, что Амдами является поэтом, относящимся к древнему периоду татарской литературы. В статье также отмечается, что на этом этапе исследования ученым подлинного имени поэта установить не удалось, но предполагались дальнейшие поиски. К сожалению, вскоре этих ученых не стало, и на этом изучение данного источника было прекращено на долгие годы.

Спустя 30 лет, осенью 1990 года, во время научной экспедиции, в библиотеке мечети города Альметьевска (Республика Татарстан) вышеупомянутым исследователем Ф.Яхиным была обнаружена вторая рукопись «Насихатнамә» и начато ее изучение. В 1991 году по итогам исследования им был подготовлен доклад, который был представлен широкой общественности во время итоговой научной конференции

Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, где были изложены некоторые результаты изучения найденной рукописи поэта Амдами, его видение решения проблемы, связанной с датированием и атрибутированием произведения. На основе водяных знаков бумаги рукопись была отнесена к первой четверти XIX века. Данный доклад был первым шагом на пути изучения этой рукописи, далее была подготовлена научная статья [*Яхин 1992: 13*].

На основе опубликованной в 1872 году книги был подготовлен для издания полный текст произведения, который должен был войти в пятый том сборника «Литературные памятники». К сожалению, до настоящего времени дело с места не продвинулось. Несмотря на это, научные исследования данного литературного памятника продолжались, и они принесли свои плоды: были обнаружены новые факты, которые привели к раскрытию подлинного имени Амдами, уточнению даты написания произведения «Насихатнамэ».

Стало известно, что первые упоминания о творчестве Тобольского поэта были значительно раньше. Об этой книге поэта Амдами уже в конце XIX в. татарский ученый Р.Фахрутдинов в первом томе известного библиографического труда «Асар» («Памятники») пишет о поэте Амдами, дает высокую оценку его поэзии, а также утверждает, что литературные памятники древности необходимо искать в Сибири: именно сибирские татары в средние века оставили лучшие поэтические произведения. В данном сборнике отмечается, что у автора имеется и рукопись произведения «Насихатнамэ». Р.Фахрутдинов указывает и точную дату написания произведения, и подлинное имя его автора – Худжа Шукур бине Гаваз-бай. Если обратимся к данному источнику, то можем найти об авторе «Книги наставлений» следующие данные: «Худжа Шукур бине Гаваз-бай – один из ученых Сибири. В одном из аттестатов, написанном его наставником, есть такие строчки: «...в знаниях достигшему высшего совершенства, достойному хозяину, родственной душе по вере, суфи-дервишу Хаджи Шукуру аттестат (диплом)... Мы упомянули его произведение «Насихатнамэ» («Книга наставлений»), который посвящен народу Таб (известный род, на правом берегу реки Тобол). В начале произведения есть посвящение: «Стару и младу народа Таб», и в конце подписано: «Эта книга «Насихатнамэ» написана мной – Худжа Шукур бине Гаваз-баем – наставником татар, в тысяча сто четырнадцатом году». (Перевод наш - Ф.С.) Далее автор пишет, что год смерти поэта и ученого не известен.

Основываясь на этот знаменитый источник, можно также сделать промежуточные выводы, о том, что Худжа Шукур бине Гаваз-бай в 1694 году окончил медресе Даулатшаха ибн Габдулваггапа Ал-Хасани, долгие годы был ахундом Тобольска, в 1703 году завершил это произведение.

Знарок древнетатарской литературы Ш.Абилов в статье, представленной в первом томе «Истории татарской литературы», опираясь на вышеупомянутый сборник, также пишет о том, что «в руках Р.Фахрутдинова была книга «Насихатнамэ» одного из татарских ученых Сибири Шукур бине Гаваза, который жил в 1114/1769 годы и посвятил эту книгу народу, жившему на берегах реки Тобол» (перевод наш.- Ф.С.) [*Татар әдәбияты тарихы 1984: 328*]. Ученый-текстолог Н.Ф.Исмагилов также излагает свои предположения об этой книге, опираясь на известный труд Р.Фахрутдинова, но попытки анализа самого произведения не следовало.

В связи с упомянутым вышеназванным источником этно-территориальным, видимо, термином «народ Таб» нужно отметить, что в обнаруженном историком И.В.Беличем протографе родословной сибирско-татарских святых составитель «Древа» также использовал грамматическую форму «Таб» в написании города Тобольска – «Табул». По мнению Ф.З.Яхина, изложенного в «Заключении полевого текстологического анализа карагайской рукописи «Древо шейхов Сибири»», «сибирские татары под влиянием русской культуры только в XIX веке начали применять форму Тубыл вместо Табул» [Белич 1997: 55-73].

Следующая находка этих ученых дает возможность сделать выводы о тенденции поэтической моды молодого поколения сибирских татар, отдавшего предпочтение восточной лирике, в том числе суфийской. Дело в том, что в деревне Большой Карагай Вагайского района в 2005 г. была обнаружена рукописная книга, написанная, по определению И.В.Белича, стилем «наسخ» на сибирско-татарском тюрки XVIII в. По водяным знакам бумаги книга датируется 1784 г. и представляет сборник, нечто похожее на хрестоматию, включающей разные тексты суфийского содержания. Литературовед Ф.З.Яхин, участвовавший в этой экспедиции, отметил, что выявленный сборник является исключительной находкой, в особенности для Сибири и требует дальнейшего специального и квалифицированного изучения. Само присутствие здесь такого пособия «краткого курса» обучения ритуальной практике исламского мистицизма, по мнению И.В.Белича подразумевает существование в юртах Карагайских в XVIII в., по крайней мере, суфийской обители с надлежащий данному сообществу или группе структурой и статусом отделения или филиалом (таифа) братства Накшбандийа.

К сожалению, ученые края пока не располагают достоверной исторической информацией ни об одном имени из ишанов предполагаемой суфийской обители в Карагайских юртах XVII-XIX вв., ни о местах их захоронений, которые могли бы явиться объектами почитания и паломничества среди местного мусульманского населения. Однако некоторые сведения аутентичных письменных источников, которые могут пролить свет на этот вопрос, все-таки имеются. В доказательство своих рассуждений И.В.Белич также упоминает Тобольского поэта: «Другим

примером являются сочинения местных авторов, пользовавшиеся известной популярностью среди татарского населения Среднего Прииртышья и, быть может, имевшие корпоративное хождение. В их числе назовем уникальную по содержанию «Насихатнамэ» («Книга наставлений»), написанную в 1703г. ученым и поэтом Худжа Шукур бине Гавас-баем (под псевдонимом Амдами), на основе поэмы персидского поэта рубежа XII-XIII в. Ф.Гаттара «Панднамэ» («Назидания») и высоко оцененную в библиографическом своде Р.Фахрутдина «Асар» [Белич 1997: 55-73].

Доказательством того, что сибирские татары были весьма образованными людьми также является наличие в крае XIX в. библиотек, где хранились многочисленные редкие издания, привезенные из Бухары, Саудовской Аравии, Турции и др. мусульманских стран. К примеру, в библиотеке Ембаевской медресе, собранной и организованной известным купцом Нигматуллой Кармышаковым хранилось более 2200 книг и рукописей. Есть достоверная информация о том, что в городах Тобольске, Таре также функционировали библиотеки [Гарифуллин 2007: 52-55].

К этому же выводу, опираясь на данные Р.Фахрутдина, приходит Г.Л.Файзрахманов: «О существовании образованных людей среди тобольских татар свидетельствует эпитафия над могилой мирзы Баки бине Гаваз, умершего примерно 1084/1673 г. Его могила была обнаружена в 1912 г. В.Н.Пигнатти возле ханских могил близ Тобольска. Как видно из вышеназванных источников, Шукур бине Гаваз и Баки бине Гаваз были родственниками» [Файзрахманов 2004: 87]. Таким образом, совместные научные изыскания историков и литературоведов дают некое представление о культурно-образовательном уровне татарского народа Тюменского края на рубеже XVIII-XIX веков.

Еще более конкретных сведений об авторе «Насихатнамэ» не обнаружено.

По традициям древнетатарской литературы, поэт в своем произведении в нескольких местах упоминает свое имя. Он называет себя псевдонимом «**Һәмдәми**» (Амдами) в контексте произведения читателю становится ясно смысл данного слова, который означает «близкий друг», «попутчик».

Многие поэтические строки «Насихатнамэ» и «Панднамэ» похожи по содержанию и идейно-смысловой нагрузке. Автор поэмы придерживается основных идей Ф.Гаттара, но, следует подчеркнуть, что он не всегда до конца верен этому принципу.

Объем произведения также в разных источниках указывается по-разному. Если Н.Юзеев и А.Фатхи в вышеуказанной статье пишут о «более тысячи поэтических строк», в самом произведении поэтом упоминается о тысяче строк. Но сохранившиеся рукописи и печатное издание содержат не

более 930-950 байтов. Это наталкивает на мысль о том, что его рукопись была «отредактирована» переписчиками или издателями.

По традиции древнетатарской поэзии, произведение начинается с главы, где идет восхваление имен все милостивого и всемогущего Аллаха, где автор просит помощи для написания книги. В «Насихатнамэ» упоминаются имена пророков Нуха, Лута, Ибрахима, Намруда, Салиха, Сабира, Давида и др. В главе «Нашему пророку, его создавшему Аллаху, и последователям восхваления» Амдами рассказывает о последнем пророке, который пришел на нашу землю – Мухаммаде. Также здесь следуют восхваления продолжателям духовной практики Мухаммада – Абу-Бакиру, Гумеру (Омар), Госману (Осман), Гали (Али), которые являлись искренними служителями веры. Традиционная часть произведения заканчивается главой «Великие имамы, да будут благословенны Аллахом, и восхваление последователям»), где речь идет о самых известных имамах – духовных наставниках, которые были последователями пророка Мухаммада.

Но вместе с тем, после главы о пророке Мухаммаде и продолжателях его идей, по традиции древнетюркской литературы должна была следовать глава «Мунаджат», где обычно следовали сведения о самом авторе. Суть мунаджата составляет или обращение к богу, повествование о горестях человека, или изложение чувств и переживаний, попавшего в несчастье лирического героя. В этой части произведения «Насихатнамэ» следуют размышления поэта о смысле жизни, о постижении мудрости, истины. Но, к сожалению, конкретные данные о самом авторе произведения здесь отсутствуют. Можно предположить, что это могли быть те утерянные (или пропущенные) переписчиками или издателями строки.

Основная часть книги Амдами состоит из 48 глав, каждая из которых называется «Пәнд вә нәсыйхәт» («Назидание и наставление»), как у его предшественника. (Здесь нужно отметить, что «Панднамэ» Ф.Гаттара состоит из 66 глав). Кроме этого, в произведении есть объемные тематические главы, например, «*Бәяне мәғрифәт*» («О просвещении»), «Гафиять бәяне» («О здоровье»), «Шәкый» («О жестокости»).

Композиция «Насихатнамэ» Амдами не сложна, она подчиняется требованиям древнетюркской литературы. Как уже было сказано выше, произведение состоит из традиционной части, определенного количества глав, и дополнительных тематических глав. Несмотря на это, поэма воспринимается как единое целое, так как подчинено главной идее – показать пути достижения Истины, победы над чувством «нафса» (алчности). В каждой главе автор затрагивает определенную тему, которая ведет к раскрытию основной идеи. Бесспорно, роль поэта в композиционном построении текста велика, повествуя нам свои размышления, автор не разделяет их на главное или второстепенное, он излагает свои мысли, подчиняясь определенным законам формы и сюжета.

Тематика книги Амдами довольно обширная. Сюжет поэмы подчинен дидактическим задачам; но здесь нет единого сюжета, нет героев, но в каждой главе Амдами затрагивает определенную тему, после которой обязательно идет наставление. В каждой главе автором рассматриваются определенные морально-этические качества, свойственные человеку, которые нужно или развить, или, наоборот, их избегать. Автор призывает читателя не стремиться к богатству, держаться подальше от греховного, не быть алчным и жадным, не терять веры. Автор также размышляет о смысле и бренности жизни, воспитании молодого поколения в вере и нравственности.

Прием повтора, которым пользовались многие поэты древности, наблюдается и в этом произведении. Каждую главу автор начинает со вступления, после следует нравоучение о чем-либо, и в конце Амдами делает вывод, который в каждой главе сводится к одному – жить во имя Аллаха, верить только Всевышнему, жить праведно. Все главы заканчиваются повтором формулы: если соблюдать эти правила, будешь в вере («иманлы булырсыи»), что говорит о назидательном характере поэмы.

Анализ содержания сохранившихся строк «Насихатнамэ» приводит к мысли о том, что творчество Амдами является достойным продолжением традиций татарской литературы средних веков, сформировавшейся под влиянием суфийских взглядов и идеологии. Как было отмечено нами выше, в суфийской литературе одним из основных, смыслообразующих является отношение к понятию «нафс» (алчность). По мнению Амдами самый главный порок человечества – это алчность, которая является основой всех бед и несчастий человека. Учение «тасаввуф» является школой продвижения к совершенству через преодоление человеком своего нафса. Суфии мечтали воспитать «совершенного человека» (аль-инсан-аль-камиль), который способен побороть свое «эго», «я», т.е. встать выше «нафса». Рассматривая алчность как жадность, скупость, корыстолюбие, неудержимое стремление удовлетворить свои желания, автор в течение всего произведения призывает бороться с этим чувством, который отдаляет человека от Всевышнего.

В отдельных главах автор пишет о таких человеческих пороках, как зависть, лживость, упрямство, двуличие, также призывает не сплетничать, не брать чужое, не врать. Здесь также следуют наставления, направленные как простому народу, так и умному мужчине, правителю страны.

Автор предостерегает читателя от нежелательных действий: не быть другом царям и князьям, в один прекрасный день и сам заметишь, как прольется твоя кровь; не быть другом тиранам, плохим людям, безумцам, только дружба с умным, мудрым человеком оградят тебя от плохих намерений; не верить женщинам, так как они предадут; не гнаться за богатством, иначе оно проглотит тебя как змея. Нужно отметить, что образ змеи самый распространенный образ в суфийской символике. Она

олицетворяет все пороки человечества, которые отделяют человека от Всевышнего: это алчность, преклонение перед богатством, ненасытность.

Традиционными для суфийской литературы являются обращения, использованные по отношению ко Всевышнему создателю, самому себе, в некоторых случаях, к читателю. В «Книге наставлений» не раз встречаемся с разными именами Аллаха. Амдами обращается к Всевышнему именами «И Хак, Хакикатъ» (Истина), «Тәңре» (Всевышний), «Илахи» (Боже) т.д., при этом он подчеркивает разные качества Аллаха: добрый, справедливый, милостивый, милосердный и др.

Любовь в суфийской литературе – одна из основных мотивов и она всепоглощающая, беспредельна и безгранична. В большинстве случаев автор отдает предпочтение любви не земной, а божественной. Поэты-суфии обычно изображали земного мистика как обезумевшего от любви Маджнуна. Но здесь имеется в виду любовь к Истине, которая также всегда остается недостижимой, подобно страстно желаемой, но недоступной красавице. Произведение Амдами «Насыйхатнамэ» также наполнено любовью ко Всевышнему.

По традициям суфийской поэзии, автор книги назиданий называет себя (своего лирического героя) грешником, отталкиваясь от идеала, он пишет, что желает, старается освободиться от грехов и жить, совершая только хорошие деяния. По словам поэта, его грех заключается в том, что он не всегда соблюдал все правила молитвы, от чего он желает избавиться с помощью Всевышнего.

В произведении лирический герой много размышляет о праведной жизни, глубоко задумываясь о совершенных деяниях. Он желает спасти свою душу и надеется, что в этом ему поможет крепкая вера. Мы не можем рассуждать о том, что были ли конкретные причины самого поэта для огорчений и сожалений. Из немногочисленных биографических данных известно, что Амдами был образованным человеком, принадлежал к высшему сану духовенства, он не мог не соблюдать основных требований шариата, которых придерживался каждый мусульманин, следовательно, не могло бы быть ничего предосудительного в его деяниях и поступках. Поэтому можем предположить, что содержание «Насихатнамэ» – это поэтическое обращение к читателю, напоминающее ему о том, что всегда нужно помнить о Всевышнем и строить свою жизнь по канонам ислама. Поэма адресована грамотному по тем временам читателю, который знаком с идеями суфизма, так как для познания сути этого произведения, нужно быть глубоко образованным в сфере учений ислама.

Таким образом, можем сделать вывод о том, что произведение Амдами, носит философско-нравоучительный характер, которое направлено на воспитание у читателей морально-этических норм поведения по требованиям религии ислама. Автор поднимает проблему воспитания и самовоспитания личности. Здесь удачно сочетаются

мистические и мифологические представления о мире, символы и образы. Использование религиозно-мифологических и мистических символов и образов усилило смысл и идейное содержание дидактических наставлений.

В татарской литературе этого периода появились разноплановые произведения. У одних авторов явно прослеживаются попытки перенести противоречия с царизмом на национально-религиозную почву и отразить конкретно-жизненное содержание протеста политике насильственной христианизации. Сутью поэтических поисков, отмеченных налетом новых тенденций, можно свести к стремлению нравственного самоусовершенствования человека на основе религии.

Одним из поэтов, вышедший из сибирских татар, живший и творивший во второй половине XIX века является **Мауликай Юмачиков** (1834-1910). Несмотря на то, что по сохранившимся воспоминаниям он был известной личностью своего времени, его биография и творческая деятельность до настоящего времени также остаются малоизученными. Достоверно то, что он был учителем знаменитого Ембаевского медресе, владел, кроме родного – татарского языка, арабским, персидским, русским и казахским языками. Он также был известен как переводчик на казахский язык известного в тюркском мире с XIV века дастана Хисама Кятиба «Джумджума султан». Видный татарский просветитель Х.Фаизханов отмечает, что М.Юмачиков является автором десятка поэтических произведений (среди них есть и стихотворения на казахском языке) [Фәезханов 1893: 22].

Мауликай Юмачиков родился в 1834 году в деревне Манчыл Ялуторовского уезда Тобольской губернии (ныне д. Ембаево Тюменского района Тюменской области). Ученые полагают, что, хотя многие годы М.Юмачиков провел в пути, в исканиях, последние годы своей жизни жил у себя на родине и умер в родной деревне. Поэт является современником известных тюрко-татарскому миру поэтов Мифтахутдина Акмуллы и Гали Чокря, но его творческая деятельность начинается намного позже этих поэтов. Несмотря на то, что свою творческую деятельность М.Юмачиков начинает только в семидесятые годы XIX столетия, он очень быстро достигает широкой популярности среди образованных людей своего времени, становится известным поэтом. После публикации в Крымской газете «Таржиман» материала о его деятельности о М.Юмачикове пишут во многих русских и европейских изданиях [Миръат 1900: 25-26].

О популярности «Баита о Макарьевской ярмарке» свидетельствует и «Баит об Ирбитской ярмарке», написанный поэтом М.Юмачиковым в стиле первого в 1881 году, т.е. спустя два года после его запрета. К сожалению, и это произведение постигла та же участь: оно было запрещено тем же цензором В.Смирновым, несмотря на то, что его автор ставил перед собой цель «исправить» ошибки своего предшественника и представить «Баит» в пристойном и политически выдержанном духе. Поэт

хорошо был знаком с произведением предшественника, использовал его форму и манеру изложения, даже отдельные строфы. Сохраняя стиль письма предыдущего произведения, автор нового байта М.Юмачиков пишет об Ирбитской ярмарке, где принимали участие и татарские купцы. Поэт проводит параллели современной ему жизни с ярмаркой, более близкой для жителя Сибири.

Так начинается байт об Ирбитской ярмарке М.Юмачикова. В самом начале автор пишет о том, что когда страной правила Екатерина, она также посетила Ирбит. Далее автор упоминает добрым словом имя царя – Александра Николаевича. Автор называет сенаторов, комитет по цензуре как верных слугителей царю. Отдельные слова восхваления, пожелания здоровья посвящены современнику поэта – царю Александру Александровичу, его семье. Упоминание исторических лиц как бы придает произведению документальную достоверность.

Следуя стилю байтов, далее автор пишет о себе, называет свое имя и напоминает о том, что несколько раз посетил Ирбитскую ярмарку и знает все ее причуды. Почтительно обращаясь к благонравным и предприимчивым купцам, он нещадно критикует кутил и пьяниц, напоминая о неминуемой расплате за эти грехи на том свете. М.Юмачиков называет свое произведение как «насихат» – нравоучение, определяя основную цель его создания. Содержание байта говорит о том, что на ярмарку стекаются множество людей, среди которых есть и безнравственные люди, выпивающие, занимающиеся непристойными делами. Автор чувствует себя виноватым, так как в числе посетителей ярмарки когда-то был и сам.

Поэт М.Юмачиков критикует купцов, которые пьют вино, сквернословят, транжируют деньги, и, наоборот, хвалит деловых, расчетливых торговцев. Обращаясь ко Всевышнему, поэт просит прощения и исправления нравов. М.Юмачиков рассуждает о бренности бытия подобно поэтам-суфиям, пишет о том, что в этот мир пришли и ушли бесчисленное количество шахов-царей, пророков. Никто не может уйти от смерти, всем нужно будет предстать перед Всевышним. Поэтому нужно преклоняться Ему, воздерживаться от запретного, жить по законам шариата. Каждый человек должен думать о том, как он предстанет перед ликом Всевышнего в Судный день. Поэтому, размышляет автор, нужно стараться делать в этом мире только добрые дела.

Поэт понимает, что подобно тому, что есть люди умные, которые знают свое предназначение, есть в мире и глупцы, которые не понимают смысла жизни. Автор байта дает свои назидания и нравоучения, сравнивая обыденную жизнь народа с кипящей жизнью Ирбитской ярмарки. Таким образом, в данном произведении основное место занимают рассуждения автора о смысле жизни, что сближает М.Юмачикова с творчеством поэтов-суфиев средневековья.

В основной части произведения автор «Баита о Макарьевской ярмарке» пишет об угнетенном состоянии народа, беспределе царских чиновников, бюрократической системе, взяточничестве и социальной несправедливости. В конце своего произведения М.Юмачиков также возвращается к теме правителей-царей и их отношения к простому народу. Но в отличие от предыдущего поэта, он называет их справедливыми. Стремясь исправить «сомнительные» мысли своего предшественника и делая свои выводы, автор баита пишет:

Мауликай Юмачиков старается внести изменения в содержание известного произведения, «поправляя» его основную мысль. Особенно это касается моментов, где говорится о чиновниках. Поэт приукрашивает их деятельность, старается провести мысль о справедливости власти, о том, что царь делает все во благо народа. Говоря о деяниях чиновников, М.Юмачиков отвергает мысли предыдущего произведения, защищая представителей власти, он говорит о том, что те заботятся о лучшей доле народа. Автор старается сформировать у читателя положительный образ царя, развивая идею о том, что он справедлив по отношению к своим подданным, что правитель назначает своих чиновников для того, чтобы с их помощью и при их поддержке народ жил безбедно и благополучно. Таким образом, М.Юмачиков вступает в диалог-полемику с автором «Баита о Макарьевской ярмарке». И дальше, в отличие от предыдущего автора, он старается доказать, что эти чиновники относятся к народу одинаково, несмотря на то, богат человек или беден. «Они работают во благо народа», - пишет автор, поэтому им нужно подчиниться.

Далее идет мысль о том, что чиновники – защитники законности, если же эти главы-чиновники вели бы себя грубо по отношению к народу, то никто бы не стерпел это, и они были бы наказаны. А если об этом узнал бы сам царь, то он бы очень удивился такой подлости. Все очень рады служить царю, не жалея ни своего богатства, ни себя. Все желают процветания и стойкости страны, служить Великому царю верой и правдой, опираясь на Коран. Люди терпят все тяготы, так как считают, что все испытания – от Всевышнего.

Но в свое время даже такое откровенно заискивающее произведение, содержание которого было направлено в угоду властям, не прошло через царскую цензуру. Властям не нужно было лишней раз напоминать народу о «Макарьевской ярмарке», где раскрывались многие недостатки царизма, поэтому цензор В.Смирнов запретил издание «Баита об Ирбитской ярмарке». Произведение М.Юмачикова увидело свет только в 2006 году [Мин – себер татарымын 2006: 10-30]. Издатели отмечают, что рукопись предложенного текста нашли в личном архиве писателя Ахмеда Файзи, который использовал некоторые его отрывки в романе «Тукай», посвященном жизни великого поэта. В настоящее время оригинал

произведения хранится в отделе рукописей Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН ТР.

М.Юмачиков, судя по содержанию байта, был поэтом консервативных взглядов. Но ученые считают, что его консерватизм – это отражение представления образованной части народа, живущего далеко от центра, на периферии [Татар әдәбияты тарихы 1985: 399]. В отличие от автора «Байта о Макарьевской ярмарке», М.Юмачиков значительно ослабляет критический пафос своего сочинения, сознательно сглаживая острые углы, выставляя факты и события в сугубо положительном духе. «Если автор «Байта о Макарьевской ярмарке», описав контору и ее прихлебателей, критиковал их в духе М.Е.Салтыкова-Щедрина, то М.Юмачиков намного более осторожен и предусмотрителен. Словом, автор отражает отсталые, консервативные взгляды патриархального крестьянства той эпохи, все еще верившего в доброго царя и его верных слуг. Несмотря на это, байт М.Юмачикова проникнут духом современности, и в нем ставились и по-своему решались злободневные проблемы времени. Симпатии автора явно на стороне обездоленных масс, о чем свидетельствует проникнутые гуманизмом и состраданием строки: «День и ночь служи добру...»» [История татарской литературы нового времени (XIX-начало XX века) 2003: 145].

Другие склоняются к тому, что, может быть, автор, таким образом пытался быстрее получить разрешение цензора на публикацию или что такая авторская позиция может быть даже результатом социального заказа, так как он до этого уже написал стихи-посвящение купцам – братьям Рахматулле и Нигматулле хаджи Сайдуковым. Но, с другой стороны, можем отметить, что еще в XVIII веке в произведениях некоторых татарских авторов идеализировалась централизованная власть царизма, поднималась идея общей Родины. Примером тому может служить произведение Кадыр-Али Жалаер бека «Жамиг ат-таварих» («Сборник летописей»), жившего и творившего в XVIII веке и также ратовавшего за власть русского царя. Здесь поэт дает краткое описание того, как хан Ураз-Мухаммет царствовал в Касимовском ханстве. Он, в частности, отмечает его преданность Борису Годунову, готовность к исполнению его воли. Автор «Сборника летописей» особо подчеркивает благородство хана, пишет, что он постоянно проявлял заботу об обездоленных, сиротах и нищих, строго взыскивал с тех, кто нарушал общественное спокойствие, строго наказывал воров и хулиганов. В то же время хан всячески поощрял тех, кто проявлял рвение в службе и преданности властям. Поэтому, пишет автор, в Кермане и всей округе установилась тишина и покой, достаток и изобилие.

В конце «Байта об Ирбитской ярмарке» поэт перечисляет названия своих произведений: /«Шәехе Бәркый», «Сәед Баттал», «Каракол», Дүртенчесе – «Мөнәҗәт»тер, моны бел. Будыр бишенчесе «Гокьбә»

дигәндер. Янә берсе «Васыять намә» дигәндер, Йиденчесе – «Салсал кыйсса» дирләр, Янә берсе – «Әнмүзәҗ» аңа дирләр.../ В изданной в 1879 году книге «Кыйссаи Салсал» автор пишет, что первые четыре из перечисленных произведений изданы.

М.Юмачиков так же, как и многие поэты-просветители XIX века, поднимает и по-своему решает актуальную для своего времени так называемую «женскую проблему». Он придерживается той мысли, что девушке надлежит выходить замуж за «просвещенного мужчину», только так, по мнению автора, женщина может добиться счастья в семье.

Таким образом, в творчестве М.Юмачикова также есть отдельные строчки, где находят отражение те просветительские идеи, которые доминировали в свое время в творчестве Г.Кандалыя, Г.Курсави и Г.Утыз-Имяни. Нельзя утвердительно сказать о том, что он был убежденным продолжателем идей этих поэтов, но, как и они, поэт считал, что долгом служителей культа является каждодневная проповедь идей добра и справедливости. В лице духовного сана они хотели видеть личность благородную, все помыслы которой были бы устремлены к облагораживанию нравов людей, излечению их от пороков. Как и многие другие просветители, М.Юмачиков в несчастье простого народа, порожденном, по мнению автора, его необразованностью, обвиняет «плохих» мулл.

Литературовед М.Гайнуллин также обратил внимание на то, что в этом произведении отражены критические взгляды поэта в адрес мулл, которые думают только о богатстве, вместо того, чтобы заниматься образованием своего народа [Гайнуллин 1968: 159]. Таким образом, творчество М.Юмачикова является также отражением просветительских идей, которые занимали важное место в татарской литературе XIX века.

В 1899 году в Казани появилась небольшая книга М.Юмачикова с религиозным названием «Мәрхәбәи шәһри рамазан һәм тәварих тәсбиһләре» («Прославление месяца рамазан и четки для дополнительной молитвы в дни поста»). Сборник состоит из трех самостоятельных разделов: «Слово прощания в конце постного месяца», «Кысса о пророке Адаме» и «Множество иных поучений для внимания интересующихся».

Творчество сибирско-татарского поэта также известно многочисленными произведениями (дастаны, кыйсса), написанными на казахском языке. Видный татарский просветитель Х.Фаизханов отмечает, что М.Юмачиков является автором десятка поэтических произведений (среди них есть и стихотворения, написанные на казахском языке) [Фәезханов 1893: 22]. Как некоторые татарские писатели-просветители XIX века, такие как Мифтахутдин Акмулла, Ахмед Уразаев-Курмаши, М.Юмачиков также некоторое время живет в казахских степях и занимается обучением детей, одновременно занимаясь просветительской и творческой деятельностью. Поэтому он пишет на языке, понятной и

татарскому, и казахскому, и башкирскому народам. Произведения поэта «Сәед Баттал», «Салсал», посвященные религиозно-мифологическим героям, написаны на казахском языке и адресованы больше казахскому читателю. Они сыграли определенную роль в формировании письменной литературы родственного казахского народа. Известно, что уже в начале 1860-х годов Салихжаном Кукляшевым и Каюмом Насыри поднимается проблема формирования литературного татарского языка. Использование такими поэтами, как М.Акмулла, А.У.-Курмаши, М.Юмачиков и многими другими, в своих произведениях многочисленных заимствований из казахского языка, воспринималось, напротив, как поиски, стремление найти общую региональную основу в области языка, которая могла бы быть единой для многих тюркских народов [Татар әдәбияты тарихы 1985: 392].

Произведение «Гариб илә Шаһсанәм» М.Юмачикова написано на татарском языке в присущей многим произведениям средневековья форме: где стихотворные строки сочетаются с прозой. Стремление М.Юмачикова внести некоторые изменения в форму и содержание дастана воспринимается как новаторство в литературном жанре. До середины XIX века дастан считался жанром, призванным поддержать душевное настроение людей, поднятие духа у разочаровавшегося или тоскующего читателя. В 80-е годы XIX века в творчестве отдельных поэтов прослеживается отход от древних традиций жанра дастана, в поэтическую ткань произведений проникают элементы рационализма. Сюжет дастана «Гариб илә Шаһсанәм» мало чем напоминает традиционный сюжет о возвышенной любви. Юмор, сатира, которые занимают здесь значительное место, могут одновременно служить показателями новизны и в жанре, и в содержании.

Благодаря богатой биографии и активному творчеству М.Юмачиков становится признанным поэтом татарской литературы XIX века. В творческом наследии поэта отражается своеобразный взгляд автора на жизнь, стремление писать на близком народу языке.

Таким же интересным и значимым литературным наследием татарского народа XVIII в., сохранившимся в Поволжье, но созданным на территории Сибири, является книга «**Мәҗмугыл хикәят**» – «Сборник рассказов», собранный и переписанный просветителем Мухаммадрахимом в 1775 году в Тарском уезде Тобольской губернии. Известно, что составитель книги Мухаммадрахим был выходцем из рода известных учителей-просветителей, его отец – Рафик сын Таиба ал-Курсави преподавал в знаменитом медресе в деревне Курса Почмак Казанского уезда. Судьба составителя книги до конца не известна, нет данных о том, когда и как он попал в Тобольскую губернию, но известно то, что он жил среди сибирских татар и оставил как в память о себе эту интересную книгу.

«Сборник рассказов» включает в себя 33 разного характера и содержания хикаята-рассказа, свободно переведенных и переложенных из персидских авторов. В конце многих рассказов содержатся назидания и нравоучения, дополненные самим переводчиком. Книга состоит из двух глав, известен переводчик рассказов второй части, коим является Нурмухамед бине Галим (т.е. сын Галима), от имени которого написана вводная часть к данной главе. Можно предположить, что первую часть книги перевел сам составитель сборника Мухаммадрахим.

Таким образом, данная книга, являющаяся интересным культурным наследием татарского народа XVIII века, доказывающим постоянство исторических связей поволжских и сибирских татар с арабо-персоязычными литературами. «В «Сборнике рассказов», переведенный с персидского в среде сибирских татар, чувствуется больше влияние персидского и сибирско-татарского языков. Влияние арабского, персидского языка особо возрастает в XVIII-XIX веках» (пер. наш – Ф.С.) [Борынгы татар әдәбияты 1963: 428].

Ценным в данном исследовании для нас является также творчество суфийского поэта Ахметзяна Тубыли (1826-189?), судьба которого тоже связана с Тюменским краем. В вышеупомянутом библиографическом труде «Асар» Р.Фахрутдинов пишет о том, что поэт Тубыли был учеником шейха Зайнуллы ал-Халиди (1835-1917) [Фәхретдинов 1908: 300]. Известно, что А.Тубыли в 1871 году был безвинно осужден и сослан в тюрьму в город Тобольск, где пробыл в заключении около пятнадцати лет. Последние годы жизни провел в городе Таре, там и умер. О творчестве поэта, взявшего в качестве псевдонима имя города, где он провел определенную часть своей жизни, стало известно широкой общественности также лишь во второй половине XX века. Первый рукописный сборник поэта был найден ученым-литературоведом А.Шариповым в 1973 году. Вслед за ним еще два рукописных сборника А.Тубыли были обнаружены в 1982 году во время археографической экспедиции доктором филологических наук М.Ахметзяновым, который определил годы творческого и жизненного пути поэта, проанализировал некоторые его письма, написанные из Тобольской тюрьмы и адресованные семье и друзьям, осуществил текстологическое исследование отдельных стихотворений поэта. Позднее под руководством профессора КГУ Ганевой Р.К. была написана диссертация Хасавнех А.А., посвященная творчеству А.Тубыли.

Во время пребывания поэта в Тобольской тюрьме им написаны многочисленные стихи, которые являют собой пример суфийского терпения перед испытаниями судьбы. Такие стихи поэта, как «*Мөнәҗәт ли-Казый әл-Хажәт*» («В обращении к Исполнителю Желаний» (один из эпитетов Аллаха)), «*Язам ибтида Хәмду үзрә*» («Начинаю писать, посвящая Достойному похвалы») входят в тюремный цикл стихов

«Хәбес», где чувства лирического героя, обращающегося к Аллаху, пронизаны глубокой печалью. Поэт, на долгие годы отлученный от родных и близких и приговоренный к одиночеству, предается молитвам и обращениям к Аллаху, прося у него силы в терпении.

Самое объемное из стихов тюремного цикла «Бихәмделилләһ Ходага Чук хәмүдләр» («Великая хвала Аллаху») включает в себя подробное описание условий пребывания его автора в тюрьме. В произведении занимает особое место выражение душевного и физического состояния поэта: «сгорело сердце», «согнулась спина», «пролились слезы». Но все эти тяготы поэт принимает как испытания, посланные Аллахом. В стихотворении «Сән, Бакырчы Шаһиәхмәткә, сәлам» «Тебе, Бакырчы Шагиахмет, привет», пишет, что нельзя роптать на судьбу, и что такие испытания очищают душу человека. Помимо Корана, на творчество А.Тубыли оказали влияние поэмы «Кыйссаи Йосыф» («Сказание о Юсуфе») Кул Гали и творчество поэта Г.Утыз Имяни, которые имели широкое распространение в народе.

При всей драматичности жизненных перипетий творческий путь поэта олицетворяет собой искусство терпения и любви, сращенное с этико-эстетической категорией красоты, что и сегодня представляет исключительную актуальность в современном человеческом сообществе, ищущем пути некровопролитного разрешения конфликтов между различными культурами, цивилизациями Востока и Запада. [Хасавнех 2002: 3]

В последней четверти XIX века из сибирских татар в поэзию приходит выходец из г.Томска поэтесса Биби-Ханифа Ниязи (Гисматуллина). В статье, опубликованной в газете «Тәрҗеман» о ней сообщается: «Жительница г. Тары Биби-Ханифа Ниязова, обучающая девочек, отличается большими познаниями в турецкой и арабской письменности» [Валеев 1993: 195]. В творчестве поэтессы главное место занимают проблемы обучения и воспитания.

После Б.Ниязовой развитие поэзии сибирских татар приостанавливается более чем на полвека и начинает активизироваться только в 60-е годы XX века.

Развитие литературы тесно переплетено с развитием образования населения на родном языке. Важно отметить, что заметный след в истории культуры и образования сибирских татар оставил уроженец деревни Саускан Тобольского района ученый-просветитель, бухарец Ниятбакый Атнометов, который подготовил «Букварь татарского и арабского письма», изданный в 1802 году в Санкт-Петербурге. В пропаганде светских знаний среди сибирских татар в дореволюционные годы имело большое значение переводческая деятельность Худжатуллы Ченбаева, который в свое время учился в гимназии г. Тобольска. В 1911-1917 годах им были переведены с русского на татарский язык ряд популярных брошюр.

ЛИТЕРАТУРА:

- Сайфулина Ф.С. Формирование и развитие татарской литературы Тюменского региона. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – 296с.
- Хасавнех, А.А. Этико-эстетические воззрения поэта-суфия XIX века Ахметзяна Тубыли // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2002. – 26 с.
- «Насихатнамэ» Амдами – литературный памятник Средневековья (текстологический анализ). - Тобольск: ТГСПА им. Д.И.Менделеева, 2009.- 180с.
- Яхин, Ф.З. Религиозная мистика и мифология в татарской поэзии / Ф.З.Яхин. – Автореф. дис. ... доктора филол. наук. – Казань, 2000. – 50 с.
- Яхин, Ф.З. Тобольский татарский поэт Амдами и его произведение «Насихатнамэ» (Книга наставлений) / Ф.З.Яхин // Тюркские народы. Культурное наследие народов Западной Сибири. – Тобольск, 2002. – С.601-602.
- Яхин, Ф.З. Урта гасырлар татар әдәбияты / Ф.З.Яхин. – Казан: Раннур, 2003. – 376 б.
- Яхин, Ф.З. Отражение истории древнего Тобольска в “Генеологическом древе Сибирского ханства” / Ф.З.Яхин // Сулеймановские чтения – 2005: материалы межрегион. конф. – Тюмень: «Экспресс», 2005. – С.191-197.
- Яхин, Ф.З. Суфийские идеи в творчестве Шаиха Икании / Ф.З.Яхин // Образование и культура как фактор развития региона: материалы Всероссийских Менделеевских чтений, посвящ. 90-летию Тобольского учительского института. – Тобольск: ТГПИ, 2006. – С.189.
- Татар әдәбияты тарихы: 6 т. Т. 2. XIX йөз татар әдәбияты. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1985. – 575 б.
- Борынгы татар әдәбияты / Төз. Х.Мөхәммәтов, Х.Хисмәтуллин, Ш.Абилов, У.Беляева, С.Исәнбаев. – Казан: Тат. Кит. нәшр., 1963. – С.428.
- Гайнуллин, М. Дөнъяви эсәрләр эзеннән / М.Гайнуллин // Казан утлары. – 1968. – №10. – Б.159.
- Гайнуллин, М. Татар әдәбияты. 19 йөз / М.Гайнуллин. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1968. – Б.27-63; Б.218-229.
- Гарифуллин, И.Б. Себердә татар китапханәләре / И.Б.Гарифуллин // Тумашевские чтения: Актуальные проблемы тюркологии: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. – Тюмень: ТюмГУ, 2007. – С.52-55.
- Миннегулов, Х.Ю., Сатретдинов Ш.А. Памятники татарской литературы XIX в. / Х.Ю.Миннегулов, Ш.А.Садретдинов. – Казань: 1982. – С.28.

ТЕМА 4 (4 ч.)

Творческая эволюция Б.Сулейманова и Ш.Гадельши в контексте развития татарской поэзии

60-е годы XX века, к которым относится начало творческой деятельности Б.Сулейманова, вышедшего из сибирских татар, характеризуются духовным раскрепощением человека и определенным оживлением в литературе, особенно бурное обновление переживала поэзия. Этот период интересен подъемом в искусстве, в целом, и в поэзии, в частности, стремлением познать и отразить всю глубину человеческой души, раскрыть разнообразные эмоциональные переживания личности. На литературной арене появилось новое, своеобразное и цельное поколение, прозванное «шестидесятниками», ощутившее на себе благотворное влияние свободы мысли, которое в русской литературе представлено

такими яркими личностями, как Е.Евтушенко, А.Вознесенский, Б.Ахмадулина, Р.Казакова, В.Высоцкий, Р.Рождественский, в белорусской поэзии – именами В.Короткевича, Р.Бородулина, А.Вертинского, Н.Гелевича, в узбекской поэзии – Э.Вахидова, Зульфийи, в чувашской – Геннадия Айги и др. В 60-е годы татарская литература открыла для себя целую плеяду талантливых поэтов: И.Юзеева, Р.Файзуллина, Р.Мингалимова, Р.Гатауллина, Г.Рахима, Р.Харисова, С.Сулейманову и др. В этом созвездии талантов достойное место занимает поэт Булат Сулейманов. Многообразие тем и актуальность вопросов, взятых из самой жизни, обращение к существенным сторонам духовного мира современного человека, поиск новых поэтических форм и художественно-изобразительных средств – все это было характерно для поэтов, пришедших в литературу на рубеже 50-60-х годов XX столетия.

Творчество сибирско-татарского поэта Булата Сулейманова является колоритным отражением поэзии данного периода, своеобразным проявлением феномена поэзии 60-х годов. За последние полвека произошли коренные изменения в обществе, сменилась политическая система, изменились идеологические ориентиры, но поэзия шестидесятых, ярким примером которого является творчество Б.Сулейманова, не только не утрачивает силу воздействия на читателя, наоборот, становится все более привлекательным и актуальным.

Поэту Б.Сулейманову судьбой была уготована короткая, но яркая жизнь, полная творческих порывов и благородных стремлений. Жизнь поэта, как и у многих талантливых людей, была тяжелой и сложной. Трудная биография поэта, богатые впечатления бытия, раздумья о выборе жизненного пути, о поэзии постепенно сложились для него в некую эмоционально-философскую систему поэтического мировосприятия.

Булат Сулейманов приходит в поэзию, накопив большой жизненный опыт, когда ему уже было что сказать своему читателю. В контексте сильной, напористой волны татарских поэтов-«шестидесятников» его творчество не поблекло, не потерялось, а, наоборот, внесло свежую струю, привлекло внимание читателей оригинальностью образного мышления. Однако, чтобы получить признание в литературных кругах, для утверждения своего поэтического «я», молодому, неопытному поэту пришлось выдержать не одну литературную баталию.

Важно отметить, что первые стихи молодого поэта увидели свет на страницах татарской газеты «Ленин юлы» («Путь Ленина»), издававшейся в эти годы в г. Тобольске. Он проходит здесь первую пробу пера, находя своих читателей на родной земле. Один из его первых стихов «Яшь төзүчеләр сүзе» («Слово молодых строителей») в 1959 году печатается именно здесь. Выручая редакцию, короткое время (с 1 июня до 10 августа 1962 года) Б.Сулейманов работает журналистом в редакции газеты. В биографии поэта время его работы в этой газете занимает очень малый

промежуток времени, но, учитывая то, что эта газета была единственным печатным органом на татарском языке в Тюменском регионе, нетрудно понять какую важную роль она сыграла в становлении будущего поэта. Газета стала первой трибуной для него, здесь он оттачивает свое перо. Около десятка его стихов: «Син килгәч» («После твоего прихода»), «Күгәрчен» («Голубь»), «Мин кайтырмын» («Я вернусь»), «Күкрәгемә сыймый» («Не умещается в груди»), «Күпердә» («На мосту») и др. увидели свет в поэтических рубриках газеты «Путь Ленина». Здесь же печатается статья Ф.Гумерова – ныне д.ф.н., профессора Гумера Фаизовича Саттарова, работавшего в 60-е годы в Тобольском педагогическом институте, посвященная анализу и оценке его стихов. В статье «Себер егете шигырьләре – «Совет мәктәбе» журналында» («Стихи сибирского парня – в журнале «Советская школа»») после кратких биографических данных о Б.Сулейманове автор дает положительную оценку творческой деятельности молодого поэта и, в частности, пишет: «Издание стихов Булата в журнале «Совет мәктәбе», который входит во всесоюзный каталог, показывает, во-первых, что он поднялся на уровень создания зрелых в идейно-художественном отношении стихов, он по-своему пишет о душевных переживаниях, о богатой сибирской природе; во-вторых, дает надежду на то, что из него вырастет интересный поэт» (перевод наш - Ф.С.) [Гумеров: 1962: 2]. В этом же номере печатаются еще четыре стихотворения молодого поэта.

С 1962 года его стихи публикуются в Казани, в газете «Татарстан яшьләре» («Молодежь Татарстана»), позже часто издаются на страницах известного литературно-критического журнала «Казан утлары» («Огни Казани»), детского журнала «Ялкын» («Пламя»). В сборнике стихов молодых поэтов «Беренче карлыгачлар» («Первые ласточки»), который вышел в свет в 1970 году, помещены и 23 стихотворения Б.Сулейманова, в 1976 году в литературном альманахе «Идел» издается еще один цикл его стихов. Отдельные стихи переводятся на русский язык и издаются в журналах «Юность», «Сибирские огни», в сборниках центральных издательств. Тот факт, что, в 1975 году он стал лауреатом конкурса, проводимого журналом «Юность», одним из самых известных и престижных молодежных изданий того времени, доказывает, что его творчество стало известным широкому кругу читателей. Современники Булата отмечают даровитость поэта. Известный поэт Тюменской области Александр Гришин пишет: «Впервые я видел его стихи в «Юности». За ту подборку, где было напечатано и его программное стихотворение «Я – сибирский татарин», он был удостоен премии известного журнала.

В 1980 году выходит первый самостоятельный сборник стихов поэта «Таңнар фонтаны» («Фонтаны зорь»). Эта книга явилась первым предварительным итогом его еще недолгой творческой деятельности, но

была гордостью автора. В тоненькой книге отразились восторженные взгляды поэта на жизнь, его богатый внутренний мир.

Анализируя критическую литературу по творчеству Б.Сулейманова, можно отметить: каждый, кто сталкивается с его творчеством, отмечает творческий дар, индивидуальность его поэтического таланта, незаурядность и особое видение мира. Во вводной статье к следующему сборнику поэта, «Ак метеор» («Белый метеор») Р.Даутов, также подчеркивая индивидуальность его творчества, пишет: «Булат Сулейманов занимает чуть обособленное место среди своих современников, которые выбрали этот путь, и своим творчеством, и биографией. Он пришел в поэзию бесшумно, не был одним из тех, кто ратовал за новизну поэтической формы и мысли. Манера его творчества – это традиционный стиль, который идет от Такташа, Джалиля. Хотя его творчеству тоже была присуща одна новая черта. Уже в первых стихах, которые появились в печати, обращаясь к своим читателям, он сказал: «Будем знакомы: я – сибирский татарин!». Это, в самом деле, было своего рода новизной. До этого, во всяком случае, в послевоенный период, не было поэтов, выходцев из сибирских татар» (Пер. наш – Ф.С.) [Сөләйманов 1988: 3]. Автор вводной статьи к данной книге пишет о творчестве сибирско-татарского поэта без особого восторга, но мы можем утвердительно сказать, что само появление имени Булата в литературных кругах было определенной новизной. Но до признания его профессионализма проходят еще несколько лет. Начав свою творческую деятельность еще в 60-е годы, только в 1984 году Б.Сулейманов был принят в Союз писателей СССР. Вместе с тем, в 80-е годы он пробует перо и в другом жанре: пишет прозу. Отдельные рассказы автора увидели свет в журнале «Огни Казани». В рассказах «Абу баба» («Дед Абу»), «Нэби, яки кәтелмәгән очрашу» («Наби, или неожиданная встреча») автор обращается к теме гуманизма, сострадания одиноким, беззащитным. Позже, с началом функционирования областной газеты «Яңарыш» («Возрождение»), стало возможным познакомить читателей и с другими его рассказами. Здесь печатались еще несколько рассказов Б.Сулейманова: «Бүләк» («Подарок»), «Әнием» («Мамочка») [Сөләйманов 1983: 77-92]. В сборнике «Я – сибирский татарин», который, как отмечается выше, был издан после смерти поэта, находят свое место и его вышеназванные рассказы.

В автобиографии, написанной поэтом в 1980 году, отмечено, что он готовит к изданию сборник стихов «Жирсу» («Тоска по родным местам») и работает над новой прозаической книгой под условным названием «Иртеш дулкыннары» («Волны Иртыша»). Первые попытки анализа его прозаического литературного наследия с позиций отражения в нем темы Сибири была сделана молодым исследователем Г.Галямовой, которая пришла к интересным выводам о том, что эти рассказы были задуманы автором как составные части объемного эпического произведения

[Галямова 2006: 8]. Впрочем, проследивая их генезис и творческую историю, не трудно обнаруживать интертекстуальные взаимосвязи. Исходя из подробного текстологического анализа, с учетом совпадения многих деталей, общности хронотопов, описаний быта и характеров сибирских татар, можно прийти к выводу об общей основе сюжетных составляющих рассказов Б.Сулейманова. Но поэту не суждено было претворить эти замыслы в жизнь, при жизни автора его книги более не издавались. Одной из причин этого можно считать бурную общественно-политическую деятельность Б.Сулейманова, начатую им в конце 80-х годов.

Известные изменения, происходившие в стране во II половине XX века, которые в конце 80-х годов дали ощутимые, конкретные результаты, вызвали подъем национального самосознания народов, населяющих страну. Лучшие сыновья татарского народа, проживающие в разных регионах, понимая бедственное положение своего народа, находившегося уже на грани исчезновения, возглавили национально-культурное движение. Как и многие передовые деятели своего времени, Б.Сулейманов – человек мобильный, тонко понимающий национальную политику страны – не мыслит свою жизнь без активных действий, созидательной работы на благо своего народа. Несмотря на то, что советская печать с её классово-идеологическими установками не вписывалась в систему мироощущения писателя, он сотрудничает с рядом газет и журналов, стремясь в рамках дозволенного, официально терпимого, поведать читателю о духовных и культурных ценностях, перспективах развития нации, сохранении языка, менталитета, целостности и самобытности народа. Оставаясь фигурой весьма значимой, художником широкого творческого диапазона, Б.Сулейманов выступает не только как поэт, но одновременно и как писатель-публицист, и как общественный деятель.

Под влиянием социально-политических изменений в стране, называемых «перестройкой», поэт, может быть в ущерб своему творчеству, выбирает путь общественного деятеля. Он пытается поднять и возглавить сибирско-татарский народ в борьбе за свои права, пишет несколько статей в надежде «разбудить» его, заставить задуматься о своем бедственном положении. В статьях «Сибирские татары – кто мы?» [Сулейманов 1988: 2], «Нет языка – нет и народа» [Сулейманов 1990: 14-15] Б.Сулейманов размышляет об истории своего народа, его будущем, отношении государства к сибирско-татарскому народу. Поэт встречается с читателями, беседует на темы сохранения языка, культуры, поднимает злободневные проблемы воспитания и образования детей на родном языке, восстановления системы национального образования. Таким образом, в годы демократических преобразований одним из первых в Тюменской области Б.Сулейманов начинает борьбу против тоталитарной системы в стране. Но терпеливый, довольный тем, что имеет, сибирско-татарский народ не понимает, что утрачивает свои национальные корни, свой язык,

культуру. Поэт огорчен тем, что не может достучаться до сердца своего родного народа. Он не может понять, почему народ безмолвен и, не видит того, что обречен на исчезновение. Осознание своего бессилия гнетет поэта, не дает возможности творить, писать, думать об издании новых книг... Так и не достигнув своей цели в политической деятельности, но, оставив богатое литературное наследие, 11 января 1991 года поэт Булат Сулейманов уходит из жизни. Он похоронен на кладбище села Ембаево Тюменского района.

В 1998 году, к 60-летию юбилею поэта был выпущен сборник произведений «Мин – себер татарымын» («Я – сибирский татарин»), который включает почти все его творчество. Высказывания о личности Б.Сулейманова и критическая оценка его творчества в большей степени появляются после смерти поэта.

Воспоминаниями о поэте поделились многочисленные соратники по перу, друзья, которые близко знали и уважали поэта. Родным человеком, близким другом, открытым и по-детски наивным человеком предстает перед нами поэт в воспоминаниях его друзей. В таких статьях, как «Егет иде» («Был настоящим парнем») известного татарского прозаика и поэта Марселя Галеева, «Сөләйманов хакыйкәте» («Правда Сулейманова») писателя Махмуда Абдуллина, «Беренче карлыгачыбыз» («Первая (наша) ласточка») сибирско-татарского писателя Якуба Занкиева, «Булат «Ленин юлы»нда» известного журналиста, редактора областной татарской газеты «Янарыш» Азата Сагитова, «Сәях» Ркаила Зайдуллы; рассказах известного драматурга Роберта Батуллы «Поезд Көнбатышка таба бара» (Хөрмәтле Булат Сөләйман ядкәре) («Поезд идет на запад (В память об уважаемом Булате Сулейманове)»), поэта и драматурга Рустама Мингалимова и Эсфира Ягудина «Ак метеор» («Белый метеор»), и других перечисляются те качества поэта, за которые его уважали и любили: преданность дружбе, наивность, простота, стремление увидеть свой народ процветающим. Приведенные ниже строки из статьи Ризвана Хамида «Каһарманнар затыннан иде ул» («Он был из плеяды великих») воссоздают перед читателем живой образ поэта: «Когда произносится имя Булата Сулейманова, перед глазами возникает изумительное видение, – вспоминает драматург одну из встреч с сибирско-татарским поэтом. – Казань. Месяц май, жаркий, солнечный день. В расстилавшемся чуть в стороне от асфальтированной дороги зеленом треугольнике, по колено густо выросшей траве в белой в полоску рубашке стоит статный парень, который время от времени пальцами «расчесывает» копну своих волос. А непослушные темно-русые волны, доходившие до округлых плеч, подчиняясь ветру, продолжают гладить его крутой лоб» (пер наш – Ф.С.) [Хамид 1998: 176-177].

В начале 1990-х годов, с открытия областной татарской газеты «Янарыш», появляются многочисленные стихи и статьи местных

творческих деятелей: А.Патршиной, Ф.Утяшевой, З.Акбулякова, Р.Ибрагимова, С.Сагитова, И.Махиянова, посвященные поэту-земляку. Многие современники поэта, активисты национального движения Тюменской области, такие, как А.Гаитов, Н.Юсупова, Р.Якубова, журналисты Ф.Баязитов, Б.Сабирова опубликовали в газете воспоминания о Б.Сулейманове, показывая свое доброе отношение к его памяти. В них авторы стремились раскрыть характер поэта, понять истоки его неиссякаемой энергии и поэтического дарования. Современники поэта пишут о нем как о человеке прямом, открытом, который не боялся говорить правду. «Однажды, когда я на единственном подоконнике своей крохотной комнаты работал над вторым вариантом романа «Иртеш тацнары» («Зори Иртыша»), заполняя всю комнату своим необузданным характером, вошел Булат. Откровенностью, прямоотой он обаял меня, заслужил мое уважение», (пер. наш - Ф.С.) – пишет о нем сибирско-татарский писатель Якуб Занкиев [Занкиев 1988]. Впечатления от встречи и общения с поэтом дали писателю возможность охарактеризовать его как человека с сильным характером, прямого и открытого. Как лидер национального движения, он был «неудобным» для многих, особенно чиновников, потому что он ни перед чем не отступал, не признавал компромиссов. Был резок и требователен в решении национальных проблем, считал себя правым, потому что он исходил из лучших побуждений, решения принимал, думая о судьбе, о будущем своего народа.

К первому этапу творчества Б.Сулейманова относятся стихи, отражающие романтическое видение молодым поэтом окружающего мира. Восторженное изображение окружающего мира, присущее многим начинающим поэтам, свойственно и первому этапу творчества Б.Сулейманова. Цикл стихов поэта – «Самотлор», «Буровойда» («На буровой»), «Тубән Варта» («Нижневартовск»), «Обта боз киткәндә» («Ледоход на Оби»), «Самотлорда *мәй* уртасы» («Середина лета на Самотлоре»), «Ак төн» («Белые ночи»), «Самотлорда туй» («Свадьба на Самотлоре») – поэтический дневник, где отражено личное видение поэтом открытого им заново Севера. Произведения данного периода – это живой отклик поэта о нефтяниках, добывающих «черное золото», отражение восхищения автора новостройками, которыми сопровождается освоение Севера. В них еще не всегда находит отражение глубина душевного состояния лирического героя – молодого, одержимого идеей освоения новых земель, природных богатств. Наивная восторженность тем, что происходит вокруг, гордость от причастности к изменениям, происходящим в жизни, присущи первому этапу творческой деятельности поэта. В каждодневной, тяжелой работе строителей, крановщиков, водителей, маляров, к которым и сам относился в недалеком прошлом, Б.Сулейманов видит красоту, романтику молодости, открывает мир по-

новому и все свои ощущения заносит в стихи. Но даже в этих стихах можно заметить умение автора уловить неповторимые детали и дать поэтическое описание разнообразия и богатства природных явлений. Романтика труда, являющаяся определяющей идеей в поэзии середины XX столетия, присуща и творчеству молодого Б.Сулейманова. Идеалы автора связаны с полезным трудом для своей родной земли, для Сибири.

В этих строках, которые звучат несколько пафосно, что характерно многим молодым поэтам, рабочий энтузиазм, настроение лирического героя передаются через богатую образность языка автора, который изобилует поэтическими параллелизмами и авторскими метафорами. Интонация разговорной, повседневной речи делает стихотворные строчки простыми и понятными. Близость к народной речи, стремление в своих стихах использовать средства разговорной речи отличают начальный этап творчества поэта. Еще рано рассуждать об отражении глубоких душевных переживаний в стихах молодого поэта, ибо в его поэзии данного периода доминирует описание внешних сторон жизни. Но вместе с тем, начальный период творчества Б.Сулейманова привлекает их свободной формой, неожиданными ассоциациями. В качестве примера можно рассмотреть многочисленные стихи, написанные поэтом в 1960-70-е годы. Например, строки из стихотворения, «Обта боз киткәндә» («Ледоход на Оби»): «...Бозваткычлар боз ватгыра./ Буровойлар, төзелешләр/ Боз китүен ашыктыра.../ Йөкләр килә кәрван-кәрван.../» («Ледоколы колют лед./ Буровые, стройки/ Торопят сход льда.../ Грузы идут караванами/»); «Гүбән Варта» («Нижняя Варта»): «Факелларда бии ялкын,/ Гомер туйган тынлык яна /– Күктә яра/» («/На факелах танцует пламя,/ Надоевшая тишина горит /– В небе рана/»); «Самотлорда жәй уртасы» («Середина лета в Самотлоре»): «Машиналар балчык изә,/ Йөкне тизрәк ташыр очен.../» («/Машины месят глину,/ Чтобы быстрее доставить груз/») и многие другие, где изображается кипящая новостройками жизнь молодых северных городов.

В этот период поэт почти не прибегает к готовым образам, народным средствам языка, встречающимся так часто в речи, он больше создает свою, новую поэтическую образность. Это – период становления и исканий молодого таланта, который стремится к самоутверждению, пытается найти собственный поэтический стиль. Индивидуальные тропы помогают автору изобразить новую для татарской поэзии действительность – жизнь сибирских городов, природу этого края, где основное место уделяется созданию образа рабочего человека, покоряющего север. В этом главная особенность начального периода творчества Б.Сулейманова. Новая тема, внесенная поэтом в татарскую литературу, индивидуальная, неповторимая образность, определяют новизну и оригинальность поэтического дарования автора. Таким образом,

на начальном этапе творчества лирическое «я» еще не является внутренним миром автора, на первый план выходит отраженный им мир.

Палитра картины Сибири, изображенной молодым автором, связано с разными временами года. Природа в творчестве «раннего» Б.Сулейманова представлена в двух своих ипостасях: летней и зимней. «Зимний» вариант сибирского пейзажа в его творчестве восходит к традиционному для европейской словесности образу северной земли: по обыкновению, этот образ неизменно связывался с холодом, буранами, пургой, недостатком света. Сибирь здесь характеризуется как «Карацгылык хакимлеге,/ Иксез – чиксез кар иле бу.../» («Царство темноты,/ Это – страна бескрайних снегов...»), где «Даламени,/ Жэйрәп ята,/ Ник очрасын хет бер агач./ Яңа туган бала кебек, Бу кар иле – шыр ялангач»). («Как будто степь/ Лежит, раскинувшись,/ Не встретишь ни одного деревца./ Словно новорожденный ребенок,/ Это снежная страна/ – совершенно голая» («Төньяк. Тундра» – «Север. Тундра»). Ключевыми образами для данного контекста становятся «бескрайние снега» «пустые дали», «злые ветры», «оловянное небо», которые формируют лик сибирской земли как пространства сумрачного, безжизненного, унылого. Вместе с тем, в стихах поэта неизменно занимает место некий героический образ, победивший эти природные условия и создающий новые города, при прикосновении которого, /«Словно Эйфель, из болота/ Буровые вырастают». Поэт как бы робеет перед мощью родной природы и вместе с тем, восторгается удалью строителей.

Но далее, постепенно, в творчестве Б.Сулейманова происходят изменения: изображение природы переходит в описание душевного состояния лирического героя: «Киләчәккә өмет сыман –/ Сүнми бары кар яктысы.../». («Как надежда на будущее/ – Не тускнеет только свет снега»/).

Таким образом, к концу 1970-х годов Б.Сулейманов отходит от чисто пейзажной, натуралистической лирики, его уже больше интересует сам человек, он все больше обращается к описанию душевного состояния лирического героя. Усиливается психологический анализ в раскрытии внутреннего мира лирического героя, тем самым достигается философская глубина поэтической мысли. В стихотворениях этого периода поэт меньше прибегает к обобщениям, здесь больше изображаются переживания, думы, чаяния конкретного человека, отдельные мгновения психологического состояния лирического героя. На данном этапе творчества в собственно лирических стихах Б.Сулейманова в центре внимания оказывается лирическое «я», что связано с общим характером его лирики, которая отличается субъективностью. Можно предположить, что на некоторые изменения в творчестве поэта повлияли и критические высказывания соратников по перу по поводу его стихов. Например, в напутственной статье к первой книге молодого поэта «Фонтаны зорь» народный поэт Сибгат Хаким пишет: «Неровные строки, ритм срывается, ударение не на

месте, слова разрывают слух, но в стихах чувствуется сибирская широта, дух сибирской земли (где когда-то жили тюркские народы). Эпичность, подавленность, медлительность. Если биография поэта богата, то он избавится от этих недостатков. Редко, мало пишет, но сейчас он верит в свои силы, у него еще все впереди... Булата Сулейманова ждет большое будущее. Он ответственен перед сибирскими татарами и должен всегда помнить: сегодня в литературе он один представляет сибирских татар» (пер. наш - Ф.С.) [Сөләйманов 1980: 3]. Мэтр татарской поэзии выражает надежду на то, что этот еще малоизвестный, но своеобразный и талантливый поэт имеет большое будущее и вскоре он внесет свою лепту в развитие татарской поэзии. Дискуссии, развернутые в 1960-70 годы, затрагивавшие основополагающие проблемы татарского литературоведения, касающиеся единства формы и содержания, взаимоотношения традиционного и новаторского, также не могли не повлиять на творческую эволюцию поэта.

Конечно, Б.Сулейманов по-прежнему продолжает воспевать красоту сибирской природы и жизнь сибирских татар, его стихи также богаты этнографическими деталями, неповторимой образностью. Но из его стихов постепенно исчезает гул моторов, рев машин и строительных кранов, их вытесняют образы очень близких и родных людей. В созданных чуть позже поэтических картинах отражается нежная любовь автора к родной земле, своему народу. О своей родной земле поэт пишет увлеченно, между строчками стихов угадывается его любовь к ней, в них содержится идея служения своему народу, преданности родной стороне.

В этот период в поэзии Б.Сулейманова усиливается субъективное, авторское начало. Его лирический герой 80-х годов – романтическая натура, тонко понимающая красоту во всех ее проявлениях: отношении к природе, родному дому, любимой женщине, женщине-матери.

В пейзажной лирике поэт чуток и тонок в описании окружающей природы. От восторженного восприятия которой он переходит к оценке всего живого вокруг себя где, лирический герой становится сентиментальным.

Преображается в стихах Б.Сулейманова также зимний пейзаж, здесь также появляется много света: «/Челтәр-челтәр ап-ак карлар ява,/ Ап-ак карлар күкнең иңендә/» – /«Как паутинки падают белые-белые снега,/ Белые-белые снега на всем небосводе»/.

Обобщая вышесказанное можем отметить, что поэт – часть общества, он формируется в результате определенных общественно-политических условий. В его переживаниях, любви, симпатии выражается положительное или отрицательное отношение к общественным устоям, веяние определенного времени. Поэзия Сулейманова – это отражение известных изменений, которые произошли в стране в 1950-60-е годы, и их результатов, к которым пришло общество в конце 1980-х годов. Поэтому,

анализируя творчество поэта, нужно учитывать эти изменения, которые привели к большим переменам в области литературы и искусства, в целом, и в поэзии, в частности.

Далее с годами, к Б.Сулейманову приходит иное понимание задач поэзии. На этом этапе его творчества проявляется духовная близость поэта со своим народом, приходит новое осознание понятия родины. Она приобретает совершенно конкретное, определенное содержание: это та земля, где ты появился на свет, тот клочок земли, где похоронены твои предки, та земля, где живет твой обездоленный народ. Родина в творчестве автора сейчас ассоциируется с образом матери, отчим домом, детской колыбелью. Черты лирического героя получают конкретный оттенок. Корни милосердия, добропорядочности поэт находит в отношении людей к живой природе, родной земле. Он осознает, что любовь к окружающей природе может проявиться только в бережном к ней отношении.

На путь, проложенный в татарской литературе в 60-е годы Булатом Сулеймановым, в 70-е годы встает талантливый и своеобразный поэт, также выходец из Сибири – Шаукат Гадельшович Сибгатуллин (родился в 1949 году в селе Киндери (Киндерле) Нижне-Тавдинского района Тюменской области). В современной татарской поэзии он известен под именем Шаукат Гадельша (Гадельша – имя отца поэта, из татарского дословно: «справедливый»). То обстоятельство, что эту деревню населяли татары – переселенцы из Поволжья – бывшей Казанской губернии, сыграло, наверное, определенную роль в его формировании. Дед поэта со стороны отца – сосланный поволжский татарин, а дед со стороны матери – сибирский татарин.

Родившийся на Тюменской земле, будущий поэт имел возможность получить образование на родном языке. Он учится в родной деревне, где, по всей вероятности, в его душе зарождается любовь к татарской литературе. В семидесятые годы будущего писателя судьба связывает с новостройками в Татарстане: он едет на стройку КамАЗа, где работает монтером, вместе с тем с интересом посещает заседания литературного объединения, пробует свое перо. Первую оценку его стихам дает тогда еще молодой поэт Мударрис Аглямов. Поэта заинтересовало звучание его стихов, где улавливалась мелодика древних дастанов, непривычное «литературному» слуху звучание и гармония сибирско-татарских слов.

Понимая необходимость высшего образования для профессиональной литературной деятельности, Шаукат Сибгатуллин поступает на факультет татарской филологии Казанского университета, в то же время продолжает пробовать себя в поэзии. В эти годы с его стихами знакомится известный писатель и ученый-литературовед Мухамед Магдиев, который не только рекомендует некоторые из его опытов для публикации на страницах молодежной газеты, но и пишет вводное слово к его стихам. Также известно, что первые шаги поэта в мир творчества были

поддержаны непререкаемым авторитетом татарской поэзии Хасаном Туфаном.

После окончания университета он возвращается в родные края, работает в разных организациях, но любовь к поэзии, желание быть в гуще литературных событий, возвращает его обратно в Казань. Вскоре читатель знакомится с его первыми сборниками со странными названиями, которые при прямом переводе на русский язык теряют красоту звучания и таинственность. На сегодняшний день Гадельша – автор шести поэтических сборников: «Ярык мөгез» («Разбитые рога»), «Ядрә тигән» («Попала пуля»), «Сөмән кадыйм» («Вонзаю пешню»), «Жилгә моң дыңгычлым» («Ветер забиваю мелодией»); в 2004 году выходит объемный сборник поэта «Аучы жыры» («Песня охотника»), включающий стихи предыдущих изданий, в 2006 году увидела свет новая книга «Чоңгыл» («Водоворот»). Его стихи также включены в сборник стихов поэтов – выходцев из Сибири «Мин – себер татарымын» («Я – сибирский татарин»).

Вскоре у поэта Гадельши появляется свой, уже узнаваемый и неповторимый стиль. Какая-то необъяснимая, не всегда понятная тоска присутствует во всем его творчестве. Это чувство, которое можно определить как тоску матери по своему ребенку, сына по родительскому дому, взрослого человека по ушедшим бесследно беззаботным дням детства и юности и боль за разграбленную природу, покинувших родные озера белых лебедей, сторевшие леса и мелеющие речки является основным в его творчестве. Лирический герой Ш.Гадельши смотрит на окружающий его мир глазами жителя Сибири, который видит истерзанную тайгу, безрыбные озера, опустевшие, брошенные татарские деревни. Такова действительность сегодняшней Сибири – колыбели поэта. Поэт хочет увидеть свой родной край, описанный писателем Шайхи Маннуром как «страна непуганных птиц», но его отчий дом опустел, на улицах не слышна гармонь, леса и озера принадлежат «чужеземцам».

В истории многовековой татарской поэзии Ш.Гадельша нашел свою нишу. Он признан одним из неповторимых, интересных, своеобразных поэтов современности. В современной татарской критике его творчеству уделяется особое, пристальное внимание как представителю долгожданной сибирско-татарской поэзии, который в новых условиях продолжает традиции, основанные Булатом Сулеймановым. Вслед за М.Аглямовым оценить творчество, определить особенности молодого поэта берутся его соратники по перу Г.Муратов, Г.Гильманов, также отмечающие новизну звучания и образной системы стихов Гадельши [Гыйльманов 1997]. Роберт Ахметзянов выделяет в его творчестве сибирскую тематику, замечая особенности творческих приемов [Әхмәтҗан 2004: 5-10].

О поэтическом мире Ш.Гадельши, своеобразии его поэтического мышления, вкладе в современную татарскую поэзию, оригинальности

поэтических творений также можно найти некоторые наблюдения в трудах молодых литературоведов, таких как, Л.Х.Фаизова, Г.Х.Муллачанова, в которых рассматриваются особенности поэтического мышления автора. Также в некоторых статьях ученых, поэтов, журналистов: Л.Б.Хабибуллиной, Д.Ф.Загидуллиной, Р.Зайдуллы, Р.Гатауллина и др. дается оценка поэзии Ш.Гадельши, характеристика особенностей его творчества.

«В последние годы в поэзии появились два интересных поэта. Один из них, выросший в Сибири, – Ш.Гадельша. Он привнес в поэзию отражение души жителей тех краев, еще сохранивших некоторые черты идолопоклонства. Манера письма Шауката также совершенно иная – через свои творения он связывает нас не с арабо-персидским литературным наследием, а больше опирается на древнетюркскую поэзию и фольклор. Его дух связан с живой природой», – пишет поэт, современник автора Р.Зайдулла, подчеркивая особенность и неповторимость поэтического мира молодого поэта, вышедшего из Сибири (перевод наш – Ф.С) [Зайдулла 2003: 152]. По нашему мнению, поэт-современник смог очень точно и четко уловить особый дух, творческое своеобразие соратника по перу. Ученый-литературовед Д.Ф.Загидуллина также отмечает специфическую особенность его поэзии: «Творчество Шауката Гадельши не стремится за модными течениями, вернувшись к истокам поэзии, он нашел свое направление, определил свою тропинку, не похожую ни на чью» [Загидуллина 2004].

Сибирь отражается в стихах Ш.Гадельши как неотъемлемая историческая часть татарского мира. Новый взгляд на окружающий мир, богатство авторских изобразительно-выразительных средств и своеобразных образов, которые находят отражение в его творчестве, создают отличающийся от других татарских собратьев по перу поэтический мир.

Лирический герой Ш.Гадельши, размышляет о своей непростой судьбе, когда он вынужден разрываться между двумя дорогами ему городами Тюменью и Казанью. Первым, что бросается в глаза читателю в творчестве Ш.Гадельши, – это неопределенность, нестабильность душевного состояния лирического героя. Он как бы чувствует неловкость от того, что живет вдалеке от мест, где появился на свет. Поэтому в отличии от поэзии Б.Сулейманова, в творчестве Ш.Гадельши чувство тоски героя по родным краям почти всегда сопровождается с чувством вины перед ним.

С одной стороны, ярко и образно выраженная тоска по родной земле, которая сопровождает лирического героя во многих стихотворениях Ш.Гадельши, может восприниматься читателем как продолжение традиций, начатых Б.Сулеймановым. Но характерная для его поэзии душевная боль и тревога лирического героя за истерзанную природу

Сибири и чувство неловкости от того, что не помочь, не изменить ничего в этой ситуации он не может, составляют новые грани поэзии Ш.Гадельши в выражении концепта «человек – природа». Этим его поэзия отличается не только от творчества Б.Сулейманова, но и от произведений многих современных поэтов, в чьем творчестве больше восхищения красотами природы, нежели переживаний и боли за нее. Его стихи – это поэтическое отражение душевного состояния современного человека, живущего по волею судьбы на чужбине, вдали от земли предков и всем сердцем переживает за нее. Особенности образной системы и поэтического слога тоже связаны с тем, что Ш.Гадельша родился и рос в Сибири, впитывал в себя мировоззрение, взгляд на окружающий мир и особый уклад жизни сибирско-татарского народа, которая отличается от восприятия жизни в столице национальной культуры и литературы, коим является г. Казань.

Творчество Ш.Гадельши воспринимаются как философское воззрение старца, аксакала, умудренного жизнью. На первый взгляд, его лирический герой кажется простым, по-детски наивным. Но подтекст, присутствующий во многих его стихах, заставляет читателя задуматься о роли каждого человека в судьбе родного края, обо всем ушедшем и потерянном безвозвратно. Незатейливая, на первый взгляд, пейзажная лирика Ш.Гадельши имеет глубокий подтекст и больше тяготеет к философской лирике. Его стихи заставляют содрогнуться от неожиданных поворотов мысли. Такие стихи поэта, как «Аллам ишетмәгән» («Аллах (мой) не услышал»), «Ядрә тигән» («Пуля попала»), «Урманнарга кабам», («Зажгу леса») «Козгын» («Коршун») являются отражением единства глубокой мысли и душевных переживаний лирического героя.

Таким образом, приход поэта из Сибири Ш.Гадельши, равно как Б.Сулейманова, творчество которых выделяется определенной новизной, в большую поэзию – можно считать долгожданным явлением. Неумное стремление стать поэтом привело Б.Сулейманова к творческой деятельности, новизной которого на первом этапе творчества явилось раскрытие образа сибирского человека – строителя новых городов, победившего сибирскую природу. Но постепенно его лирический герой раскрывается совершенно другим: перед глазами читателя предстает образ, нежно любящий свою родную землю и все, что связано с этим всеобъемлющим словом. Достойный своего имени, крепкий и стойкий, как булатная сталь, закалившийся в испытаниях, он прожил яркую жизнь и оставил богатое литературное наследие. Творчество поэта Шауката Гадельши, ставшее известным широкому кругу читателей в 1970-е годы, является достойным продолжением поэзии Б.Сулейманова, который в новых условиях, не только продолжил традиции, начатые им, но и создал свой, неповторимый поэтический мир, которая отличается особым видением окружающей действительности.

ЛИТЕРАТУРА:

- Сибирские татары – кто мы?: из истории Сибирских татар // Тюм. правда. – 1988. – 22 июня.
- Нет языка – нет и народа // Тюмень лит. – 1990. – №3. – С.14–15.
- Фаизова, Л.Х. Особенности творчества сибирско-татарского поэта Ш.Гадельши / Л.Х.Фаизова // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тобольск, 2006. – 24 с.
- Муллучанова, Г. Художественный мир татарской поэзии Сибирского региона (1990-2005) / Г.Муллучанова. Автореф. дис... канд. фил. наук. – Казань: Каз. гос. универ-т, 2006. – 27 с
- Сайфулина Ф.С. Туган як моңы / Напевы родного края (по творчеству Б.Сулейманова). – Казань: ГранДан, 2003.- 104с.
- Сайфулина Ф.С. Формирование и развитие татарской литературы Тюменского региона. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – 296с.

ТЕМА 5 (2ч.)

Сибирь в пейзажной лирике Б.Сулейманова и Ш.Гадельши

В жанре лирики отражается прямое самовыражение поэта. Человеческая подлинность лирического переживания, прямое присутствие его в стихотворении, по словам В.Ф.Ходасевича: «живой души поэта», достоинство поэта, которое состоит в том, «...что он пишет, повинаясь действительной потребности выразить свои переживания» [Ходасевич 1996: 416, 449]. Поэзии рассматриваемых лириков – Б.Сулейманова и Ш.Гадельши – во многом присущи удивительная непосредственность самораскрытия автора, открытость их внутреннего мира.

В творчестве данных поэтов нами особо выделяется пейзажная лирика, которая является основной, как в поэзии Б.Сулейманова, так и Ш.Гадельши. Именно в ней, прежде всего, запечатлен идейно-эмоциональный слепок мироощущения поэтов, отражается их видение мира, понимание и восприятие прекрасного в окружающей природе. Данное направление гуманистической традиции, веками сформировавшееся в татарской литературе, новой силой раскрылось в 60-70-е годы XX столетия. Отношение исследуемых поэтов к природе разное и к выражению своих переживаний и чувств через образы пейзажа каждый автор приходит по-своему.

Главными объектами образной системы в пейзажной лирике поэтов являются тайга (у Б.Сулейманова), лес (у Ш.Гадельши) как всеобъемлющие, собирательные образы природы Сибири, а также многочисленные образы, составляющие их: мир растений и животных. У обоих поэтов образ природы – это символическое отражение Сибири, в целом, и своей малой родины, в частности.

В творчестве изучаемых поэтов – Б.Сулейманова и Ш.Гадельши – эти понятия являются самыми основными, несущими огромную смысловую нагрузку. В этом заключается, кстати, при всем различии их видения мира, сближающее начало двух поэтов. Все их творчество – это

отражение преданности своей родной земле, преклонения перед матерью и стремления служить своему народу, материнскому языку посредством искусства слова.

Выражение любви, уважительного и бережного отношения к родившей тебя земле – одно из основных тематических направлений в татарской поэзии. Родной земле, родившей и вырастившей тебя, которая всегда живет в сердце и является источником вдохновения, поэты посвящают свои самые сокровенные стихи. Удивительные примеры пейзажной лирики можно найти в творчестве разных по духу поэтов – Х.Туфана, С.Хакима, И.Юзеева, С.Сулеймановой, Р.Файзуллина, Р.Хариса, Р.Миннуллина, М.Аглямова, Зульфата и др.

Проблема взаимоотношений человека и природы является стержневым для раскрытия своеобразия и неповторимости творческого облика обоих поэтов – Б.Сулейманова и Ш.Гадельши.

Здесь следует отметить, что в литературоведении понятие «автор» используется в основном, в двух значениях: во-первых, это реальная личность со своей жизненной позицией, которая является создателем данного произведения; во-вторых, раскрывающийся в поэтическом произведении образ поэта, выражение внутреннего мира. Нужно отметить и то, что в лирике автор является не только объектом, но и субъектом, подчиненным эстетической структуре произведения [Гинзбург 1974: 6].

Вместе с тем, современное литературоведение склоняется к мысли, что образ автора следует выводить из авторской позиции, выраженной в произведении. Как утверждает И.Б.Роднянская: «В строго объективном смысле «образ автора» наличествует лишь в произведении автобиографического плана, т.е., там, где личность автора становится темой и предметом его творчества» [Роднянская 1989: 382]. Известный литературовед Б.О.Корман, посвятивший множество трудов анализу художественного текста, в том числе лирики, отмечает: «Чем в большей степени субъект сознания становится определенной личностью со своим особым складом речи, характером, биографией, тем в меньшей степени он выражает авторскую позицию» [Корман 1992: 39-54]. При этом автор различает следующие формы авторского сознания в лирических произведениях: автор повествователь, собственно автор, лирический герой и герой ролевой лирики.

Анализируя творчество исследуемых нами поэтов, при оценке их поэтического мира мы также будем оперировать данными терминами. Лирика Б.Сулейманова и Ш.Гадельши может служить примером многоэлементной лирической системы.

В творчестве Б.Сулейманова в образе природы соединяются разнообразные функции: олицетворение красоты родного края, одухотворение природы, философское осмысление явлений окружающего мира, изображение чувств и переживаний лирического героя через

поэтический параллелизм времен года. Тема любви ко всему родному (природе, земле, матери, народу) занимает центральное место в наследии поэта, начиная с первых творческих опытов и до зрелых стихов. При этом здесь особое место занимают стихи, где носителем речи является повествователь. В таких стихах для читателя на первый план выдвигается какое-то обстоятельство, ситуация, пейзаж, вопрос же о том, кто говорит, кто размышляет, отходит на второй план. И тем не менее повествователь в стихотворениях присутствует. Каков повествователь, как он смотрит на жизнь, относится к природе, – обо всем этом можно судить по эмоциональной окраске лирического монолога. Повествователь у Б.Сулейманова – сибирский татарин, воспитанный на народных традициях, любящий родную землю, его природу. Поэтому для его пейзажной лирики характерны описания богатой, многогранной природы Сибири, которая является родной не только для поэта, но и для всех тех, кто проживает на этой земле, что делает его творчество ёмким и значимым.

В пейзажной лирике поэт часто обращается к образам птиц, которые в большинстве случаев, воспринимаются как символы. В выражении душевных чувств, психологического состояния лирического героя Б.Сулейманов часто использует собирательный образ, выраженный в поэтических строчках как «кошлар» – «птицы», где лирический герой обращается к птицам и делится своими душевными переживаниями.

Из мира птиц Б.Сулейманов часто обращается к образу белого лебедя. Данный образ, доминирующий в поэзии сибирско-татарского поэта, приобретает символическое значение. Белая лебедь – символ красоты родного края, в стихах поэта является бессменным атрибутом многочисленных озер и рек, которыми богата Сибирь. Отметим, что символ по своему происхождению относится к разряду метафор. Однако в результате постоянного употребления он становится обозначением какого-либо устойчиво-традиционного слова-образа. Таковыми являются в мировой литературе образы-символы: «корабль», «парус», «береза» и др. Точно такую же роль играет у Б.Сулейманова образ белого лебедя.

Белые лебеди для поэта – атрибуты его родного края, поэтому неудивительно, если его лирический герой отправляет с ними родной матери вести, о том, что он жив и очень скучает по ней. Такую же роль играют в творчестве Х.Туфана образы «кыр казлары» – диких гусей и облака, плывущие на сторону его родины – Казани, где автор с такой же целью обращается к ним.

В творчестве Б.Сулейманова образ лебедя находит множество вариантов поэтического изображения. Таким образом, в многочисленных стихах художника слова появляется прекрасный символ родной земли, как, например, в стихотворении «Ак канатлы аккошларым кайта» («Белокрылые (мои) белые лебеди возвращаются»). Иногда в творчестве Б.Сулейманова образ любимого человека также ассоциируется с образом

белого лебедя. В народе пара лебедей является олицетворением преданности, любви и идеалом красоты. В некоторых стихах поэта, как в древнетюркской мифологии, образ лебедя является символом верности, преданности любви.

Образ человека, который потерял свою молодость и любовь, в стихах Б.Сулейманова также ассоциируется с образом одинокого белого лебедя. Здесь автор также пользуется приемом поэтического параллелизма. На фоне осенней природы, которая передана автором как «заплаканное небо от небрежных касаний дня» и «озера, потерявшие своих лебедей», чувства человека, потерявшего свою молодость и любовь, воспринимаются как продолжение этой унылой, безнадежной картины.

Экспериментируя в разных жанрах, опираясь на традиции монологических рассуждений, автор создает особый, народный колорит, как, например, в стихотворении: «Ботаксыз наратны...» («Сосну без сучьев...»), где в поэтической параллели с переживаниями лирического героя автор использует образ дятла – птицы, которая очень редко используется в поэзии.

Изредка в творчестве Ш.Гадельши появляется образ журавля, в котором заложен аллегорический смысл и образ утки, которому, как и в древнетюркской мифологии, придан смысл зачинательницы жизни на земле.

В лирике внутренний мир лирического героя, обычно раскрывается в поэтической параллели с пейзажными зарисовками. Как и многие другие поэты, в описании душевного состояния своего героя Б.Сулейманов широко пользуется этим приемом. В восприятии окружающего мира лирического героя можно четко проследить переживания самого поэта. Созвучие природных явлений и красоты духовного мира человека воссоздают в его стихах идеал гармонии.

Большая группа лирических стихотворений Б.Сулейманова объединяются образом лирического героя. Он открыто стоит между читателем и изображаемым миром. Внимание читателя сосредоточено преимущественно на том, каков лирический герой, что с ним происходит, каковы его судьба, отношение к действительности и т.п. Ярким примером этого является стихотворение «Жирсу», где преобладает чувство тоски, которая, в основном, выражается по отношению к своей деревне и бескрайней тайге. Возвратившись во сне к родному порогу, его лирический герой находит душевное успокоение.

Лирический герой представляется читателю взрослым, умудренным жизненным опытом мужчиной, который медленными шагами идет по родным улочкам, вспоминая годы своего детства, близких сердцу людей. При описании своей деревни автор использует такие выражения, как «туган нигезем» - «родные корни», «туган йортым» – «отчий дом», «бишегем» – «колыбель моя», «бабаларым яткан жир» – «место, где

покоятся прадеды». Данные развернутые определения помогают читателю представить родину поэта – маленькую татарскую деревню, которая ютится в Сибири. В душе остается нежное чувство, созвучное ощущению, которое появляется при чтении рассказов известного татарского писателя Амирхана Еники – мастера психологических произведений: «Туган туфрак», («Родная земля») «Жиз кытгырау» («Медный колокольчик»), «Әйтелмәгән васыять» («Невысказанное завещание»). Земля, которая вырастила тебя, снится, тянет к себе, возвращение к ней становится смыслом жизни, – о таком сильном чувстве пишет поэт в своих стихах.

На примере стихотворения «Туган якка гел кайтмасам» («Если не вернусь в родные края») можем проследить движение душевных переживаний лирического героя. «Нет просторнее земли, чем родная земля», – пишет автор в самых первых строчках стихотворения. Время, прожитое на чужбине поэтом воспринимается как «Йөрәккә кан сауган чаклар» – «время, когда сердце обливалось кровью». Читатель понимает, что чувство близости к родной земле, тоски по нему не ослабевает с течением времени, а наоборот, только усиливается.

В данном стихотворении идет описание душевного состояния лирического героя, также воспринимающегося как переживания самого автора, которые он испытывает перед отъездом из родного края. Отражая лишь одно мгновение душевного состояния человека, уезжающего в чужие края, автор способен представить всю трагичность и глубину его переживаний. В одной строфе, выраженной удачно выбранной метафорой, раскрывается суть всего стиха. «Слезы на одиноком листочке», на которые обращает внимание лирический герой, собиравшийся покинуть родные края, воспринимаются читателем не просто как природное явление, а как отражение внутреннего состояния лирического героя. В этих строчках отражается синтез мыслей и чувств, присущий многим стихам поэта. Автор как бы делится с читателем своими сокровенными переживаниями, что позволяет верить в искренность его стихов. Сила лирики проявляется в том, что она позволяет читателю сопереживать лирическому герою, воспринимать чувства поэта как свои.

В творчестве Б.Сулейманова привлекает к себе внимание поэтическое изображение времен года. Картина наступления весны, связанная с пробуждением всего живого, в его творчестве, в основном, связана с приходом любви, которая ассоциируется с весенним настроением, когда в души людей вселяется надежда на лучшее будущее.

Осень и весна в творчестве поэта Б.Сулейманова – это не только два различных времени года, а символы, отражающие противоположные переживания, разные грани душевного состояния лирического героя. Если осень – это пора его увядания, исчезновения, потери красоты, то весна в стихах поэта, в основном, пора цветения как в природе, так и в душе человека. Примером тому может служить стихотворение «Яз килгәч»

(«Когда наступает весна»), где у лирического героя с наступлением весны появляется надежда на лучшую жизнь. Здесь меняется вся палитра красок, которыми пользуется автор в изображении перемен в природе: все покрыто зеленым и голубым цветами, через которые отражается надежда на будущее, восторженное восприятие жизни. Проследим строчки из стихотворения, в котором дается описание весеннего пейзажа: «Кук кулдэй ачыла **һәм үсә зәңгәр**лек биеккә» (/*«Небо открывается как озеро и ввысь поднимается голубизна»*/), «Куңелләр сыялмый киллеккә» («*Души не вмещаются широте»*/). В соответствии с такими переменами в природе меняется и душевное состояние лирического героя: «Нигәдер кешеләр матурлар, чибәрләр **һәммәсе**./ Яз килгәч, гомерләр озая, **үзгәрә** яшәүнең мәгънәсе» (/*«Почему-то и люди красивые, прекрасные все./ Когда наступает весна, продлевается жизнь и меняется ее смысл»*/).

Как талантливый художник поэт рисует картину пробуждения природы и всего живого. Свообразными авторскими сравнениями и эпитетами, Б.Сулейманов описывает процесс наступления весны в стихотворении «Яз килгәч» («Когда наступает весна»).

«Когда наступает весна./ Зеленый росточек/ Тянется к голому столбу./ Когда наступает весна./ Даже кочка тянется к кочке/ Говорится в народе»./ Зеленый росточек, который тянется к голому столбу, в качестве атрибута наступления весны, использованный автором является собственным поэтическим образом. А выражение «весной даже кочка тянется к кочке» придает стиху емкость народных пословиц и поговорок.

Не менее образно описано наступление весны у Ш.Гадельши, оно у этого поэта более приземленно: вместо безкрайнего восторга, который присутствует в стихах Б.Сулейманова, говорится об обыденных явлениях, связанных с жизнью обычной деревни. Автором тонко подмечены приметы ранней весны. Или, другой пример неповторимой образности поэта в раскрытии примет весны в стихотворении «Март төне» («Мартовская ночь»):

Картина осени у обоих поэтов ассоциируется с прошедшей молодостью, потерянной любовью, наступлением старости. И в следующих строчках Б.Сулейманова посредством использования приема сравнения, при котором ушедшая молодость сравнивается с осенним листом, падающим, обрываясь с дерева, создается ощущение расставания, прощания.

В истории литературы много примеров, когда поэты, описывая осень, пользуются эпитетами «золотая», «богатая», «багряная», но в творчестве Б.Сулейманова осень ассоциируется со старостью, с концом жизни, унылой порой, где нет места ярким краскам, «очей очарованью», где царствует только боль утраты, тоска по несбывшимся надеждам, по родному краю, по любимой.

В творчестве Ш.Гадельши также через образное воссоздание картин осени передаются философские размышления лирического героя о бренности жизни. Рефрен «Яфрак коела да коела» («Листья опадают и опадают»), использованный в стихотворении с одноименным названием, также служит для выражения безвозвратного течения времени, которая незаметно проходит, оставляя после себя только тоску по нему. Автор акцентирует внимание читателя на том, что ход времени независим от человека. В конце стиха с помощью сравнения падающих листьев с ушедшими днями, которые также незаметно покидают человека, создается ассоциативный образ.

«А листья падают и падают,/ Превратился день в огромную тоску./ К черным облакам тянется душа,/ Чтоб с плачем-ревом расцарапать их.»/

В творчестве Ш.Гадельши расширяются возможности использования образов природы, наполняя их новым содержанием. В его стихах природа является продолжением человека или даже заменяет его. Образ леса – один из основных в его поэзии. Для него лес – и друг, и советчик. В его стихах в одухотворенном образе леса возникает некий символ родной природы. Например, в стихотворении «Телем тешләдем» («Откусил язык») поэт обращается к природе как к живому существу, равному себе, он переживает за её спокойствие. В стихотворении «Куркам *м*сырларымнан» («Боюсь песен своих»), обращаясь к лесу, поэт спрашивает у него о его самочувствии: /«О, лес (мой), задумался,/ Или у тебя состояние удручающее?»/

Образ леса весьма популярен и многозначен в поэзии С.Хакима, чьи традиции в новых условиях продолжает Сибирский поэт. Тревога за лес, являющегося «домом» всего живого, сквозным мотивом проходит через все творчество поэта. В стихотворениях «Сагая карт урман» («Остерегается старый лес»), «Элек тә бит, самолетлар очса...» («И раньше, когда пролетали самолеты»), «Урманнарга кабам» («Зажгу леса»), «Заман агачлары» («Современные деревья») и др. лес выступает как единое целое, а деревья, птицы, звери – его составляющие. Сожженный лес с животным миром для автора соотносим с погубленной жизнью. Таков основной мотив также стихотворения «Поши аткач» («После охоты на лося»). Лирический герой ощущает тягостное чувство вины, так как вместе со всеми охотниками он тоже охотился на лося, делил его мясо. Вот почему осознание вины перед лесом будет преследовать его всю жизнь. Образы животных в поэзии Ш.Гадельши воплощают материнское начало в природе. Среди них в его поэзии особо выделяется образ лося и оленя. Его стихотворения где главное место занимают образы животных, – это кодекс народной морали, где, поэт утверждает, что смерть каждого животного – это прекращение жизни вообще. Таким образом, лирический герой Ш.Гадельши отличается от повествователя известной определенностью

бытового, житейского, биографического облика и резкой характерностью эмоционально-психологического склада.

В творчестве Ш.Гадельши удачное использование образа деревьев дает возможность художественного постижения философских глубин человеческого бытия. Здесь идет одушевление, очеловечивание природы, что в поэзии передается обычно методом олицетворения. В его стихах, как и в представлениях древних, образы природы также наделены человеческими качествами: где особо выделяется умение мыслить, чувствовать боль, страдать. В стихотворении «Зираттагы каен» («Кладбищенская береза») лирический герой спрашивает сгорбленную березу, почему она оказалась в таком положении.

Через образ сгорбившейся березы поэт поднимает одну из самых актуальных проблем современности, коим является проблема отношений разных поколений. Он ратует за уважение родителей и старших, за сохранение памяти об ушедших из этой жизни в мир иной.

Так в творчестве поэта раскрываются отношения человека с миром природы, основанный на их единстве, цельности. Например, стихотворение «Язымышымның дәръясы – Казан, Төмән арасы...» («Широты судьбы (моей) – расстояние между Казанью и Тюменью») начинается с описания судьбы самого поэта, так как его жизнь связана с этими городами. Но дальше автор переходит к размышлениям о своих предках, прошлом народа, которые также раскрываются через изображение природы Сибири. Но здесь авторские метафоры, использованные в описании болота, березы, которая растет на этом болоте, выделяется своей неожиданностью и неповторимостью.

В следующем стихотворении речь идет о наступлении новых времен, когда под утро из соседней деревни слышится тихий, мелодичный азан. Для сравнения стройной ели, автор использует здесь образ минарета мечети (по логике вещей, должно быть наоборот: для сравнения минарета мечети – использовать стройную ель), а кустарники и их сучья поэт сравнивает с буквами и сурами из Корана. Таким образом и здесь на первый план выходит образ живой природы:

В стихотворении «Сердәшләр булганга» («Потому что друзья» (сердәш – дословный перевод: тот, с кем делишься с секретами)) поэтические параллели воссоздают ассоциативную образность. Лирический герой считает лес своим другом, с которым может поделиться секретами, поэтому обращается к тайге: /«Молодость моя, какая ты?/ Не видно тебя,/ Молодость моя, где ты,/ – Или скрыла тебя тайга?»/... /«От дерева, к дереву/ Прыгает одна белка./ Как знать, может, эта белка/ И есть моя молодость»./ Далее лирический герой также обращается к птичке, поющей на белой, стройной березе; к муравью, который несет на себе груз, больше чем сам; к росе, в которой отражается небо, и про себя думает: может, это и есть его ушедшая молодость? Обращение к окружающей его

природе очень часто встречается в творчестве Ш.Гадельши, что делает его поэзию антропоцентричной, в особом, необычном выражении.

Осмысление такого видения окружающей природы дает возможность сделать выводы о том, что Ш.Гадельша не только описывает пейзаж, он создает параллельный живой мир, где все так же, как у людей: боль, страдания, страх. Поэтому в его творчестве очень часто встречаются обращения к окружающей природе: лесу, деревьям, зверям, птицам, даже насекомым. В них выражается отношение поэта к окружающему миру, которое не отличается от отношения его к людям. Среди обращений поэта самым употребляемым словом является собирательное слово «природа». Например, в стихотворениях «И табигать, буген мин...» («О, природа, сегодня я...»), «Чак кына ацлы алсам мин...» («Если бы я мог чуток понять...») и в др. автор обращается к природе, как бы извиняясь, осознав свою вину перед ней. Обращения к животному миру, как к части природы, встречаются также в стихотворениях «Сусарларны куып булмый...» («Рысь невозможно догнать»), «И, бөлжәк» («Эх, насекомое»), «Аккошларым» («Лебеди мои») и др. В некоторых стихотворениях лирический герой просит у животных помощи или совета. Лирические обращения в таких стихах помогают раскрыть разные душевные переживания лирического героя: радость, одухотворенность, грусть или же какое-то противоречивое состояние. Например, в стихотворении «Әле була яшәргә» («Еще можно жить») лирический герой радуется, глядя на куропаток, купающихся в инее, который сыплется с берез. В них автор видит символ живого леса, глядя на который он выражает надежду на продолжение жизни в природе, в лесу. Поэтому автор с радостью и надеждой обращается к куропаткам и выражает им свою благодарность.

В следующих стихах, «Сусарларны куып булмый» («Рысь невозможно догнать»), лирический герой обращается к рыси за помощью, чтобы тот нашел ему дупло, где бы он мог укрыться от суеты жизни.

Образы, связанные с водой, в творчестве обоих поэтов встречаются довольно часто. В некоторых стихах Ш.Гадельши создается образ души озера. В таких стихах появляются элементы мифологизма, создается некий мифический образ озера. Например, в стихотворении «Кул йорәге» трансформирован этнологический миф об одушевленности озера. Здесь лирический герой-рыбак вдруг вообразил себе, что он нечаянно может сетью поймать сердце озера: поэт описывает состояние испуга, растерянности рыбака, и размышляет, что бы было, если на самом деле это было бы возможно. Данное произведение может являться интересным примером ролевого стихотворения. Сущность ролевой лирики заключается в том, что автор в ней выступает не от своего лица, а от лица разных героев. Он присутствует в стихотворениях, но скрыто, как бы растворившись с своих героях.

В стихотворении «Карчык зары» («Жалоба старухи») речь идет от имени старухи, которая обращается к озеру, при чем и озеро также изображается поэтом «очеловеченным». Обращение к озеру повторяется трижды, как в народном эпосе, и с каждым разом оно усиливается. Старуха, обращается к озеру как к самому близкому существу и выражает свою обиду. Она не довольна тем, что в свое время оно не дало возможность ее старику поймать золотую рыбку. В минуту обиды старухе и крик чаек кажется плачем. Третье обращение старухи дает понять, что несмотря на ее маленькую обиду, озеро остается самым родным для нее и ее ушедшего уже из жизни старика.

«...О, озеро! Каким образом тебя/ Запечатлеть в глазах./ Старик там, в первую очередь,/ О тебе станет расспрашивать.»/

Таким особенным образом автор дает понять насколько дорого озеро для деревенского жителя Сибири, ибо оно является основным источником их жизни. Обращение поэта к миру природы по большому счету воспринимается как столкновение могучего мира язычества и исламских представлений о мире. При этом, ландшафт Сибири, его природа составляют основу художественного образного мира поэта.

В творчестве Б.Сулейманова образ озера выделяется, как венец красоты сибирского края, как символ чистоты нетронутой людьми природы. В некоторых стихотворениях образы озера, реки, моря становятся средством выражения психологических изменений в душе лирического героя.

Психологический параллелизм выдвигается на первый план в стихотворении «Диңгез буенда» («На берегу моря»), где уже в первых строчках чувствуется душевная неуспокоенность, тоска героя:

«Как чайка/ Душа (моя) надрывается»/, – пишет автор в первых строчках стиха. Читатель ищет причины тревоги лирического героя, но, на первый взгляд, нет причин беспокойству. Потому что, далее следует: /«Как душа друзей, горячее/ Над головой солнце Баку.»/ Причины тревоги и душевной боли, неуспокоенности лирического героя раскрываются не сразу. Далее описывается берег моря, омываемый волнами:

«Желтые пески бегут/ По морю,/ У волн высохли слезы./ Купаюсь/ В море мыслей (своих),/ Никому/ До меня нет дела.»/

Несмотря на наличие дружеского солнца над головой, герой не замечает красоты моря. Причина тоски лирического героя, оказывается, в его одиночестве и в том, что «никому нет дела до меня». Поэтому вокруг: «Күктән иңгән сары юл ята» («Лежит желтая дорога, опрокинутая с неба»), «...Күз алдында үлө дулкыннар» («Перед глазами умирают волны...»). Далее более диалектично и мотивированно раскрываются причины состояния лирического героя:

«Желтая вода/ И земля здесь желтая,/ Как-будто весь мир желтого цвета./ Может быть,/ Из-за того, что я скучаю по родным краям,/ Желтым,/ Кажется мне все, только и всего.»/

Таким образом, только в конце стихотворения раскрываются причины душевных тревог лирического героя, которые определяются как глубокая тоска по родному дому и печальное одиночество героя. Поэтому все вокруг воспринимается в желтом цвете, который многократно усиливает тоску и душевную боль лирического героя. Так, описание определенных явлений природы, в данном случае моря, помогая автору в раскрытии процесса душевных волнений героя, что усиливается желтым цветом – цветом печали и тоски.

Существуют лирические системы, в которых при восприятии вопрос о субъекте речи не имеет особого значения. В таких лирических стихах ощущения резко определенного носителя речи уступает место резко своеобразного поэтического мира. Представление о поэтическом мире складывается из представлений о наиболее близкой поэту сфере жизни и об особом характере поэтического видения [Ремизова 1967: 41]. В таких стихах между поэтическим миром и читателем при непосредственном восприятии нет личности как главного предмета изображения или остро ощутимой призмы, через которую преломляется действительность. Таковыми можно считать стихи Ш.Гадельши, где образы природы занимают значительное место, как бы становясь лирическим героем. Этим поэт выражает единство мира, подчеркивая, что все земные трагедии одинаково касаются как людей, так и животных и растений. В стихотворении «Болан кузе» («Олений глаз») переживания оленя, увидевшего в жизни много зла, ничем не отличаются от человеческих, в его глазах – «пустота, в которой может утонуть весь мир».

Пустота и оглушающая Тишина в пейзажной лирике Ш.Гадельши являются антиподами Жизни, Красоте, Надежде. Даже смерть, по сравнению с этими понятиями, кажется естественнее. Например, в стихотворении «Йёз яшьлек аучы» («Столетний охотник») дано резкое противопоставление понятий Жизнь – Тишина, Пустота. «Смерть – ничего, страшна тишина»,- повторяет лирический герой вслед за столетним охотником, воспринимая жизненную истину: «Смерть человека – смена поколений, а состояние Тишины – это смерть мироздания». Таким образом, в творчестве Ш.Гадельши вместо обычной антиномии «Жизнь – Смерть» появляется противопоставление «Жизнь – Тишина». Состояние человека, при котором он считает смерть лучше, чем жизнь, очень образно выражено в стихотворении «Тук ялкаулык яшелләнеп...» («Сытое лентяйство, зеленея...»). Здесь автором создаются поэтические образы, которые сопутствуют сытой тишине: зелень, которая спит в речке, равнодушные белые облака, мошки-пауты без движения, пчела, которая не жалит, жаркая тишина, обессиленная бабочка. Очень своеобразно

проявляется в поэзии Ш.Гадельши оправдание смерти через философию идолопоклонства. В стихотворении «Менә монда болан ауган» («Вот здесь пал олень») поэт разделяет мир на живые существа и деревья. Смерть – это грань, за которым олень превращается в осину, заяц – в кустарник. Лирического героя беспокоит вопрос: во что же превратится он, после того, как перейдет эту грань?

«Обнимая дерево, задумываюсь:/ «Когда упаду, чем же я стану?»/

Данное размышление поэта заканчивается противопоставлением: рай – ад, но на какой стороне превращений рай, на которой – ад, остается догадываться самому читателю.

Такие стихи поэта Ш.Гадельши приближают его взгляды к мировоззрению экзистенциализма, где такой подход лирического героя к смыслу жизни подводит к мысли о ее бессмысленности, враждебности по отношению к человеку. В стихотворении «Башын чуртан судан сонган...» («Из воды щука высунула голову...») мир представляется поэту прорубью, где во льду застыла высунутая из воды голова щуки. Здесь проводится аналогия: кого-то жизнь манит богатствами, кого-то держит обманом.

Его лирический герой сам воспринимается как душа сибирской земли, которая рассказывает о своей боли и потерях. Как в древних дастанах (эпосах), автор говорит от имени самой природы: тайги, болота, неба, земли. Появляется особая поэзия, которая воспринимается только чувствами, особым духом. Вот строки из стихотворения «Мәңсүси зары» («Жалоба преклоняющегося идолам»):

«Только разум запрещает:/ «Не поймут тебя,/ Это – мир, где преклоняются Аллаху.»/ Такое противоречие, которое живет в душе лирического героя, делает поэзию Ш.Гадельши созвучной с поэзией народов ханты, манси, где шаманство, идолопоклонство по сей день остается основной верой. Также и здесь, в душе лирического героя, созданного им, время от времени преобладает дух преклонения перед природой: «Один – в старой сосне,/ Другой – у меня (в душе),/ Слушай: два шамана переговаривают.»/ Так, одушевленность природы в стихах поэта поднимается до уровня обожествления.

Во многих случаях на стыке историзма и психологизма снимается противоречие характера сибиряка. Обожествление природы, соединение мифологических представлений с реальными служат выделению в структуре характера сибиряка таких качеств, как бережное отношение к природе, уважение старших, отзывчивость. Поэт открывает в сибиряках способность соединять в своем сознании воображаемые, мифологические образы и выражать их в фольклорных мотивах и образах. Например, в стихотворении Ш.Гадельши «Элек тә бит, самолетлар очса...» сибирские леса сравниваются со скотом для забоя. Экологическая катастрофа передается через призму мировоззрения первобытного человека.

Обычно, обращаясь к образам природы, автор стремится к простоте, но в некоторых философских стихах поэт прибегает к сложной образности. В итоге создаются совершенно неповторимые, эмоциональные стихи. В стихотворении «Карурманда» («В темном лесу») лирический герой – человек равнодушный, не пытавшийся найти пути борьбы для выживания в этой сложной жизни. Риторическое обращение автора направлено к мифологическому образу – «хятем *мцене*» (бесу жизни). Лирический герой противопоставляет себя другим, тем, кто живет по-современному. Он не может подстраиваться под изменчивые жизненные ситуации, обречен на тишину, равнодушие. Не находя выхода из этого состояния, человек убегает в темный лес. Образ леса-проруби, использованный в данном стихотворении, имеет архаический смысл. В самой безвыходной ситуации человек обращается к лесу как к колыбели человечества. В рамках произведения ставится еще одна глобальная проблема – достижение простого человеческого счастья. В стихотворении дается ответ на этот очень сложный вопрос: счастье – это возможность человека жить по-своему. Во взглядах поэта появляется философия одиночества, которая противопоставляется сознанию толпы, масс.

Поэт обогатил современную татарскую поэзию темой Сибири, которая раскрывается через несколько мотивов. Один из них – мотив охоты и охотника. В таких стихотворениях, как «Йөз яшьлек аучы» («Столетний охотник»), «Аучы зары» («Жалоба охотника»), «Аучы *мсыры*» («Песня охотника») перед читателем открывается необычный, экзотический мир леса. На фоне дремучего леса разворачивается трагедия охотника, который, постарев, ослеп, оглох; или же раскрывается переживания охотника, вынужденного застрелить медведя, ободравшего теленка односельчанина; или охотника, который чувствует свою вину перед застреленным животным. Таким образом, создается несколько новый для нашей поэзии образ охотника – защитника лесов и животного мира.

Учитывая особенности отражения поэтического пространства, в последние годы в региональной литературе особо выделяются образы, направленные на художественное осмысление внутреннего мира человека в его многоплановых связях с окружающей реальностью. В литературоведении их принято называть термином «топос» (с греческого – место), константа или универсальная категория [Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001: 107]. В других источниках их называют «готовыми образами», клише, стереотипами [Тамарченко 2004: 142]. В творчестве поэтов, выходцев из сибирских татар, топос Сибири имеет особое место. По мнению И.Б.Гладковой, «топос Сибири – глубоко специфическая, смыслообразующая, глобальная универсальная категория. Для писателей Сибири он имеет патристическую направленность, раскрывая внутреннюю укорененность человека в родном ему

пространстве» [Гладкова 2004: 1]. «Пространство Сибирского края, его географический ландшафт, историческая судьба сибирских татар наложили свой отпечаток на формирование особого смыслового топоса. Топос включает в себя взаимосвязь пространственно-изобразительного и концептуального планов», - отмечает Г.Х.Муллачанова [Муллачанова 2006: 13].

Сопоставительный анализ творчества изучаемых поэтов также показывает, что в поэзии Б.Сулейманова и Ш.Гадельши широко использован Сибирский топос: названия многочисленных городов и сел региона фигурируют в их стихотворениях и помогают раскрытию разнообразных смысловых оттенков.

В творчестве сибирских поэтов естественной частью семиотического пространства появляется и городской ландшафт, который выступает наиболее рельефным отражением историко-культурной деятельности человека. Процесс освоения окружающей среды идет одновременно с его осмыслением, насыщением пространства смыслами, символами, знаками. Структуру и целостность возникающей пространственно-знаковой модели окружающего ландшафта определяют устойчивые культурные значения ее элементов, зафиксированные в общественном сознании и художественной литературе.

Одна из особенностей пейзажной лирики изучаемых поэтов – это не только олицетворение пространственных образов, но и включение их в систему субъектных отношений. Конкретизируя пространство лирического переживания, поэты указывают на связь поэтического образа с реальным топосом, а топос определенной местности является значимой координатой, как в жизни самих поэтов, так и в переживаниях их лирических героев. Во многих стихотворениях лирические ситуации проявляются на Сибирской земле, чувства и переживания лирического героя связаны с этим краем.

Во многих произведениях Б.Сулейманова сибирский топос выносится на сильную позицию, т.е. на название произведения. Примерами могут служить стихотворения «Сопра» («Супра» – название родной деревни автора), «Тобол» («Тобольск»), «Тубән Варта» («Нижняя Варта»), «Обта боз киткәндә» («Ледоход на Оби»), «Самотлорда *жәй* уртасы» («Середина лета в Самотлоре»), «Төнъяк, тундра» («Север, тундра»), «Салехардка килгәч» («По приезду в Салехард»), где проявляется авторское отношение к некоторым сибирским городам и селениям, которые так или иначе оставили свой след в судьбе поэта. Очень часто в стихах Б.Сулейманова встречается использование топоса «Сибирь», тем самым автором воссоздается собирательный образ родного края.

«Ты родилась в моем сердце,/ до того, как меня родила моя мать./ Сибирь, Сибирь, ты единственная на земле,/ Кто достоин моей любви»/.

Поэт много пишет о своей родной земле, о родном народе. В каждом из стихов он признается ему в любви, выражает благодарность и искреннюю духовную близость. Таковыми являются и следующие строки: /«Не говорите/ о моей Сибири:/ «Раньше была проклятой землей»/. Пусть это так,/ Поймите,/ Это моя родная земля,/ О, Родная!»/.

В отдельных стихах топоним Сибири конкретизируется, появляются названия больших и малых городов и деревень, которые связаны с биографией поэта. Так, в стихотворении, посвященном родной деревне Сопра, автор перечисляет названия сибирско-татарских деревень, таких, как Баеш (Баишево), Рәнчек (Ренчики), Меткә (Метькино), Киндерле (Киндери), утверждая, что корни его народа здесь. В названиях этих маленьких деревень хранится древняя история татарского народа.

В таком сильном плане топоним в произведениях другого поэта – Ш.Гадельши используется не так часто, но иногда и здесь встречаются стихи, где топоним выведен в название стиха. Например, в стихотворении «Нинди Төмән?» («Какая Тюмень?») топоним «Тюмень» использован не только в названии, но и как эпитета повторяется в каждой строчке стихотворения:

«Свободная Тюмень!/ Задумчивая Тюмень!/ Щедрая Тюмень!/ Быстрая Тюмень!/ Моя Тюмень – ворота родного края»/.

Повтор топонима несколько раз в сочетании с разными определениями-эпитетами показывает насколько близок автору этот город. Разным представляется для поэта Тюмень – город, с которого начинается его малая родина. Данные строчки стиха Ш.Гадельши перекликаются в смысловом плане со стихами классика татарской поэзии Г.Тукая «Пар ат», где звучит обращение к городу Казани: /«И, *Казан*,/ *Дәртле Казан*,/ *Нурлы Казан*,/ *Моңлы Казан!*»/ Родной город воспринимается поэтом не только как географическое название, она является колыбелью его родного народа, самым дорогим для него местом в мире. Необычно использован топоним «Сибирь» в стихотворении «Черкине сагынам» («Скучаю по комарам»), где автор пишет: /«Друзья мои, хотите, смейтесь/ Над моим странным состоянием/. По кровососу неумному/ – комару Сибири скучаю»/. В стихотворении «Кунакка кайткач» («Когда возвращаешься в гости») поэтом использован топоним Киндерле – название родной деревни поэта.

В поэзии Ш.Гадельши сибирский топоним, выведенный в название, приобретает более конкретный образ. В стихотворении «Төмәнне көрткә төрә» («Укрывает Тюмень в сугроб») больше внимания уделяется описанию природы родного края. В стихотворениях «Төмән кызы Сачилә» («Девушка из Тюмени, Сачилия»), «Тундра кызы *жыры*» («Песня девушки из тундры») также топоним использован для определения места, относительно к образу, к которой направлены чувства лирического героя.

В стихах поэтов, где использован топоним Сибири, доминирует чувство гордости, причиной которого является то, что эта местность для поэтов, в

первую очередь, это малая родина. В подобных стихах они часто обращаются к повторам, аллитерации, которые воспринимаются как восхваление своей земли, уклада жизни родного народа, его характера. Поэты осмысливают судьбу малой родины посредством опыта личной причастности к ней.

В творчестве данных поэтов в характеристике топоса Сибири намечен ряд пространственных оппозиций. Во многих стихах Сибирь как «свое» противопоставляется «чужому», т.е. другим географическим местностям. Особо выделяется здесь противопоставление Сибирскому топосу топонимов Татарстана. Это связано с тем, что, во-первых, Казань воспринимается всеми татарскими поэтами как литературная столица; во-вторых, судьбы обоих поэтов так или иначе связаны с Казанью.

В творчестве Б.Сулейманова стихи, посвященные городу Казани, занимают особое место, так как мечта стать поэтом, стремление войти в мир татарской литературы связаны именно с этим городом. Топос «Казань» представлен несколькими текстами, где этот город становится пространством лирического переживания. Будущий поэт приезжает в Казань, возлагая на нее большие надежды.

«О, Казань (моя)!/ Как родная мать, навек возьми (меня) в свои объятия./ Пусть быстротечный/ мой седой Иртыш/ Присоединится к твоей Волге»/. Названия двух рек – Иртыш и Волга, также использованные в стихотворении для определения местности, показывают, что эти понятия для героя равнозначны по смыслу.

«В Казань его притягивало, в первую очередь, не только желание писать, а чувство любви к татарской литературе. Почему-то в голову приходит именно такая мысль. Но он не только любил поэзию, но и сам пришел в мир поэзии. Переборов многие трудности...» (перевод наш - Ф.С.) – размышляет известный татарский поэт Сибгат Хаким во вводной статье к первому стихотворному сборнику молодого поэта Б.Сулейманова. [Сөләйманов 1998: 3] Сильное стремление войти в мир большой поэзии привели поэта сюда. Нужно отметить, что в татарской литературе не так много стихотворений, посвященных столице Татарстана, тогда как Б.Сулейманов посвящает этому городу целый цикл стихов: «Казан» («Казань»), («На Волге»), «Күптәнме *мәд*й иде Казанда» («Давно ли было лето в Казани»), «Күренми шул Себер Казаннан» («Да, не видна Сибирь из Казани»), «Кичен. Аккош күле» («Вечер. Озеро Лебяжье»), «Казаннан китәр алдыннан» («Перед тем, как уехать из Казани»), «Казанда яз» («В Казани весна») и мн.др. Одним из них является стихотворение «Казанга» («Посвящение Казани»):

«Если родная земля научила меня быть мужчиной,/ Не отступить в пути,/ То твои мелодии мне/ Крылья дали,/ Разбудили песню в диком сердце»/.

В Казани поэт посещает знаковые места: Башню Сююмбике, памятник Мусе Джалилю, могилу Габдуллы Тукая, развалины Великих Булгар, образы которых воссоздаются позже в стихотворных строках поэта.

Стихи Б.Сулейманова изобилуют разнообразием изображения душевного состояния лирического героя посредством использования топоса. В них вся палитра переживаний, разнообразная гамма чувств человека, живущего вдали от родных мест. Автором воссоздается широта и глубина восприятия человеком окружающего мира, передается понимание ранимости человеческой души, богатства его природы. Так, в следующих строчках стиха «Күптәнме *жәй* иде...» («Давно ли было лето...») описывается душевное состояние лирического героя, которое воспринимается как переживания самого автора.

«Давно ли было лето,/ в Казани,/ Зима наступает, опрокидываясь с небес./ Брожу безудержно по улицам,/ Хмелея от запаха снегов»/. Оказывается, в Казани даже снега имеют запах и магическую силу влияния на чувства поэта. Опьяненный восторженным восприятием окружающей природы, он далее дополняет описание топоса неожиданными сравнениями и метафорами, такими, как «Пакъ карлар сабый күк сөйкемле» («Белые снега милы (наивны) как ребенок»), «Алкышлар сибелә кар булып» («Снега сыплются с неба как апплодисменты»). Отражение душевного состояния лирического героя читателями воспринимается как внутренний мир самого поэта.

Как видно из предыдущих стихотворений, душевное состояние лирического героя выражено не однозначно. Он тоскует по родным местам, перед глазами встают знакомые с детства образы, даже малейшие намеки на сходство природных явлений, напоминают лирическому герою о его родных краях. Такие же противоречивые чувства выражаются в стихотворении «Казанда яз» («В Казани весна»), где речь идет о пейзаже Казани, но автор и здесь не может забыть о природе Сибири.

Таким образом, во многих стихотворениях Б.Сулейманова сибирский топос использован рядом с топосом Татарстана, так раскрывается двойное чувство лирического героя. Уважение и чувство благодарности к этой земле, к своим наставникам, поддержавшим его первые шаги в мире литературы, чувствуется во многих стихах поэта, где наряду с топосом Сибири использован топос Казани. В таких стихах поэта «свое», выраженное топосом Сибири, как правило, оценивается позитивно и противопоставляется «чужому», но вместе с тем, как не породоксально, это «чужое» также для поэта является родным.

Оппозиция топосов Сибирь – Казань прослеживается во многих стихах, где автор размышляет о поэзии, возможности писать на родном языке. Понимание всей горькой правды о трагичности судьбы малых

народов в условиях современной России, боль утраты родного языка находят отражение в публицистических статьях поэта.

Но вместе с тем, у поэта нет раздвоения души, ибо он воспринимает Казань как столицу татарского народа, в том числе сибирских, независимо от их места проживания, как хранительницу татарского литературного языка. Прийти к этим выводам натолкнули его стихи, в которых поэтические образы Сибири и Казани равнозначны. Поэт безмерно тоскует по своей родине, но все же расставание с Казанью навевает на него новые воспоминания: здесь он прожил не худшие дни своей жизни, приобрел друзей, жизненную мудрость, здесь впервые увидели свет его маленькие, но очень дорогие и ценные для него первые книжечки... С такими чувствами он возвращается на землю своего детства: «Тополям Казани/ Ветра Сибири передали весточку о том,/ Что посаженная мною березонька/ Плачет, по мне скучая»,/- так неординарно и образно пишет поэт о причинах своего возвращения. В народных песнях и письменной поэзии образ березы является символом отчего края, родной деревни. Используя в данном стихотворении уменьшительно-ласкательную форму «березонька», автор достигает значения духовной близости и родства лирического героя с любимым образом. Поэтом часто используется готовый традиционный художественный прием с нестандартным (индивидуально-авторским) наполнением, таким образом, появляется одновременная актуализация как прямого, так и переносного лексического значения данного образа-символа.

Такую же смысловую оппозицию топосов «Казань» – «Сибирь» можно проследить и в творчестве поэта Ш.Гадельши. Например, в стихотворении «Пышылдый Себердә» («Шепчет в Сибири») с помощью стилистической фигуры анафоры выделено противопоставление двух топосов, которые использованы для выражения сомнений лирического героя, неуверенного в своем выборе места для проживания: «Шепчет в Сибири/ Камыш озера Бурэн:/ – Пospешил, поспешил.../ Шепчет в Казани/ Камыш озера Кабан:/ – Ошибся, ошибся...»/. Использование в стихотворении двойного противопоставления топосов «Сибирь» – «Казань», «озеро Бурэн» – «озеро Кабан» усиливают значение противоречия и неопределенности, которая находит место в душе лирического героя, здесь также выражающего чувства самого автора.

В творчестве Ш.Гадельши используется также топос «Казань» («Ике халәт» – «Два состояния»), оформленный в тексте в словосочетании «моя Казань», которое указывает на то, что в душе лирического героя произошли некоторые изменения, он воспринимает Казань своей, родной. В этом стихотворении выражены противоположные эмоции героя, вложенные в смысловую наполненность следующей антитезы: радость – горе, злые слова – слова благодарности. Повторяющийся топос,

использованный здесь как анафора («О, Казань (моя)»), способствует раскрытию глубины человеческих чувств и в радости, и в горести.

В некоторых стихотворениях оппозиция служит созданию представления о Сибири как об исключительном регионе, которая заключена не только в природном богатстве края, но, кроме того, Сибирь – земля, обладающая внутренним духовным потенциалом, где живут здоровые, щедрые, сильные, трудолюбивые люди. В таких стихах топос Сибири помогает поэту составить идеальную модель мира. В стихотворении «Сибирский татарин» топос означает и землю обитания народа, и название этноса. В первых трех строфах автор описывает определенные ситуации, где проявляется характер человека. В условиях сибирской глубинки – это рыбалка, охота и связанные с этими промыслами действия. С удовольствием описывая качества характера сибирских татар, автор выделяет самое главное из них – душевную щедрость, умение радоваться, когда делаешь добро другому человеку:

«Отдаю последнюю спичку/, Последнюю корочку хлеба./ Стараюсь радовать других/ – Слушая свою душу./ Нет жадности, и нет сожаленья/ – Душа радуется./ Сибирских татар такими/ Создал Аллах»/.

Иногда в стихах поэта Ш.Гадельши также проявляется оппозиция в таком ключе, как «родина» – «место проживания». Обращение к родовой памяти, наполнение событий настоящего вневременным смыслом проясняет значимость Родины, емкость смысла, заложенного в данное понятие. В стихотворении «Язымышымның дәрьясы» («Широты судьбы моей») с использованием топосов автор заявляет: «Язымышымның дәрьясы/ – Казан – Төмән арасы», т.е. «Широты судьбы моей –/ Это расстояние между Казанью и Тюменью». Топосы «Казань» и «Тюмень» здесь имеют, с одной стороны, значение ограничения местности, так как это – два очень значимых, самых главных для поэта города, здесь как бы подчеркивается, что, кроме этих городов, для него не существуют другие. С другой стороны, они имеют собирательное значение, автор как бы намекает, что все остальное вмещается между этими понятиями. Таким образом, здесь исчезает оппозиция городов, которая исторически сложилась в рамках историко-культурного дискурса так называемого тобольского текста, построенные на основе общекультурных моделей: «родина – чужбина», «столица – провинция».

В близком к этому значению использованы топосы «Казань» и «Сибирь» в стихотворении «Көзнец киеренке минутлары» («Напряженные минуты осени»): «Убежал бы, конечно, я,/ Чего-то не хватает, чтобы тронуться с места./ Или Казань сделала своим заложником,/ Или Сибирь (моя) забыла меня?..»/

«Сибирь» воспринимается поэтами как регион, содержащий уникальный комплекс природно-сырьевых и человеческих ресурсов. Поэты рассматривают Сибирь как топос, способный воздействовать на

личностные качества сибиряков. Обширное пространство края требовало от людей экстраординарного типа поведения, выраженного в способности к состраданию, милосердию» [Муллачанова 2006: 14]. В стихотворении Ш.Гадельши «Себер татары» проводится именно такая мысль, милосердие возводится в ранг признаков, присущих именно сибирским татарам. Стихи поэта, такие, как «Тозак кора идем» («Ставил сети»), «Сазлык» («Болото»), «Язмышларның дәрҗасы» («Широты судьбы»), «Төш», («Сон») рассказывают о духовном возрождении народа в последние годы, о его мечтах и чаяниях. Изменения, произошедшие в жизни всего татарского народа, в общем, и сибирских татар, в частности, заставляют поэта задуматься об истории своего народа, о потерянном, ушедшем безвозвратно.

Лирический герой поэта – это, несомненно, собирательный образ сибирского татарина, который иногда опосредованно, иногда прямо находит воплощение во многих стихах Ш.Гадельши. Его стихотворение «Себер татары» («Сибирский татарин») воссоздает образ типичного татарина, живущего в суровых, в то же время и богатых условиях северной природы:

«На лбу морщинка –/ Что может утонуть рыба-карась./ На лице суровость –/ Спугнет даже змею./ Узкость глаз –/ Что может отжать воду из камня.»/ Образное представление портрета сибирского татарина создано поэтом неповторимыми поэтическими параллелизмами. Такой человек духовно очень близок поэту.

Во многих стихотворениях, посвященных теме труда, как у Б.Сулейманова, так и у Ш.Гадельши сибирский характер предстает перед читателем такими чертами, как усердие, выносливость, смелость. Как одно из качеств сибирских татар, в творчестве Ш.Гадельши выделяется любовь к профессии, а именно – к охоте и рыболовству. Целеустремленность и наивность, вперемешку с хитринкой – качества, передающиеся из поколения в поколение: «сибирские татары, как дети», – заявляет он в стихотворении «Яртыясак» («Полукровка»).

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что Б.Сулейманов – один из незаурядных, сильных, творческих личностей, воссоздает в своих стихах невиданный до него в татарской поэзии природу Сибири. Через изображение одухотворенного поэтическим видением творческого дарования мир тайги и озер, поэт выражает свою бескрайнюю любовь к нему и, вместе с тем, ко всему, что связано с родной природой: родному краю, отчужденному дому. В разлуке лирический герой тоскует по ним. В его творчестве больше психологических ассоциаций картин природы с душевным состоянием лирического героя, находящегося вдали от родных краев, который очень скучает, тоскует по ней. Сибирь в его творчестве становится местностью, где человек един с природой, сливается с ней.

В отличие от Б.Сулейманова, в творчестве сибирско-татарского поэта Ш.Гадельши в большей степени чувствуется тревога, боль за природу. Поэтому некоторые стихи приводят к жуткому чувству, страху, какое возникает перед осознанием потери отчего дома, ожиданием неминуемой смерти. Лирический герой Ш.Гадельши связан с природой, древностью, старинными повериями и обрядами какими-то магическими нитями, которые чувствуются только на уровне подсознания. В его стихах вся окружающая природа – это живой мир, которому, также присуще боль и страдание. Состояние неуспокоенности, вины, боли – являются постоянными качествами, присущими лирическому герою Ш.Гадельши.

Топос Сибири помогает поэтам, во-первых, выразить свое отношение к этой местности, которая для поэтов является малой родиной. Самое главное в их произведениях – чувство любви к родной земле, природе родного края, людям, живущим здесь.

Оппозиция топоса Сибири по отношению к топосу Татарстана, использована поэтами для выражения двоякого смысла. В одних стихотворениях – это выражение духовной близости к земле, которая родила поэтов, с местом, где они претворили в жизнь свою мечту быть поэтом. В других – родная земля противопоставляется месту проживания. В творчестве Ш.Гадельши топос Сибири использован в стихах, где ярко выражено своеобразное отношение автора к истории, живой памяти народа, направленное к повышению национального самосознания татарского народа. В таких стихах поэта находят поэтическое отражение философские размышления автора о судьбе народа, его прошлом и будущем. Таким образом, пространство Сибирского края, его географический ландшафт, историческая судьба сибирско-татарского народа наложили свой отпечаток на формирование особого смыслового топоса в поэзии Б.Сулейманова.

На мифологическом уровне осмысления сибирского текста, созданного татарскими поэтами упомянутые природно-географические и историко-культурные реалии выступают в качестве мифологических универсалий, архетипических образов. Здесь отражается противоречивость, переменчивость культурного и государственного статуса города, где появляется аппозиция старого города и нового, при чем она решается в пользу нового.

Таким образом, своеобразие восприятия природы у сибирских поэтов Б.Сулейманова и Ш.Гадельши ощущается особенно наглядно при сравнении их творчества. В поэтическом мире Б.Сулейманова природа воспринимается в целом, тогда как в творчестве Ш.Гадельши природа – это огромное живое существо. При этом его пейзажная лирика характеризуется преимущественным вниманием к мельчайшим проявлениям жизни природы, отдельные детали, которые поэт подмечал с

необыкновенной зоркостью, тогда как Б.Сулейманову присуще изображение природы через удачно найденный символ.

Образ автора в лирической системе Б.Сулейманова и Ш.Гадельши раскрывается через отбор, сочетание и соотношение нескольких элементов. Каждый из них воспроизводит одну какую-то грань авторского мироотношения; в полном же своем объеме это мироотношение выражается всеми элементами и их структурой.

ЛИТЕРАТУРА:

Сайфулина Ф.С. Напевы родного края (по творчеству Б.Сулейманова). – Казань: ГранДан, 2003.- 104с.

Сайфулина Ф.С. Формирование и развитие татарской литературы Тюменского региона. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – 296с.

Сайфулина Ф.С. Региональная литература: место и роль поэзии Б.Сулейманова в литературе Тюменского края (тезисы) Образование в Западно-Сибирском регионе: история, современность, перспективы: Всероссийская научно-практическая конференция: Материалы. – Тобольск: ТГПИ им.Д.И.Менделеева, 2004.- С.97-98.

Сайфулина Ф.С. Идеиный замысел, вложенный поэтами Сибири в образы природы (лирика Б.Сулейманова и Ш.Гадельши) // Актуальные проблемы филологии, истории и культурологи: теоретический и методический аспекты: Межвузовский научный сборник. – Тобольск, 2007.-С.142-147.

Сайфулина Ф.С. Трансформация национального образа мира в творчестве современных поэтов Сибири (статья) Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 149, кн.4.-Казань: КГУ, 2008, С.135-142.

Фаизова, Л.Х. Особенности творчества сибирско-татарского поэта Ш.Гадельши / Л.Х.Фаизова // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тобольск, 2006. – 24 с.

ТЕМА 6 (2ч.)

Философская и гражданская лирика сибирско-татарских поэтов Б.Сулейманова и Ш.Гадельши

Философские размышления в творчестве Б.Сулейманова и Ш.Гадельши, в первую очередь, присутствуют в произведениях, где поэты выражают своё отношение к историческим событиям и личностям, в целом, и своего народа, в частности.

В стихотворениях поэтов, творчество которых является в данной работе объектом исследования, историзм выступает как неотъемлемое и внутреннее их свойство. В литературоведении историзм рассматривается как художественное освоение конкретно-исторического содержания той или иной эпохи, а также ее неповторимого облика и колорита» [Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001: 321]. В стихотворениях поэтов, творчество которых является в данном случае объектом исследования, историзм выступает как неотъемлемое свойство.

В творчестве Булата Сулейманова можно выделить множество стихов, где поэт выражает свое отношение к историческим событиям, так или иначе связанным с судьбой татарского народа. Поэт задумывается о

своем времени и о судьбе нации, о смысле жизни и идеалах служения народу. В таких стихах он поднимается выше над каждодневной суетой жизни и с этой высоты смотрит на прошлое, стремится определить место своего народа в истории страны. Для поэта сегодняшний день является узлом, связывающим прошлое с будущим. Такая особенность присуща его поэзии 70-80-х годов, которая характеризуется переходом от изображения картин природы и трудовой жизни к глубоким философским размышлениям.

Прослеживая творческий путь поэта, нетрудно уловить ту особенность, что во многих стихах Б.Сулейманова последних лет лирический герой полон философских размышлений об участи своего народа, о его прошлом, настоящем и будущем. Поэта волнует множество проблем современности: угроза исчезновения языков так называемых «малых» народов, их национальных традиций, культурных ценностей. Такие стихи поднимают его творчество на высоту известных татарских поэтов, таких, как Х.Туфан, С.Хаким, Г.Афзал, И.Юзиев, Р.Файзуллин. В этот период он пишет также публицистические статьи о самоопределении народа, сохранении языка как основного признака нации, проблемах национального образования в регионе.

Поэзия каждого нового исторического периода развивается, основываясь на литературных традициях предшествующих времен. В связи с этим в поэзии каждого периода создаются стихи, в которых проявляется связь времен, поколений. Стремление глубже понять современные проблемы приводит Б.Сулейманова к изучению прошлого своего народа, стремлению оценить его роль и место в истории человечества. В этом плане выделяется стихотворение «Мин төп себер татарымын чыгышым белән...» («Я коренной сибирский татарин по происхождению...»), где отражается жизненное и творческое кредо поэта и общественного деятеля Б.Сулейманова.

Мин төп себер татарымын чыгышым белән,
Гомер сөргән монда минем бабаларым.
Чал Иртышның үзе кебек, борынгыдан
Яшәп килә монда татар балалары.
Мин килмешәк тугел монда, туган җирем,
Гомерлеккә сине ташлап китә алмам.
Жирнең тарту көчен җиңдем, и Себерем,
Ләкин синең тарту көчен җиңә алмам.

«Я коренной сибирский татарин по происхождению,/ Жили здесь мои прадеды./ Как сам седой Иртыш, издревле/ Проживают тут дети татар./ Я не пришелец тут, родная земля,/ Никогда в жизни не смогу тебя оставить./ Притяжение земли смог одолеть, о Сибирь моя,/ Но твое притяжение не смогу победить.»/ Б.Сулейманов утверждает, что сибирские татары – коренные жители Сибири, этой мыслью пронизана основная идея

его творчества, с ней связаны его идеалы в общественно-политической деятельности.

В этом плане также выделяется стихотворение «Сопра», где автор размышляет о происхождении названий маленьких татарских деревень, расположенных на сибирской земле (Баеш, Рэнчек, Меткә, Киндерле, Сопра), и утверждает, что в них хранится история народа. «Проходили войны,/ Менялись страны,/ Но не менялось/ Это название...»/- рассуждает автор о названии своей родной деревни. В интонации стиха чувствуется гордость автора за свой народ, который смог сохранить для потомков не только свои тюркские названия, но и национальный образ жизни.

Мысли о настоящем и будущем своего народа поэт также связывает с уже ушедшими в историю событиями, таким образом, в творчестве поэта появляются исторические аналогии. Для Б.Сулейманова историческая Сибирь ассоциируется с каторгой, местом отбывания срока лишения свободы. Сопоставляя царскую Россию с современной Сибирью, автор выявляет лучшие стороны достижений современности. Исторический хронотоп в творчестве поэта раскрывается также в тесной связи с сибирским топосом. Так, в стихотворении «Тобол», в частности, обращаясь к городу Тобольску, поэт пишет, что «До октября в России/ Славился своими тюрьмами/ Старый Тобольск...»; «Через тебя в тихую Сибирь,/ проходя,/ Кровь декабристов здесь пролилась...»; «А ты, Тобольск,/ Кажется, вырос,/ Из земли, где покоятся каторжане»./ Сравнение исторического и современного Тобольска решается в пользу современного города. Оппозиция «прошлое – сегодняшнее» в этом случае служит для оценки сегодняшних достижений народа, где выделяются поэтом новостройки, красивый вид города, счастливая жизнь его жителей.

Иногда жизненные коллизии современности в творчестве Б.Сулейманова также переводятся в исторический контекст. Рассмотрим стихотворение «Әйтмәгез Себерем хакында» («Не говорите о моей Сибири»): в начале произведения описывается состояние души лирического героя, который погружается в свои раздумья: /«В комнате (моей) свежий запах сосны,/ Никогда не смогу надышаться./ За собой, увлекая,/ Уводят из комнаты мысли (мои)»./ Далее автор переходит на размышления об историческом прошлом Сибири:

Әйтәсез

«Үткәнгә кагылма,

Кыен ул хаклыкны аңлавы».

Баш куеп тыңлагыз,

Бу җирдән,

Иштелер богаулар чыңлавы.

«Вы говорите,/ «Не тронь прошлое,/ Трудно понять, где справедливость». Слушайте, преклоняя голову,/ От этой земли/ Слышен звон цепей»./

Лирический герой в памяти воскрешает прошлое своего края, перебирая исторические события, определяет роль Сибири в ней. В конце стиха автор восклицает: /«Не говорите О (моей) Сибири,/ Что «в прошлом была проклятой землей./ Пусть это так, поймите,/ Это – моя родная земля./ О, родная!»/

Размышления об историческом прошлом в поэзии Б.Сулейманова не сводится только выражению отношения к истории Сибири, Тобольска как к местам пребывания каторжан. Рассуждения поэта об истории своего народа намного шире и глубже. Его стихи – мысли вслух лирического героя, которому небезразлична история народа, его настоящее и будущее. В стихотворении «Уйный *ж*силләр нинди кылларда...» («Играют ветры на каких струнах...»), которое начинается также с размышлений лирического героя о своих предках, о зове сердца, о скифах и кипчаках. Поэт приходит к мысли о том, что это и есть его предки, его род начинается оттуда, у них общие корни.

В стихах многих современных поэтов таких как И.Юзеев, М.Шабаев, Р.Харис и мн.др., связанных с размышлениями авторов об истории татарского народа, упоминается государство Булгар и одноименный город как святые места для тюркских народов. В этом отношении и творчество Б.Сулейманова не является исключением. Размышления его лирического героя у развалин Великих Булгар связаны с историей, где он приходит к выводу о том, что у всех тюркских народов общие корни. Данные стихи созвучны с Тукаевским «Кичке азан» («Вечерняя молитва») и с некоторыми стихами Г.Афзала.

Уйный *ж*силләр нинди кылларда
Үзләренең кыргый көйләрен?
Ул көйләрдә
Ерак нәселемнең
Чакыруын ишетә йөрәгем...

«Играют ветры на каких струнах/ Свои дикие мелодии?/ В этих мелодиях/
Далеких предков/ Зов слышит сердце (мое)»./

Образ родного края объединяет в единое целое разные чувства и мысли: это идеи патриотизма, единения народов, ответственности, которые, в конечном счете, в творчестве поэта оформляются в философскую и эстетическую концепцию. Так, в поэзии Б.Сулейманова историзм раскрывается в контексте с понятиями родная земля, родной народ.

С мыслями об истории народа в его поэзии 80-е годы появляется боль утраты. Грусть об ушедшем становится одним из центральных мотивов в творчестве Б.Сулейманова данного периода, которая выражается через разные темы. Осознание того, что от древних тюркских государств остались только развалины, что они стерты с лица земли, даже их названия исчезли со страниц истории, из памяти народов, приводит

поэта к глубоким размышлениям и разочарованиям. Лирический герой в таких стихотворениях задумывается о судьбе своего народа, об исторических потерях. В стихотворение «Иделдә» («На Волге»), например, пейзажная лирика постепенно переходит в философскую:

Килгәндә куцелдә
Мең төрле уй иде.
Тукталдык: ялан яр,
Бу – Болгар бит инде.
Сак кына атладым
Иң изге *ж*сир бит бу.
Хәтердән *ж*суелмый
Сакланган *ж*сыр бит бу.

«Когда ехали, в душе/ Было множество мыслей./ Остановились: пустынный берег,/ Это же и есть Булгары./ Зашагал, стараясь не шуметь./ Это самые святые места./ Это же песня./ Которая никогда не исчезнет из памяти.»/

Лирический герой, который воспринимается в данных стихах как сам автор, видимо, приехал в Булгары искать свои корни, найти ответы на волнующие вопросы. Но многие из них так и остались без ответов.

В современной татарской поэзии занимает значительное место воссоздание образов исторических личностей. И это естественно: пришло время осознания того, что народ, который не знает своей истории, не воспевает в песнях своих героев, обречен на забвенье. Так, в современной поэзии в новой интерпретации появляются имена великих поэтов древности и средневековья, таких, как Кул Гали, Мухамедьяр, поэтов XIX и XX веков, как Акмулла, Тукай, Такташ, Туфан и мн. другие. Целый цикл стихов в творчестве Б.Сулейманова посвящен Габдулле Тукаю, где проявляется трепетное отношение автора к великому поэту. Например, в стихотворении «Мин ялгызым йөрим урамда...» («Я одиноко брожу по улице...») отношение к Казани проявляется через уважение и преклонение перед гением Г.Тукая. Стихотворение «Тукай кабере янында» («У могилы Тукая») также посвящено великому поэту. Особый стиль стиха где описание обрывочно, строчки неровны, показывает растерянность лирического героя перед могилой Тукая,

...Бер сүз дәшми, елый
Кара таш кабер.
Гуя анда
Кеше *ж*саны бар,
өзгәләндә нигә бу бәгырь?!

«...Безмолвно,/ плачет/ Черный надмогильный камень,/ Как будто/ Человеческая/ у него душа,/ разрывается почему моя душа?!»/

Размышления автора о национальной гордости, о качествах характера татарского народа отражаются в стихотворении, посвященном герою-поэту М.Джалилю:

*Жилләр сыман йөри,/ Илләр буйлап,
Безнең хакта күпме ялганнар.
Татарлар бит/ Фашист балтасына
Баш имәгән өчен ауганнар
Без ирекке бары/ Омтылганбыз,
Омтылмаган беркем зур данга.
Изелгән дә,/ Киселгән дә булган,
Жиңелмәгән/ ләкин/ дошманга.
Туган ил өчен без/ Яуга кәргән,
Кәргән сыман атлар/ Бәйгегә.
«Татар илен сатмый»/ дип язылган
Төрмә ташларына/ мәңгегә.*

«Как ветры ходят/ По миру,/ Про нас столько лжи./ А татары/ пали только потому,/ Что перед топором палача/ Не преклоняли головы./ Мы к свободе только/ Стремилась,/ Никто не стремился к большой славе,/ И задавлен был,/ И отрублен,/ Не сдавался только врагу./ За родную страну мы/ Шли в бой,/ Как лошади, рвущиеся к схваткам./ «Татары не предадут свою Родину,»/ – написано/ На стенах тюрем/ навечно»./

Каждая строфа данного стихотворения, являющегося прекрасным примером гражданской лирики, таит в себе глубокий смысл. Это выражается и в его форме (в стиле стихов Х.Такташа), которая дает возможность задуматься над каждым словом, словосочетанием и сделать свои умозаключения.

Через обращение к историческому материалу возникает идея избранности Сибири, что проявляется во внутренне переживаемом авторами ощущении причастности к ней. Историзм в поэзии сибирских писателей воплощает собой способ познания истории народа посредством выхода на уровень самопознания и самосовершенствования.

Для поэта Ш.Гадельши центральной темой философских стихов является духовно-нравственное состояние общества, тревога за судьбу своей малой родины. По мнению поэта, природа Сибири обладает реальной созидательной силой. Человек научится созидать, не нарушая естественного баланса, если преодолет свою чрезмерную терпеливость, беспечность, беззаботность («Төмәнне көрткә төрә» – «Гюмень окутывает в сугробы»), если сумеет проникнуть душевным настроением в реально-историческое, природное время-пространство своей земли.

Во многих стихотворениях поэта как роковое время выделяется потеря сибирских татар своей государственности. Топос Сибири здесь воспринимается как трагический хронотоп. Эта особенность ярко проявляется в таких стихотворениях поэта, как «Хәзинә» («Богатство»),

«Күцел елый» («Душа плачет»), «Булмас бүтән уңай вакыт» («Не будет другого удобного случая»), «Ни диим» («Что сказать») и др. Прошлое Сибири – печаль сегодняшних дней, заявляет поэт. В стихотворении «Сазлык» («Болото») поэт размышляет о будущем страны, где основной идейный замысел произведения вложен в последние строчки стихотворения, которое заканчивается риторическим вопросом:

Мондый сазлар берәү микән,
Күп микән? Кемнәр белә?
Бәхет басармы халыкны
Шундый сазлыклы илдә?

«Такое болото только одно ли,/ Много ли их?/ Кто знает?/ Будет ли народ счастлив/ В такой заболоченной стране?»/

Ярко выраженная национально-историческая, социальная проблематика стихов поэта помогают автору создать драматический образ татарского народа, обманутого идеологией. Риторический вопрос автора здесь звучит, скорее, как утверждение, нежели вопрос. Таким образом, события прошлого поэтом оцениваются с позиций современных представлений, с сегодняшних высот. То же самое прослеживается, например, в стихотворении «Дулана» («Бушует»).

Живший в основном в эпоху тоталитарного режима Б.Сулейманов еще не мог писать о Сибирском ханстве, о Кучуме. В стихотворении Ш.Гадельши «Бармы ирләр?» («Есть ли мужчины?») исторический герой хан Кучум предстает в роли национального идеала. Здесь звучит идея: народ не должен забывать защитников своих земель. В таких стихах соединение исторических образов с реальными событиями и судьбами формирует представление о взаимосвязи прошлого и настоящего народа.

Трагическая история края высвечивается в творчестве Ш.Гадельши через изображение топоса и порождает противоречия в оценке поэта. Например, в стихотворении «Себер диләр аны, Себер...» («Сибирью называют ее, Сибирью...»), с одной стороны, подчеркиваются богатство края, древность её истории, героизм прошлого, с другой – досадность некоторых исторических страниц, неизвестность будущего. Так, с использованием топоса Сибирь автор показывает свое отношение к непростой истории своего народа – сибирских татар:

Ята монда хәзинә,

«Лежит здесь клад»/ – начинается стихотворение поэта и вскоре читатель узнает, о каком богатстве идет речь:

Иректән мәхрүм халыкныц
Ирексез алтыны да,

«У народа, не имеющего свободы/ И золото не свободно,»/- пишет поэт, продолжая свою мысль, что понимается как «в несвободной стране даже ее богатства не смогут сделать народ счастливыми». Далее следует топос, использованный для создания названия этноса:

И Себер татары, ни диим?
Бары тик Ермакны, Кучемне
Тарихта калдырыр өченме
Доньяга, бу *жсиргә* син килдең?

«О, сибирский татарин, что сказать?! Лишь для того, чтобы только Ермака, Кучума/ Оставить в истории,/ Родился ты на этот свет?»/.

В таких стихах выражено своеобразное отношение автора к исторической несправедливости, живой памяти народа, направленное к повышению его национального самосознания. Риторические вопросы, обращения, использованные в тексте, многозначность подтекста выдают глубокие умозаключения автора по поводу судьбы своего родного народа. Смысловая нагрузка стихотворных строк Ш.Гадельши перекликается с глубиной мысли поэзии Х.Туфана в годы репрессий.

Философские размышления автора о судьбе народа выражены в многочисленных стихах поэта, где, в основном, определяющим чувством является глубокая боль лирического героя за разворованные богатства сибирской природы, за народ, у которого нет будущего. Поэт размышляет и о своей роли в судьбе своего народа:

Тәүде, Тубыл, Тура, Иртеш ярларында
Учак ягып бераз ятканым бар.
Дулкыннардан, камышлардан, яфраклардан
Ишеттем мин бер үк ачы моң-зар.

«На берегах Тавды, Тобола, Туры, Иртыша/ Довелось лежать у костра./ От волн, камышей, листьев/ Послышались мне те же горькие стоны,»/ - начинает свой рассказ лирический герой Ш.Гадельши. Он хочет понять причину того, почему же сибирские татары удостоены такой участи.

Гарьлегемнән туфрак чәйнәп, йөрәк кысып,
Ярларында корттай бөгәрләндем.
Куе томан эчләрәннән олы көчме,
Нидер көтә-көтә юләрләндем./

«От обиды жую землю, сердце щемит,/ Как червь на берегу взъежился./ Из густого тумана силу ли огромную,/ чего-то ожидая, с ума сходил.»/ Лирический герой Ш.Гадельши в трудную минуту, когда душой овладевает неопределенность, ищет себе опору, обращаясь к небесам, к чему-то еще непонятному даже для самого себя. Он поклоняющийся природе (языческим божествам), ищет чего-то большего, что могло бы быть ему опорой всегда. В конце стиха идет рассуждения автора о чрезмерной терпимости татарского народа.

Моң-зарларны тыңлыйм да мин,
күңел елый,
Ия түгелмен күк үз-үземә,
Дан *жсырларга* гына кала – Себер

Татарның мәэс түземенә,-

«Слушаю я их мольбу/ и душа плачет,/ Как будто я не хозяин сам себе,/ Остается только воспевать славу, Сибирь,/ Безнадежному терпению татар.»/ Топос «Сибирь», использованный в данных строках, является главным смысловым центром стиха. Обращаясь к Сибири, поэт как бы хочет «достучаться» до сибирских татар, которые безмолвствуют, когда грабят их леса, у бескрайней некогда тайги появился чужой хозяин, который неумолимо истребляет ее.

Интонация безнадежности и безысходности звучит и в следующих стихах, где также организующим центром стихотворения является топоним «Сибирь», как название всего региона, где проживают сибирские татары:

Күк томан эчендә
«дөп тә дөп»,
Тышаулы елгырлар килә күк.
Әнә шул атларны
Чүктереп атланыр
Берәр ир Себердә
Калдымы?

«Кажется, что в сером тумане/ Топают обузданные скакуны./ Этих лошадей/ оседлать,/ заставив преклониться,/ Остались ли мужчины/ в Сибири?»/ Риторический вопрос автора звучит как приговор татарскому народу, который давно уже переселился в города, которого особо не волнует проблема окружающей природы, сохранение самобытности народа. Поэт хочет увидеть сильною личность, способной за собой повести народ, объединяя обиженных, обездоленных сородичей.

Не менее жесткие слова адресованы поэтом самому себе, он укоряет себя за то, что не смог ничего сделать для своего народа. И здесь идет перечисление элементов топонима Сибири, (в данном случае гидронимы выступают в роли определения места), с которыми связаны размышления лирического героя:

Тәүде, Тубыл, Тура,
Иртеш ярларында
Учак ягып берәз ятканым бар.
Сулпән булды, ахры, учакларым –
Өермәләр килеп капмадылар.

«На берегах/ Тавды, Тобола, Туры, Иртыша/ Было время, лежал возле костра./ Но, наверное, костры мои были слабы,/ Не полыхали они огнем-вихрем.»/

В творчестве Ш.Гадельши много произведений, направленных на выявление целостного опыта конкретной человеческой личности и родовой судьбы. Например, в стихотворениях «Яңа уй» («Новая мысль»), «Нинди Төмән?» («Какая Тюмень?») в масштабе хронотопа происходит постоянное совмещение мотивов «современного» и «исторического»,

«индивидуального» и «всеобщего», «однодневного» и «вечного». Историзм мышления позволяют поэту поднять проблему самоопределения человека в мире.

Таким образом, историческое время для рассмотренных здесь поэтов Сибири заключает в себе особый сакральный смысл, который базируется на вневременных нравственно-эстетических ценностях.

При анализе философской лирики поэтов, следует также обратить внимание на такие стихи, в которых раскрываются размышления лирического героя о смысле бытия, о бренности земной жизни. В стихотворении Б.Сулейманова «Кеше гомере дә» («И жизнь человека») лирический герой задумывается о том, как коротка жизнь человека: она подобна полету самолета, за которым не остается даже следа: /«И жизнь человека/ Похоже, кажется,/ На эту пролетевшую скорость.»/

Смысл жизни не определяется длиной жизни. Об этом в татарской литературе уже написаны стихотворные строчки таких известных поэтов, как Ф.Карим, М.Джалиль. И для Б.Сулейманова смыслом жизни является служение своему народу, достижение поставленных в жизни целей, о чем он размышляет в стихотворении «Кеше дә» («И человек тоже»):

Яшәүнең мәгънәсе һаман бер:
Чишмә үлә,/ әгәр/ акмаса.
Кеше дә/ Югала тормышта,
Үзенең тауларын тапмаса.

«Смысл жизни и поныне тот же:/ Родник умирает,/ если/ не течет./ И человек,/ Теряется в жизни,/ Если не находит свои горы.»/ У каждого человека должны быть свои горы – идеалы, достижение которых становится смыслом всей жизни. Только стремление, желание достичь определенного идеала может сделать жизнь человека осмысленной, так рассуждает поэт.

В конце творческой деятельности Б.Сулейманов, очевидно, старается подвести некоторые итоги жизни, в стихах появляется еле заметная тоска о прошлом, прожитом, которая из года в год все больше усиливается: /«Из окна смотрит прожитая жизнь,/ Мысли направлены на осеннюю улицу,»/- таков облик лирического героя зрелого поэта.

Если проследить творчество поэта дальше, то эта тоска, душевная боль усиливается, появляются мысли о бесполезности и бессмысленности жизни. В его стихах появляются новые образы-метафоры, которых не было в творчестве прошлых лет. В большинстве стихов Б.Сулейманова особое место занимает образность, связанная с эпитетом «желтый», который в основном, проявляется в образе пожелтевших листьев. В разных стихах эта образность проявляется по-своему, но основное значение данного образа остается тем же: это потеря, расставание, старение, исчезновение, смерть. Причина таких пессимистических настроений кроется не только в физическом старении автора. Здесь причина намного глубже: это и

одиночество поэта, и необустроенность быта, и несбыточность жизненных идеалов, которые поэт считал смыслом жизни. Все это желтой тоской легло в стихотворные строчки:

Нәкъ бабайның йөзе кебек сары
Таш юлларга коела тын гына,
Агачларның соңгы яфрактары...

«Как лицо старца желтые/ На каменные дорожки падают потихоньку/, Последние листья деревьев...»/. Интересна ассоциация автора: не лицо старика желтое, как осенние листья, что было бы естественным, а, наоборот, падающие листья похожи на желтизну цвета лица старца.

За последние годы появилось значительное количество работ, посвященных анализу цветообозначений в ткани стихов, поскольку через восприятие цвета и через отношение к нему выражается психофизическая связь человека с окружающим миром. Цвет в тексте несет в себе массу смысловых «наслоений», обусловленных, с одной стороны, культурной традицией народа, исторической эпохой, проблематикой произведения и другими «внешними» факторами, а с другой стороны – личностными качествами автора, его психическими особенностями, привычками, привязанностями.

Как известно, желтый цвет как в народных песнях, так и в поэзии является предвестником тоски, разлуки, утраты.

Образ желтых листьев в поэзии последних лет Б.Сулейманова имеет символическую многозначность. Автор очень часто обращается к этому образу, выражая душевное состояние лирического героя. Сравнение отношений к оборвавшемуся листочку старика и молодого человека прямо противоположны, так как у них разное видение мира:

Сары яфрак очып,
бөтерелеп,
Өзелеп тоште жиргә – асфальтка.
Япъ-яшь егет берни күрмәде -
Үтте - китте.
Бабай тукталып,
Озак карап торды
яфракка.

«Желтый лист, летая,/ кружась,/ Упал на землю – на асфальт./ Молодой парень ничего не заметил/ – Просто прошел./ Старик, остановившись,/ Долго смотрел на этот/ лист»./ Читателя сопровождают щемящая душу боль, непонятная, давящая тоска.

В стихотворении «Яфрак яңгыр» («Дождь из листьев») автор называет падающие листья слезами Матери-земли. Голый, тихий лес, опавшие листья-сердечки напоминают лирическому герою, что наступило время размышлений: надо задуматься о том, что ты оставишь на этой

земле после себя. Ничто не вечно в этом мире. В стихотворении, посвященном известному татарскому поэту Г.Хужи, «оторвавшийся с дерева лист» также означает разлуку, расставание. «Яфрак шикелле мәнҗегә/ җиргә өзелеп төштең йөрәкне уеп...» («Как лист, упал навечно,/ оставив боль в сердце...»),- пишет он, обращаясь к памяти известного поэта.

Таким образом, стихотворения Б.Сулейманова, написанные им в последние годы жизни, отличаются глубиной раздумий о смысле жизни, и могут считаться образцами философской лирики:

Була ул тормышта:
Мең кабат абындым.
Таш бәгырь җаннарга
Дус диеп табындым.

«Бывает в жизни:/ Тысячи раз спотыкался./ Душам с каменными сердцами/ Поклонялся, принимая за друзей,»/- пишет автор в стихотворении «Юлда» («В дороге»). На память приходят строки другого поэта-шестидесятника Саджиды Сулеймановой:

Ничә тапкыр күңел тәрәзәсен
Танымыйча ачтым мәкергә.
Ышанмагыз моңлы-зарлыга, дип
Телем бармый ләкин әйтергә. [Сөләйманова 1981:
158]

«Уж сколько раз окна души/ Открывала, не узнавая подлости./ Но сказать: «Не верьте тем, кто страдает»/ Не повернется язык все равно.»/

Во внешне сопоставимых стихах есть большое различие: оно в том, что стихотворение С.Сулеймановой оставляет в душе надежду, а строки Б.Сулейманова – наполнены только горечью утраты и безнадежности. В этом плане также богато содержанием стихотворение «Көзге урманда», где переданы глубокие медитативные раздумья автора о смысле жизни:

Уйга калып басып торам/ беръялгызым.
Көзге урман/ охшап калган каберлеккә.
Минем күңелем сыман моңсу/ агачлар да,
Алар/ шулай калыр төсле гомерлеккә.

«Задумываясь, стою/ одиноко./ Осенний лес/ похож на могильник./ Как моя душа, тоскливы/ и деревья./ Они,/ кажется, останутся такими навсегда.»/ Чувство одиночества усиливается тем, что и птицы покинули этот лес. В конце стихотворения опять идет описание опавших листьев, напоминающих человеческое сердце:

Язлар кире кайтмас төсле/ бу урманга.
Агачларның җирдә ята йөрәкләре
Күпме яфрак үлгән./ кайгы саргайтканга.

«Кажется, что весна не вернется/ в этот лес./ У листьев на земле лежат сердца./ Сколько листьев умерло,/ пожелтев от горя.»/

Душевное состояние лирического героя в данном стихотворении глубоко пессимистическое и безнадежное. Сравнения, использованные здесь поэтом, создают мрачную картину поздней унылой осени. Выражения: «Осенний лес стал похожим на могильник», «Как будто прося у богов пощады, деревья растопырили голые руки», «На земле лежат сердечки деревьев./ Сколько листьев умерло, пожелтел от горя», - делают стихотворение антропоцентричным.

Только «по-такташевски», чуть с юмором, написанные строчки следующего стиха, оставляют в душе читателя еле заметную искорку утешения, надежды:

Донья матур, донья киц шул, айе,
Исерек жциллэр йори сугенеп.
Гомерен жсуйган сары яфракларга
Мэхэббәтем калды кумелеп.

«Конечно, жизнь прекрасна, мир широк./ Пьяные ветры, ходят, ругаясь (матерясь)./ Укрытая потерявшими свою жизнь желтыми листьями./ Осталась любовь моя.»/

По-разному предстают размышления поэта о смысле жизни в разные периоды его творческой деятельности. В стихотворениях 70-х годов «Бәхет» («Счастье»), «Нигә мине алла кеше иткән?» («Почему Аллах создал меня человеком?») жизнь гордых гор, мелодичных лесов, певчих птиц лирическому герою кажется более осмысленной и полезной.

Мирное небо над головой – для поэта самое главное условие, чтобы каждый мог жить, творить, но и радоваться, слушая мелодию окружающей среды. Лирического героя заставляет содрогнуться даже увиденный красный цвет арбуза: «Әллә жсир дә шулай микән Бертуктаусыз сугышлардан?» («Неужели и земля такая (окровавленная)/ От постоянных непрекращающихся войн?») – ставится риторический вопрос. И в стихотворении «Ни телисез?», («Чего желаете?») лирический герой размышляет о мире на земле.

В татарских народных пословицах и поговорках четко определяется цена человеческих поступков, достойных или недостойных своего народа. С такой же точностью и лаконичностью поэт выражает свое определение полезности и бесполезности человеческой жизни:

Әгәр егет кылса жсинаять
Халык,
Бер булмаса, бер кичерер,
Юк, дошман итмәс аны.
Әгәр егет итсә хыянәт,
Халык
Ата-бабалары яткан
Зиратка куммәс аны.

«Если джигит совершил преступление,/ Народ/ Когда-нибудь все равно его простит,/ Нет, не сочтет его (своим) врагом./ А если джигит предаст,/ Народ/ В землю, где покоятся отцы и деды,/ Не похоронит его.»/

По мнению автора, предательство – самое худшее из человеческих поступков, которому нет прощения. Автором специально выделяется слово народ, так как мнение родного народа для автора многое значит.

Как и многие поэты, Б.Сулейманов размышляет над проблемой определения места поэта в обществе, о его роли в жизни народа, общества. Он очень требователен к себе и своему творчеству. Поэт стремится к тому, чтобы его стихи были полезными, не оставили равнодушным читателя, могли разбудить народ. Так пишет автор, обращаясь к своим стихам:

Ә син, жсырым,
кайтма Себеремә,
Булсаң әгәр
Бураннарда күмелеп калырлык,-

«А ты, песня (моя),/ не возвращайся в мою Сибирь,/ Если окажешься/ Быть погребенной под буранами,»/ в стихотворении «Я вернусь» («Мин кайтырмын»). Насколько дороги, ценны и значимы поэтические творения для самого автора, доказывают следующие строчки: «Бар байлыгым – шигырльһрем») («Все мое богатство – это мои стихи»),- пишет он в одном из стихотворений.

Подводя итоги данной части исследования можно сделать следующие выводы:

Творчество сибирско-татарских поэтов, Булата Сулейманова и Шауката Гадельши, по своей тематике, направленности богато и разнообразно. Большая часть их стихов представляет собой гражданскую и философскую лирику, где находят отражение размышления авторов о смысле жизни, об истории своего народа, его настоящем и будущем. В философской лирике отражены размышления поэтов над вечными вопросами бытия: смыслом жизни, полезности человеческого существования, служения своему народу, преданности своим идеалам. Как и многих поэтов современности, их мучают проблемы сохранения самобытности народа.

В творчестве Б.Сулейманова это направление более емкое: он, как продолжатель гуманистических традиций татарской литературы, стремится более широкому видению мира. Его также одинаково беспокоит и судьба планеты, и будущее родного народа – сибирских татар. Для него важно процветание страны, в общем, и своей малой родины, в частности.

Следует отметить, что философская лирика Ш.Гадельши более «жесткая», основанная на реалиях жизни. Он не живет в мире иллюзий, его волнует судьба маленьких деревень, где в настоящее время остались жить только одни старики, жизнь тайги, чистота озер, рек Сибири.

Философские размышления поэта о судьбе народа выражены в многочисленных стихах, где, в основном, определяющим чувством является глубокая боль лирического героя за разворованные богатства сибирской природы, за народ, у которого нет будущего. Поэт также размышляет и о своей роли в судьбе своего народа. Историзм мышления позволяют поэту поднять проблему самоопределения человека в мире. В его творчестве в масштабе хронотопа происходит постоянное совмещение мотивов «современного» и «исторического», «индивидуального» и «всеобщего», «однодневного» и «вечного». Историческое время для рассмотренных в данном разделе поэтов Сибири включает в себе особый сакральный смысл, который базируется на вневременных нравственно-эстетических ценностях.

ЛИТЕРАТУРА:

- Сайфулина Ф.С. Формирование и развитие татарской литературы Тюменского региона. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – 296с.
- Ярык мөгез / Ш. Гаделша. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1997. – 69 б.
- Ядрә тигән / Ш. Гаделша. – Казан: Матбугат йорты, 1998. – 80 б.
- Сөмән кадыйм / Ш. Гаделша. – Казан: Матбугат йорты, 2000. – 144 б.
- Жилгә моң дыңгычлыым / Ш.Гаделша. – Казан: Идел-пресс, 2003. – 127 б.
- Аучы мсыры / Ш.Гаделша.– Казан: Тат. кит.нәшр., 2004. – 383 б.
- Чоңгыл / Ш.Гаделша. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2006. – 160 б.

ТЕМА 7 (2ч.)

Сибирско-татарская проза XX века: творчество Якуба Занкиева

В татарской литературе много писателей и поэтов, которые имеют свой неповторимый стиль, узнаваемое перо; известны сотни произведений, в течение многих столетий сохранившие поэтическую ценность, актуальность, не потеряли силу влияния на читателя. От Кул Гали (нач. XIII в.) до Габдуллы Тукая (1896-1913), от Дардеменда (1876-1926) до Хади Такташа (1901-1931) и Хасана Туфана (1900-1981), от Гаяза Исхаки (1896-1954) и Фатиха Амирхана (1886-1926) до Галимджана Ибрагимова (1887-1938) и Фатиха Хусни (1908-1996), Хасана Сарьяна (1930-1978), Амирхана Еники (1909-1999) и Мухамеда Магдеева (1930-1995) и др. читатели помнят множество талантливых, неповторимых, ярких индивидуальностей. При этом, нужно отметить, что в немало имен, вышедших с так называемой литературной периферии, которые подпитывали литературу неповторимыми талантами: из Башкортостана, Чувашии, Пензы, Саратова, Симбирска, Оренбурга, откуда вышли многие писатели и поэты, такие, как Гадел Кутуй, Маджит Гафури, Шаехзада Бабич, Дардеманд, Сагит Рамеев, Мирхайдар Файзи, Мирсай Амир, Галимджан Ибрагимов, Шариф Камал, Карим Тинчурин, Фатхи Бурнаш, Фатих Карим, Габдрахман Абсалямов, Амирхан Еники, Наки Исанбет,

Кави Наджми, Атилла Расих, Нурихан Фаттах, Ркаил Зайдулла и др., составившие славу татарской литературы. В этой галерее известных поэтов и писателей Якуб Занкиев занимает свое скромное и вместе с тем очень почетное место.

Вместе с тем, Татарстан и так называемые «татарские» районы Республики Башкортостан и Республика Татарстан являются родиной многих современных поэтов, писателей и драматургов. С 50-60-х годов XX века, когда советский народ уверенно «шел» к строительству коммунизма, при котором должны были исчезнуть языки «малых народов», уступая место русскому, у татарского народа, проживающего за пределами Татарстана, сузились возможности получения образования на родном языке и почти исчезла возможность иметь свои подписные издания, радио, телевидение. Тем самым на корню пресекалась возможность появления творческих сил, которые могли бы внести свою лепту в развитие татарской литературы. Литературная деятельность изучаемых нами в данной работе писателей и поэтов XX в. – это отражение состояния образования на родном языке еще до 1960-х годов, результаты труда литературоведов, получивших образование до 1950-60-х годов.

60-80 годы XX века дали татарской литературе два ярких имени из сибирских татар – поэта Булата Сулейманова и прозаика Якуба Занкиева. Сегодня к ним с уверенностью можем добавить произведения уже широко известного поэта Шауката Гадельши и еще малоизвестных литераторов, которые пробуют свое перо на страницах газеты «Янаршы» («Возрождение»), издают свои первые поэтические сборники. Русскоязычному читателю стали известны имена поэта Николая Шамсутдинова из Тюмени и писателя Габделя Махмута из Надыма.

«Да, велик и прекрасен народ, жизнеспособен и устойчив, за многие века не потерявший своих обычаев и культуры, – пишет известный литературный критик В.Рогачев в статье «В ожидании рассвета», написанной в качестве предисловия к роману «Зори Иртыша» Я.Занкиева. – Такой народ достоин собственной литературы как художественной летописи своего духовного самосознания. Но исторические деформации и катастрофы долгое время не позволяли появиться в среде сибирских татар профессиональным литераторам. Лишь в последнюю четверть века, в условиях очередной, трудной для России полосы реформ, они заявили о ней» [Занкиев 1998: 8]. Подчеркивая особенности литературы Тюменского региона, автор статьи отмечает, что в нынешней литературной смуте молодая сибирско-татарская литература решительно встала на сторону реализма, заняла учительскую, проповедническую позицию, способствуя духовно-культурному возрождению нации.

Учитывая драматизм судьбы своего народа, писатели выступают в своих произведениях не только художниками слова, но и фольклористами и историками, этнографами и краеведами. Они ищут и находят особую

художественную форму, чтобы показать объективный ход времени, многоликий хор родных голосов, вызванных ими из тени небытия. Так оценивается основная суть творчества Якуба Занкиева местными литературоведами.

Первый прозаик из сибирских татар Якуб Камалиевич Занкиев (1917-2003), родившийся в исторический для нашей страны время прошел трудный и сложный жизненный путь. Его дед Занки был из безземельных сартов (одна из групп, исторически составляющих сибирских татар, – переселенцы из Бухары, которым не выделялась земля), долгие годы работал ямщиком: сопровождал повозки с товаром богатых купцов между городами Тобольск, Омск, Иркутск. В последствии он устраивается сторожем у одного купца в Иркутске, приглашает к себе сына Камали и устраивает его на работу. Мать Якуба – Закирабану – дочь муадзина Валита, родом из деревни *Әрә* Нурлатского района Казанской губернии. Тяжелая судьба, надежда найти себе работу и лучшую долю в жизни также приводит ее в г. Иркутск. Здесь Камали и Закирабану знакомятся и вскоре создают семью. Так суждено было родиться Якубу Занкиеву, которому предстояло пройти долгий путь от деревенского учителя до Заслуженного учителя Российской Федерации, посвятить всю свою жизнь учительской профессии, участвовать в Великой Отечественной войне, в преклонном возрасте осуществить свою мечту – написать литературное произведение о наболевшем. И в своей новой роли Я.Занкиев смог добиться признания в народе, оставил свой неповторимый след в многовековой истории татарской литературы, создал эпические полотна, где увековечил свой народ.

Прослеживая жизненный путь писателя, можно пройти по значительным вехам в истории страны. Родившись в переломный для России год, он, как и все советские люди, проходит через многочисленные испытания. В годы становления советской власти он был еще молодым учителем, который не до конца понимал хода истории. В 1941 году молодой учитель призывается в армию, вскоре начинается война, но из-за болезни он возвращается домой. Подлечившись, 1942 году он добровольцем уходит на фронт, участвует в Воронежском фронте разведчиком, радистом, телефонистом. Учитывая наличие высшего образования, осенью 1943 года его направляют в Ленинградское артиллерийское училище, после окончания которого, в звании младшего лейтенанта направляется на первый Украинский фронт. В 1944 году он назначается командиром взвода в десятую противотанковую артиллерийскую бригаду, которая формируется в июле 1942 года в Тюмени.

В годы войны Я.Занкиев проходит около шести тысяч километров пути, участвуя в боях за Львов, Дрезден, Прагу, переправляется через реки Висла, Одер и участвует в ожесточенных боях на земле Польши,

Чехословакии, Германии, получает несколько ранений. Победу он встречает в городе Вельтрусси, недалеко от Праги. В этом городе советские воины собрали и оставили деньги для строительства новой школы, позже этой школе дали название «Красная Армия». Этот маленький факт из жизни Якуба Камалиевича может оцениваться как отражение идей гуманизма, умение сохранить в любых условиях человеческие качества. За героизм, проявленный в боях, Я.Занкиев удостоивается орденов Великой Отечественной войны первой и второй степеней, ордена Красной звезды и ряда медалей.

Вернувшись в числе победителей в родные края, он посвятил свою жизнь выбранной однажды профессии. После войны он работает завучем, директором школы, заведующим райОНО. Благородный труд учителя-просветителя оценивается по достоинству: в 1957 году, одним из первых в Тюменской области, он удостоивается звания Заслуженный учитель Российской Федерации.

Творческую деятельность Я.Занкиев начинает в области журналистики и публицистики. Одна из первых его статей «Из опыта работы над сочинениями по картине», была напечатана еще в 1950-м году в журнале «Совет *мәктәбе*» («Советская школа») [Занкиев 1950: 66-67]. Начиная с середины XX века, он поддерживает связь с редакциями многочисленных журналов и газет. Его очерки, эссе, фельетоны увидели свет на страницах общественно-литературных, методических и литературно-критических изданий республики Татарстан: «Казан утлары» («Огни Казани»), «*Сөембикә*» («Сююмбике»), «*Мәгариф*» («Просвещение»), детских и молодежных журналов и газет: «Ялкын» («Пламя») «Татарстан *яшьләре*» («Молодежь Татарстана»); в подписных изданиях Тюменской области: «Тюменская правда», «Тобольская правда» на русском и татарском языках, в которых освещаются проблемы народного образования и национальной школы, нравственного воспитания подрастающего поколения, поднимаются многочисленные проблемы современности.

Особое место занимает в этом списке областная газета «Янарш» («Возрождение»), которая выходит в свет с начала 1990-х годов и является общественной трибуной татарского населения региона. Якуб Камалиевич дорожил этой газетой, высоко оценивая роль издания в возрождении нации, в деле сохранения языка и культуры. Почти в каждом номере газеты печатались статьи умудренного жизненным опытом учителя, которые воспринимались читателями как правда о самой жизни.

Его статьи – это публицистическое описание жизни жителей Тюменской области на определенном историческом этапе. Являясь уважаемым ветераном Великой Отечественной войны, Я.Занкиев 1960-70 годы много пишет на военно-патриотическую тему, а в последние годы жизни уделяет больше внимания проблемам воспитания молодежи в

традициях татарского народа, поднимая вопрос о приобщении детей к родному языку в семье, и возможности его изучения в системе национальной школы. Своевременными были его статьи об ответственности родителей за воспитание своих детей, а также детей за своих престарелых родителей. В них отразились размышления учителя-ветерана о вечных понятиях добра и зла. Не потеряли актуальности его высказывания, касающиеся родного языка, национальной системы образования, как основы сохранения самобытности народа. Являясь человеком неравнодушным, он открыто высказывал свою позицию, особенно, когда дело касалось национальных проблем и вопросов межнациональных отношений. Якуб Камалиевич учил толерантности, терпимости к другим религиям и народам, возмущался по поводу любого проявления унижения национального или религиозного достоинства людей, неуважительных высказываний по поводу традиций и обычаев, верований народа. Воспитание в будущем поколении чувства национальной гордости, знания правдивой истории и уважительного отношения к своим историческим корням являлось основой его педагогической деятельности.

Таким образом, в литературное творчество Я.Занкиев приходит через педагогическую и журналистскую деятельность. Набравшись богатого жизненного опыта, он обогащает многовековую татарскую литературу, в частности, изображением темы Сибири и создает интересный, своеобразный характер сибирско-татарского человека. Посредством литературных произведений он старается ответить на сложные вопросы жизни, отражая свое отношение к тем или иным событиям, происходящим в стране в определенный исторический период, по-своему раскрывая вечные проблемы искусства – проблемы добра и зла, любви и ненависти, преданности и предательства, призывая читателей задуматься над этими извечными вопросами человеческого бытия.

Наряду с романами Я.Занкиев создал цикл рассказов, относящихся к детской литературе. Это и не удивительно: как человек, посвятивший всю свою жизнь обучению и воспитанию подрастающего поколения, он глубоко понимает особенности детской психологии, находит точные выражения, характеризующие состояние и характеры героев. «Кайчыколак» («Остроушко») – сборник детских рассказов, объединяющий произведения, разнообразные по тематике и посвященные интересным и актуальным для детей проблемам. Малая проза писателя является для детей уроком воспитания нравственности, человечности, преданности дружбе и уважительного отношения к старшим, почитанию родителей. В них поднимаются непростые проблемы, касающиеся отношений детей и взрослых, людей и окружающей их природы. Его рассказы написаны простым, понятным, в то же время богатым и эмоциональным языком.

Хорошо зная историю татарской литературы и особенности развития отдельных ее периодов, Я.Занкиев с интересом следил за ее современным состоянием, с трепетом и глубоким уважением относился к творениям талантливых писателей и поэтов. Знание литературного процесса и теоретических основ художественного творчества, желание сказать свое слово посредством литературных произведений подвигнули учителя физики к пробе пера, в результате чего увидели свет значительные эпические полотна. Долгие годы, еще работая в школе, он вынашивал идею написания объемного произведения, обдумывал сюжетные линии, представляя своих будущих персонажей. Как отмечено самим автором, роман «Иртеш таңнары» («Зори Иртыша», 1988) является результатом его многолетнего труда, вершиной его исканий, который стал, по определению В.Рогачева, «народно-исторической эпопеей» [Занкиев 1998: 8]. Нелегкая правда пережитого и прочувствованного легла в основу первого крупного произведения прозаика – романа «Зори Иртыша». Автором создано большое эпическое полотно – панорама жизни сибирских татар Тюменского Прииртышья с начала и до середины XX столетия. Роман насыщен этнографическими деталями, помогающими воссозданию жизни сибирских татар с их обрядами, обычаями, фольклором, национальным характером, психологией, менталитетом. Таким образом, в татарской литературе Тюменского региона появилось произведение, в центре сюжета которого стоит судьба сельского интеллигента – учителя, искателя света и добра, интересующегося своей историей, летописца жизни сибирско-татарского народа, его традиций и обычаев, культуры и нравов.

Процесс написания романа был сложен. Как отмечает сам автор, без помощи известного татарского писателя А.Гилязова его творение не могло бы увидеть свет. «Конечно, я не смог постичь все секреты литературной работы, в наших краях не было никого, с кем можно было бы посоветоваться по поводу творческой деятельности. Но, к счастью, на помощь пришел талантливый, внимательный писатель Аяз Гилязов, он много сделал по литературной обработке, редактированию моего произведения» (Перевод наш – Ф.С.) [Занкиев 1994: 671-672].

Роман «Зори Иртыша» привлек внимание читателей определенной новизной, связанной отражением многочисленных событий из жизни сибирских татар. После издания книги одним из первых дал свою оценку произведению известный татарский писатель Гариф Ахунов: «Якуб Занкиев из Сибири, написавший роман «Зори Иртыша» вселяет в душе надежду. Роман интересен не только богатством новых, невиданных доселе в татарской литературе образов, но и присущими только ему неповторимыми новыми языковыми особенностями, похожими на журчание сибирских родников». (Перевод наш – Ф.С.) [Ахунов 1989: 186]. Автор статьи выражает надежду на то, что Я.Занкиев еще обрадует читателей своими новыми произведениями.

Примечателен тот факт, что первая книга романа в 1988 году заняла второе место в Республике Татарстан в конкурсе «Лучшая книга года», уступив только произведению известного прозаика М.Магдиева «Фронтвики», также посвященному отражению состояния послевоенных национальных школ и жизни деревенского учительства.

Увиденное и пережитое во время войны в его душе остается неизгладимой раной до конца жизни. Под влиянием этих воспоминаний Я.Занкиев пишет продолжение своего романа, который издается в 1994 уже в виде дилогии. Подлинность, реалистичность изображения картин войны объясняется также тем, что писателю не было необходимости брать изнурительные командировки на фронт для сбора материала, все ужасы войны он увидел своими глазами, пережил лично. Как говорил сам автор, даже увиденное за месяц, хватило бы на несколько романов.

Первая книга романа Я.Занкиева охватывает большие события, в рамках которых протекает жизнь сибирских татар, живущих на берегах Тобола и Иртыша, где изображены исторические события страны в целом, и сибирских татар, в частности, с 1917 по 1941 годы, преломленные сквозь призму отношения к ним самого автора. Жизнь и судьба тоболо-иртышских татар, присущие им народные обычаи и обряды, неповторимые явления природы в романе раскрываются в контексте жизни и истории всей страны. Роман-дилогия интересен тем, что в ней дается представление о значительных исторических событиях, которые, так или иначе, отразились в судьбе людей, живущих в глубоком тылу, в дальних сибирских деревнях.

В первой части романа, в основном, преобладает оптимистический тон, здесь остается место надежде. Главный герой романа верит, что посеянные им в души детей возвышенные чувства не пропадут даром, они помогут им выжить и выстоять все испытания жизни.

Во второй книге дилогии события происходят в годы Великой Отечественной войны. Как отмечалось ранее, сам писатель достойно проходит эти долгие годы испытаний. Как пишет ученый-историк Ю.П.Прибыльский в статье «Уроки гуманизма»: «Жестокие военные испытания закалили характер и волю фронтовика, научили его полнее и глубже различать добро и зло, правду и ложь, честь и бесчестие, обострили чувства милосердия, и сострадания к человеческому горю» [Прибыльский 1998: 9].

Нужно отметить, что вторая книга Я.Занкиева отличается от первой и художественным методом изложения материала. В первой книге события раскрываются больше в соответствии с требованиями того времени – методом социалистического реализма. То, что вторая часть книги увидела свет спустя много лет после первой, объясняет особенности стиля повествования произведения, и обращение писателя преимущественно к возможностям метода реализма и критического реализма. На многое

изменился взгляд автора, он начал критически относиться к деяниям властей, по-новому начал оценивать исторические события. Автор стремится выйти из узких, регламентированных рамок и канонов социалистического реализма. Но и здесь во главу угла ставится идея служения народу, преданность своим идеалам, вера в лучшее будущее.

В диалогии война изображается как самый страшный период в истории XX века. В своем произведении Я.Занкиев дает свою оценку прошедшей войне, указывая на истинную цену победы: это сотни тысяч искалеченных судеб, неисчислимые потери, неизгладимые раны, обездоленные, больные, инвалиды, вдовы, осиротевшие дети, разрушенные города и деревни... Через глубокие раздумья и переживания героев романа автором создаются представления о трагедии войны. Разгул преступности в стране, недоверие, жестокость и недальновидность стоявших у власти политиков особенно сильно и отчетливо проявляются в экстремальных условиях, каковыми являются годы войны. Нелепая смерть Шамиля от пули пьяного солдата своей же роты является показателем одного из неисчислимых бедствий страшной войны. Перед взором читателя воссоздается безумная картина: напившиеся намеренно оставленным врагами спиртом солдаты Красной Армии теряют человеческий облик, валяются на земле, стреляют друг в друга. Подчеркивая эту особенность романа, В.Рогачев пишет: «Впервые в нашей большой литературе война показана автором с глубинной народной точки зрения – из сибирского тыла. Она представлена как страшный каток, подмявший насмерть самых лучших, самых честных людей Ялана, самых жизнеспособных и красивых. Она обезглавила лидеров, нарушила естественный ход вещей, эстафету целых поколений, умертвила многие семьи, стерла с лица земли их неповторимый след» [Занкиев 1998: 8].

В конце 1990-х годов, несмотря на свой почтенный возраст, писатель работает очень активно. Так, спустя некоторое время увидел свет его сборник детских рассказов «Кайчыколак» («Остроушко» 1994, 2002). Чуть позже автор издает переводы на русский язык обеих книг диалогии «Зори Иртыша» (1996; 1998). В это время он носит идею написания другого романа и упорно работает над ним, как бы стараясь наверстать упущенное время. Вскоре в литературной обработке автора данного исследования выходит в свет новый роман Я.Занкиева «Ялкында *отелгэн мэхэббэт*» («Любовь, объятая пламенем», Тюмень, 1999). Как видно из названия, произведение посвящено вечной теме литературы и искусства – теме любви, в нем также раскрываются непростые отношения целого поколения жителей сибирской глубинки довоенных и военных лет. Автор по-новому поднимает и решает извечные проблемы любви и ненависти, борьбы добра и зла, старается отразить жизнь своих современников с позиций нравственности и справедливости.

Выход на литературную арену Я.Занкиева стало событием, открытием не только для сибирских татар, но и для жителей всего региона. Его творчество рассматривается учеными в контексте региональной литературы – интересного и своеобразного явления, каким характеризуется вся литература Тюменского края. Произведения писателя являются своеобразным отражением особенностей региональной литературы: в них изображены исторические события, произошедшие в жизни сибирско-татарского народа в различные периоды; раскрываются условия жизни и формирования характеров, национальных черт данного народа; события происходят на фоне богатой природы Сибири, которая сыграла особую роль в формировании жизненных устоев и предопределила особенности быта сибирского народа, повлияла на формирование множества поверий: характеры персонажей раскрываются в процессе описания традиций, обычаев и обрядов татарского народа, которые искусно вплетены автором в сюжетную канву произведений; язык литературных героев обогащен живой разговорной речью сибирско-татарского народа, она богата крылатыми выражениями, пословицами и поговорками, отражающими народную мудрость. Таким образом, тщательно отражая среду обитания своих героев, в определенный исторический период на основе традиционного быта сибирских татар дало возможность автору создать особенность сибирский хронотоп. Эти особенности романов Я.Занкиева, с одной стороны, делают их узнаваемыми, выделяют из множества известных произведений татарской литературы, с другой стороны, его творения также могут считаться одними из лучших произведений в богатом и разнообразном литературном наследии Тюменского края.

В последний год жизни ему была присуждена высокая награда правительства республики Татарстан – он стал лауреатом престижной премии имени Габдуллы Тукая в области литературы. По этому случаю в печати появились многочисленные статьи, посвященные раскрытию особенностей его творчества и общественной деятельности. Литературная премия стала памятником скромному татарскому писателю, который создал образ своего народа, увековечил в литературе его традиции, обычаи и жизненные устои.

Талантливый педагог, журналист, публицист, общественный деятель Якуб Занкиев был уважаемым членом союза писателей Татарстана.

ЛИТЕРАТУРА:

- Иртеш таңнары: роман / Я.К.Занкиев. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1994. – 671 б.
Ялкында өтелгән мэхэббэт: роман / Я.К.Занкиев. – Төмән: Вектор Бук, 1999. – 312 б.
Сайфулина Ф.С. Формирование и развитие татарской литературы Тюменского региона. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – 296с.
Галямова, Г.С. Отражение темы Сибири в татарской прозе второй половины XX века / Г.С.Галямова // Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Тобольск, 2006. – 18 с.

Сайфулина Ф.С. Атачак таннар хакына / Во имя будущих рассветов (по творчеству Якуба Занкиева). – Тобольск: ТГПИ им. Д.И.Менделеева, 2004.- 104с.

Сайфулина Ф.С. Об изученности творческой и общественной деятельности Б.В.Сулейманова // Сулеймановские чтения: IX Всероссийская научно-практическая конференция: Материалы. – Тюмень: Экспресс, 2006.- С.98-100.

ТЕМА 8 (4ч.) **«Провинциальный» роман Я.Занкиева в контексте** **развития татарской прозы**

Богатство литературного наследия народа определяется многими факторами: национальной историей, социокультурной активностью, ролью в межлитературном диалоге и др. Эти явления и процессы неизменно в той или иной степени находят отражение в парадигмах тематики и проблематики искусства слов. Исследуя тематический диапазон литературы, можно судить об уровне цивилизованности, о нравственных ориентирах и духовных исканиях породившего ее этноса. Очевидно, именно поэтому в научной литературе не раз затрагивались проблемы тематики произведений татарских писателей. Вспомним полемику о «производственном романе», развернувшуюся в 20-х – 30-х годах прошлого столетия, споры вокруг «теории бесконфликтности» конца 1940-х годов или многочисленные выступления ученых и критиков о теме Родины и судьбы человека в 1970-80-х годах.

Творчество Я.Занкиева – первого профессионального прозаика послевоенных лет, вышедшего из сибирских татар, обогатил татарскую литературу новой тематикой, невиданными доселе в татарской литературе образами и событиями: он воссоздал историческую панораму жизни сибирского народа первой половины XX столетия. Его романы – отражение жизни народа в определенном историческом этапе развития, насыщенной многочисленными испытаниями: такими, как революция, гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война.

В целях достижения глубины и исторической правдивости осмысления изображаемых характеров общественные идеалы писателей должны обладать активностью и значительностью. Творцы пера, чьи взгляды на жизнь не отличаются этими свойствами, оказываются неспособными проникать своей эмоциональной мыслью через индивидуальное и случайное в глубинные закономерности человеческих отношений, действий, переживаний. Для того, чтобы полнее и шире высветить наиболее масштабные и сложные вопросы, связанные с жизнью и судьбой своего народа, Я.Занкиев, развивая традиции татарской литературы, обращается к наиболее крупной эпической форме – роману.

В литературоведении крупные жанры эпоса – роман и эпопея – различаются по своему содержанию, в первую очередь, по проблематике. Содержательной доминантой в эпопее является национальная, а в романе –

романная проблематика. Для романа, соответственно, чрезвычайно важно определить, к какому из двух типов он относится [Есин 1998: 224].

В зависимости от жанровой содержательной доминанты, конструируется и поэтика романа и эпопеи. Эпопея тяготеет к сюжетности, образ героя в ней строится как отражение (соединение) типичных качеств, присущих народу, этносу, классу. В романе идейно-нравственном стилевыми доминантами почти всегда будут психологизм и разноречие.

На протяжении последних веков в эпосе сложился новый жанр большого объема – роман-эпопея, объединяющий в себе свойства этих двух жанров. К этой жанровой традиции в русской литературе относят такие произведения, как «Война и мир» Л.Толстого, «Тихий Дон» М.Шолохова, «Живые и мертвые» К.Симонова, «Доктор Живаго» Б.Пастернака, и др. Для романа-эпопеи характерно соединение национальной и идейно-нравственной проблематики, где идейно-нравственный поиск личности соотнесен, прежде всего, с народной правдой. В области поэтики для романа-эпопеи характерно соединение психологизма с сюжетностью, композиционное сочетание общего, среднего и крупного планов, наличие множества сюжетных линий и их переплетение.

Роман как жанр оказался способным сблизить литературу с жизнью в ее многоплановости и сложности, противоречивости и богатстве. Романная свобода освоения мира не имеет границ. Эту мысль подает древний мыслитель Аристотель [Аристотель 1984: 674], позже то же самое утверждает и Гегель, подчеркивая то, что «многоплановость присуща и содержанию, и форме эпоса» [Гегель 1958: 264]. Глубинные познавательные – изобразительные возможности этого жанра осознаны литературной наукой давно ([Белинский 1956: 474]; [*Ибрагимов 1978: 67*]). Те же характерные черты жанра романа отмечаются и в «Словаре литературоведческих терминов»: «...Его наиболее общие черты: изображение человека в сложных формах жизненного процесса, многолинейность сюжета, охватывающего судьбы ряда действующих лиц, многоголосие, отсюда – большой объем сравнительно с другими жанрами» [Словарь литературоведческих терминов 1974: 328].

Используя столь значительные возможности романа, Я.Занкиев в своих произведениях осмысливает очень важные, по его мнению, и с точки зрения современников, проблемы жизни и судьбы своего народа. Следуя классическим требованиям этого жанра, писатель через частную жизнь и судьбу главных героев подвергает анализу и оценке вопросы общенационального, общечеловеческого, гуманистического характера.

Широкий охват бытия, многособытийность, возможность показа героя в единстве с окружающей его действительностью, привлечения лирических элементов – все эти черты жанра романа присущи, несомненно, и романам Я.Занкиева. Следует подчеркнуть, что первая

книга романа «Зори Иртыша» оставляет впечатление незавершенности. Но, с другой стороны, появление через 12 лет второй книги доказывает, что, видимо, у автора уже тогда назревал определенный план, который задумывался о продолжении своего романа. Это обстоятельство было отмечено и современниками писателя. Вместе с тем, если обратиться к истории мирового романа, то она дает немало примеров, когда в изображении действительности этот жанр неограничен какими-либо строгими временными или пространственными рамками. Бытует мнение даже о том, что сюжет романа вообще не имеет границ. Например, исследователь жанра В.Кожин уверен, что «в глубинном смысле в романе вообще нет конца, завершения, и в этом отчетливо проявляется внутренняя сущность жанра» [Кожин 1964: 123].

Вместе с тем, рассматриваемые в разделе романы Я.Занкиева тяготеют к жанру исторического романа. Как отмечается в литературоведческих трудах, исторический роман – это крупное эпическое произведение, в котором изображается судьба отдельного человека или группы людей в процессе формирования их характеров и взглядов на мир. Через личную жизнь героев в романе раскрываются ценности, обобщенные черты объективной реальности, т.е. через одну судьбу, жизнь человека раскрываются основные, индивидуальные и в то же время типические характеры той или иной эпохи. В центре внимания романа находится раскрытие человеческого характера, которое достигается через изображение внутреннего состояния и душевных переживаний героя. В то же время разносторонне описываются условия и причины, которые участвуют в формировании данного характера.

В силу жанровой специфики исторической прозы особое внимание обращает на себя временная и пространственная организация ее в рамках художественного текста. Известно, что автор исторического романа воссоздает мир прошлого, точнее, одну из ее вероятных моделей, в которой совмещаются как объективные приметы минувшей эпохи, так и субъективный взгляд на них автора. В историческом повествовании время и пространство образуют систему, которая служит автору одним из способов выражения его концепции истории.

В историческом романе даже созданные представлениями, фантазией писателя события также должны соответствовать исторической логике, обоснованы, доказаны документальными материалами. Поэтому и само развитие данного жанра тесно связано с исторической наукой. Такие произведения, наряду с формированием у читателя эстетического восприятия, знакомят со многими историческими фактами, дают читателю пищу для размышлений и раздумий.

Анализируя жанр исторического романа в татарской литературе, Х.Ашрафзянов подразделяет их на историко-революционный роман, историко-психологический роман, историко-биографический роман,

историко-романтический роман, историко-фантастический роман, роман-хроника, историко-политический роман, исторический роман-эпопея [Әшрәфҗанов 1998: 154].

В татарской литературе исторические романы, в целом, отличаются широким охватом событий, большими обобщениями, эпической широтой и обращением к проблемам национально-исторического характера. К произведениям, обращенным к историческим судьбам и знаменательным событиям, произошедшим в истории народа, можно отнести романы известных татарских прозаиков Галимджана Ибрагимова «*Безнең көннәр*» («*Наши дни*»), «*Казакъ кызы*» («*Дочь степи*»), Махмуда Галяу «*Болганчык еллар*» («*Муть*»), «*Мөһәҗирләр*» («*Мухаджирсы*»), Фатиха Хусни «*Жәяүле кеше сукмагы*» («*Тропа пешехода*»), Ибрагима Гази «*Онытылмас еллар*» («*Незабываемые годы*») и др. В современной татарской прозе лучшие образцы исторического романа представлены произведениями Махмута Хасанова («*Язгы аҗсаган*» – «*Весенняя зарница*»), Нурихана Фатиха («*Ител суы ака торур*» – «*Итиль – река предков*»), «*Сызгыра торган уklar*» – «*Свистящие стрелы*»), Мусагита Хабибуллина («*Кубрат хан*», «*Илчегә үлем юк*» – «*Посол – лицо неприкосновенное*», «*Шайтан каласы*» – «*Чертово городище*», «*Сөембикә ханбикә һәм явыз Иван*» – «*Сююмбике-ханбике и Иван Грозный*»), Батуллы («*Сөембикә*» – «*Сююмбике*»), Флюса Латифи («*Хыянәт*» – «*Предательство*»), Вахита Имамова («*Казан крепосте*» – «*Казанская крепость*») и мн. другими. В них отражены события тысячелетней истории тюрко-татарского народа. Об истории своего народа, духовных, экономических и политических потрясениях с философской глубиной размышляют авторы данных исторических романов.

Творчество Якуба Занкиева в идейно-тематическом плане близко к творчеству Г.Ибрагимова, Ф.Хусни. Так же, как в романах этих известных татарских писателей, Я.Занкиев рассматривает судьбы своих героев в контексте развития истории всего народа в минувшее столетие, особое внимание писатель уделяет художественному раскрытию жизненных устоев народа, его обычаев, обрядов. Но вместе с тем, если в первом романе ярко выражены черты историко-революционного романа, то второму роману больше присущи черты историко-психологического романа.

В истории татарской литературы «*Зори Иртыша*» является одним из интересных эпических произведений, посвященных описанию жизни довоенной и военной татарской деревни. Сложные судьбы, изображенные в романе, великие цели, достижению которых посвятили свою жизнь главные герои произведения, отображают противоречивую эпоху в жизни страны, годы больших надежд, великих потрясений и испытаний. «*Зори Иртыша*» – это своеобразный учебник истории, который надо бы изучать во всех школах Тюменской области. Без этой книги история нашего края

будет неполной»,- так оценивает данное произведение известный тобольский журналист Г.Минасьян [Минасьян 1998: 29-30].

Автор презентует себя талантливым писателем, хорошо знающим особенности большого жанра. Произведение интересно широким охватом событий, в нем сложные события раскрываются через переплетения многочисленных сюжетных линий. Каждый герой, вводимый автором в произведение, имеет собственное лицо, свой голос, характер. Через судьбу жителей одной деревни автору удалось показать историю страны, судьбу народа. На первый взгляд, кажется, что жизнь в далекой сибирско-татарской деревне протекает размеренно, тихо, но, углубляясь в произведение, видим, что те исторические события, которые имели место в масштабе всей страны, не обходили стороной и деревню Ялан, где происходят основные действия первого романа автора.

На протяжении всех этапов развития литературы неизменным остается авторский интерес к проблеме взаимоотношений с окружающим его пространством. Художественное пространство представляет собой, по определению Ю.М.Лотмана «авторскую модель мира, выраженную на языке пространственных представлений» [Лотман 1989: 414]. Здесь можно отметить, раскрывая внутренние переживания, духовный мир своих героев, Я.Занкиев тщательно отражает среду их обитания. Изображение жизни страны в определенный исторический период на основе традиционного быта сибирских татар дало возможность автору создать особенный сибирский хронотоп.

Стоявшим у истоков изучения проблем художественного пространства М.М.Бахтиным раскрыт феноменологический смысл пространственных образов. Им введено понятие «хронотоп литературного произведения», актуализирована проблема хронотопического анализа. Созданная им теория хронотопов предполагает взгляд на пространство с точки зрения активно участвующей в нем личности. Хронотоп определяет образ человека (автора, героя) в литературе. Последний у Бахтина всегда «существенно хронотопичен», то есть, направлен на раскрытие единства произведения с воспринимаемой действительностью. Следовательно, пространство должно оцениваться исходя из авторской позиции в отношении к этому пространству и ко всему миру [Бахтин 1975: 235]. В свою очередь, индивидуальное авторское пространство включает личные переживания и их воплощение в хронотопических формах.

Исследуя художественное пространство, Б.А. Успенский вводит понятие авторской точки зрения, организующей художественное пространство как целое. Им предложено вести анализ хронотопа от имени лица «непосредственно производящего описание» [Успенский 2000: 77]. Структурно-семиотический подход к изучению художественного пространства предлагает В.Н.Топоров. Пространство, с его точки зрения, несет отпечаток авторских переживаний, рефлексий о мире.

И.В.Роднянская отмечает значение художественного времени и пространства как организующих элементов композиции произведения, обеспечивающих целостное его восприятие. Художественный образ, с точки зрения данного исследователя, направлен на воспроизведение пространственно-временной картины мира в ее символично-идеологическом аспекте.

Анализ романов Я.Занкиева позволил нам вести речь об особенностях пространственно-временной организации произведений. Обращение писателя к культурно-историческому, историко-литературному и мифопоэтическому контекстам позволяет глубже раскрыть процессы репрезентации пространственных моделей в текст, осмыслить универсальность пространственных образов и составить целостное представление об авторской картине мира.

Первая книга романа начинается с описания событий августа 1917 года. С первых же строк произведения автор знакомит своих читателей с главным героем романа – Мухамедом Уразаевым. Все сюжетные линии романа преподносятся читателю сквозь призму видения и восприятия жизни главным героем. События, рассказанные автором в самом начале произведения, способны заинтересовать читателя своей новизной: «Народу собралось видимо-невидимо, со всех сторон бегут мужчины, женщины, дети. Все оживленно разговаривают, показывая на узорчатый балкон губернаторского дома...» Роман начинается с описания отношения народа к сосланному в Тобольск царю Николаю II. Перед губернаторским домом собралось множество народа. Живая картина многоликой толпы, которая с возмущением и удивлением следит за царственными особами, описана автором мастерски. Слова невысокого, худенького человека, стоявшего рядом с главным героем, выраженные в романе такой народной мудростью: «наш царь хоть слез с коня, а с седла, кажется, не желает сходить», передают отношение народа к чрезвычайному для жителей города и его окрестностей событию. Поступок старшей дочери царя Николая Романова, которая с балкона губернаторского дома бросает мелкие монеты, заставляя народ драться и валяться в грязи, воспринимается Мухамедом как оскорбление, что чувствуется и по тону изложения материала.

Повествование о трагических днях гражданской войны, противоречивых событиях коллективизации сельского хозяйства, изображается автором через глубокое, детальное описание отдельных явлений, отголосков гражданского противостояния внутри страны и, в частности, в сибирско-татарских деревне, что делает произведение исторически значимым. «478 дней держал Колчак Тобольск в своих руках... Памятью тех лет остались на улицах виселицы, развалины домов, остатки пожарищ и копающиеся на свалках дети – беспризорники...» (С.19) Эти слова готовят читателя к восприятию сложных, до конца не понятных

событий начала XX столетия. Участие главного героя в битве с Колчаком, в отряде Белкина, которым руководил известный военачальник Блюхер, усиливает жизненность произведения, помогает воспринимать события и героя как некую реальность.

Трагедия 1921 года, связанная с засухой в стране, описывается на примере событий, происходящих в деревне Ялан. Эмоциональность языка заставляет читателей переживать эти события вместе с героями романа: «Подошла теплая долгожданная весна 1921 года... Но целый месяц нещадно палило солнце, горячие лучи высушили землю. Молодые всходы, быстро шедшие в рост, опалились, пожелтели. Погибла пшеница, а с ней все надежды людей. Летом обрушилась засуха – ни единой капли дождя. На берега Иртыша пришел голод, а вместе с ним со своей косою пришла и смерть...». (С.26)

Определенное место в произведении занимает описание противоречивых и трагичных событий коллективизации сельского хозяйства. Волна насильственной коллективизации, изменившая весь уклад жизни крестьянина, отношение его к труду, земле, докатилась до деревни Ялан к концу 1929 года. Сложные ситуации жизни, сменяющие одна другую события, держат читателя в постоянном напряжении.

Во второй книге дилогии пространственные рамки событий расширяются: параллельно с жизнью жителей деревни Ялан здесь находят отражение события, происходившие на фронтах войны. Историческая реальность войны воссоздается через судьбы многочисленных героев романа: Санию война испытывает разлукой, Шамяля – любовью, Ташкая – преданностью. И, наоборот, для некоторых героев, таких как Рахматулла, Сорокин, Канталыев, Айситдин и др. наступает время для осуществления своих коварных планов.

Реалистичность событий, описанных в романе, доказывается не только отдельными сценами, историческими эпизодами, но и всей сутью произведения, вобравшего в себя целый период жизни народа. В романе автором делается попытка определения роли народа в Отечественной войне. Историческая правда отражается и в изображении каждодневной жизни народа, и в отношении к нему самого автора. Проста, незатейлива история маленькой деревни. Здесь понятие времени воспринимается отдельными приметами, признаками: кто-то родился в год, когда сильно уродился горох, какое-то событие произошло, когда был ледоход на Иртыше, а иное было в год, когда случился повальный мор скотины... Таким образом автор подчеркивает, что великая история целого народа складывается из таких каждодневных событий.

В этом плане интересен и второй роман Я.Занкиева «Любовь, объятая пламенем». Здесь прослеживается особый подход автора к изображению исторических событий. Многие документальные факты преподносятся писателем в лирических или исторических отступлениях в

дополнение от основного сюжета произведения. События романа разворачиваются в деревенской школе. Изображение каждодневной работы деревенских учителей дает возможность автору рассказать о многих исторических событиях, документальных фактах, происходивших когда-то в Тюменском крае. Вместе с тем, писатель рассуждает о том, что многие факты и события, относящиеся к истории татарского народа, искажены, забыты, а учебники отражают ложную историю. Читая произведение, узнаем, что по официальным документам город Тобольск основан в 1587 году воеводой Даниилом Чулковым, а Тюмень – в 1586 году воеводами Сукиным и Мясной. После этих фактов автор с досадой пишет о том, что учащиеся, их родители, учитель истории, директор школы даже не могли предположить, насколько мало они знают об истории родного края. Они не были осведомлены ни о судьбе столицы сибирского ханства – Искер, которая находилась всего в 16 километрах от нынешнего Тобольска, ни об истории города Чимги-тура, расположенного на месте настоящей Тюмени. У них не было даже представления об истории своих предков. И завоеватель Ермак еще долгие годы будет считаться народным героем. В умах потомков хана Кучума, сделанных в течение многих лет манкуртами, не должно было возникать желания узнавать правдивую историю. Они слепо верили в факты, написанные в учебниках, и гордились своими знаниями. Автор глубоко понимает, что такое равнодушное отношение к своей истории приводит к самоуничтожению народа и с болью в сердце выражает негативное отношение к таким искажениям.

В лирических отступлениях, касающихся исторических событий, писатель рассказывает об известных личностях, чьи имена так или иначе связаны с историей Тобольска. Так, в романе упоминается о великом химике Д.И.Менделееве, известном композиторе А.А.Алябьеве, сказочнике П.П.Ершове, которые прославили Сибирь. Судьба связала с этой землей писателя Фонвизина, художника Знаменского; в Тобольском кладбище покоятся декабристы Кюхельбекер, Муравьев, Семенов, Башмаков, Барятинский, Вольф, Краснокутский, в заточении в тюрьмах Тобольска провели лучшие годы Чернышевский, Герцен, Достоевский, Павло Грабовский и мн. другие. Так, в виде раздумий, воспоминаний отдельных героев, исторических отступлений автор знакомит читателя с прошлым Тюменского края, что делает роман интересным, глубоким по содержанию.

Читатель обращает внимание еще на один исторический факт, связанный с городом Тобольском и очень интересно описанный Я.Занкиевым: «Это случилось в 1591 году,- пишет автор, вспоминая о далеких событиях, связанных с историей своего края,- когда страной правил царь Федор Иоаннович. Борис Годунов, рассчитывавший занять царский трон, подговаривает людей убить малолетнего наследника

престола Дмитрия». После свершившегося Мария Федоровна, увидев сына в луже крови, громко плачет и велит звонить в колокола, чтобы оповестить людей. Пономарь Федот Огурцов звонит, извлекая из колокола звуки скорби и плача». (С.12) Далее узнаем, что, оказывается, эти события также тесным образом связаны с историей Тобольска. Ошеломленный неслыханной дерзостью убийц, народ Углича собирается возле окровавленного царского наследника.

Но это, оказывается, было только началом больших событий. В Угличе двести человек, участвовавших в этих событиях, подвергаются пыткам: им отрезают язык, нос, уши, а потом убивают. Колокол весом 19 пудов и 20 футов, то есть 312 килограммов, по приказу Бориса Годунова снимают с колокольни, удаляют язык и одно ушко. Кроме того «Колокол-преступник» получает в наказание двенадцать ударов плетью, после чего его отправляют в ссылку в Тобольск. Вместе с ним ссылают тридцать тысяч человек, слушавших в тот день колокольный звон. Невинные люди пешком преодолевают тысячи километров, таща за собой огромный колокол.

Этим рассказом автор дает понять, что история России непредсказуема, необъяснима, что страной могли править беспринципные люди, не имеющие ни совести, ни чести, для которых народ – это безликая, молчаливая толпа. В связи с этим историческим фактом становятся понятнее события сталинских репрессий, которые имели несоизмеримо больший объем жестокости, нацеленной против лучшей части своего народа.

При характеристике главной героини Нурии автор романа преподносит еще один интересный факт о том, что в деревне Комешлесе живет несколько сословий населения: местные или ясачные татары, богатые казаки или служилые, а также сарты – переселенцы из Бухары. Вот им-то, сколько бы они ни жили в этих краях, земельный участок не предоставлялся. Отец Нурии, один из них, был вынужден договориться с местным жителем – дедом Чапчук, построил на его земельном участке двухэтажный дом и поселился на втором этаже, а семье деда достался первый.

Таким образом, жизнеподобие, реальность в произведениях Я.Занкиева достигается не только отдельными сценами, историческими эпизодами, но и всей сутью произведения, вобравшего в себя целую эпоху жизни народа.

Вместе с тем, присутствие в канве романа элементов авторской самотрактовки, самокомментирования, описательность, где усиливается хроникальная организация повествования, что присуще больше традициям очерковой литературы. При этом нужно отметить, что иногда в романах проскальзывает публицистический стиль, обусловленный тем, что писатель пришел в литературу через журналистику, а также стремлением

собрать воедино и отразить в литературном тексте историю народа, его образ жизни, фольклор.

То обстоятельство, что Я.Занкиев пишет романы, не имея опыта писательской деятельности, опираясь больше на свое чутье и опыт в области публицистики, несомненно отражается в качестве литературного текста. Романы имеют литературную обработку (диалогия «Зори Иртыша» обработана известным татарским писателем Аязом Гилязовым; роман «Любовь, объятая пламенем» – кандидатом филологических наук, доцентом Ф.С.Сайфулиной), что является «вмешательством извне», которое больше находит отражение в языке художественного произведения и стиле изложения материала. Но все же можно с определенностью отметить, что Я.Занкиев – мастер составления сложных сюжетных линий, автор одновременно прослеживает многочисленные сюжетные линии, его романы оставляют впечатление новизны, идейной законченности.

Литературное произведение есть выражение определенного эмоционально-мыслительного содержания, некоторого идейно-эмоционального комплекса в образной, эстетически значимой форме. Пользуясь терминологией М.М.Бахтина, можно сказать, что художественное произведение – это сказанное писателем, поэтом «слово о мире», акт реакции художественно одаренной личности на окружающую действительность.

Всесторонний анализ художественного произведения позволяет глубже понять идею, заложенную в него автором, определить цель его написания и идейно-эстетическую значимость.

Как отмечает исследователь А.Б.Есин, необходимой предпосылкой литературоведческого анализа становится «вхождение» исследователя в свой предмет и, наоборот, «принятие» художественного мира в свой внутренний мир [Есин 1998: 19]. Таким образом, по мнению литературоведа, в объект литературоведческого исследования должен быть включен не только сам художественный текст, но и те идейно-эмоциональные впечатления, которые он в исследователе вызывает.

В литературоведении последних десятилетий отмечаются негативные последствия наивно-реалистического подхода к анализу художественного произведения, который ведет к утрате эстетической специфики – произведение уже невозможно изучать как собственно художественное, то есть, в конечном итоге, извлекать из него специфически-художественную информацию и получать от него своеобразное, ничем не заменимое эстетическое наслаждение. Подобный подход к анализу произведения разрушает целостность художественного произведения и, вырывая из него отдельные частности, обедняет его. Здесь забывается система оценок и отношений самого автора, его позиции, то есть игнорируется субъективная сторона художественного произведения.

При анализе литературного произведения приходится иметь дело с такими понятиями, как тема произведения, проблема (проблематика), идея, выяснение которых во многом помогает раскрытию идейного замысла, вложенного в характеры образов-персонажей.

В учебной, справочной и научной литературе термин «тема» толкуется по-разному. «Одни понимают под темой жизненный материал, взятый для изображения. Другие – основную общественную проблему, поставленную в произведении»,- пишет Г.Л.Абрамович, склоняясь ко второму толкованию, но не исключая и первого [Абрамович 1970: 122-123]. Не игнорируя неразделимую целостность всех элементов содержания, для анализа художественного произведения нужно чётко разграничить термины «тема», «проблема», «идея». Такое разграничение было в свое время проведено Г.Н.Поспеловым и в настоящее время разделяется многими литературоведами [Поспелов 1982: 32]. В соответствии с этой традицией под темой мы будем понимать объект художественного отражения, те жизненные характеры и ситуации, которые как бы переходят из реальной действительности в художественное произведение и образуют объективную сторону его содержания. Тематика в таком понимании выступает как связующее звено между первичной реальностью и реальностью художественной, она как бы принадлежит сразу обоим мирам: реальному и художественному. Писатель выбирает из действительности наиболее характерное, усиливает эту характерность и одновременно воплощает ее в единичном художественном образе. Так создается литературный персонаж – вымышленная писателем личность со своим характером, т.е. совокупностью индивидуальных устойчивых черт личности – социальных и психологических. Кроме того, нужно иметь в виду, что «писатель никогда не воспроизводит действительность ради самого воспроизведения: уже сам выбор предмета отражения, сам импульс к творческому воспроизведению реальности рождается из личностного, пристрастного, небезразличного взгляда на мир» [Есин 1998: 6]. Таким образом, можем придти к мысли, что самым главным при анализе художественного произведения выступает вопрос не о том, что автор отразил, а о том, как он осмыслил отраженное.

При анализе тематики произведения различаются темы конкретно-исторические и вечные. Конкретно-исторические темы – это характеры и обстоятельства, рожденные и обусловленные социально-исторической ситуацией в той или иной стране; они не повторяются за пределами данного времени, будучи более или менее локализованы. Вечные темы фиксируют повторяющиеся моменты в истории различных национальных обществ, они в разных модификациях повторяются в жизни разных поколений, в разные исторические эпохи. Однако в истории литературы нередки ситуации, когда единая тема органически объединяет в себе как конкретно-исторические, так и вечные аспекты, равно важные для

понимания произведения. Внимание к вечным аспектам тематики очень важно в методологическом и методическом смысле, ибо позволяет изменить угол зрения на предмет, дополнить традиционный социологический подход пониманием универсального, общечеловеческого содержания произведений.

В современном мире, когда во всех областях общественного сознания актуализируются общечеловеческие, общегуманистические, вечные ценности, эта задача становится чрезвычайно важной. При анализе конкретно-исторической темы надо видеть не только социально-историческую, но и психологическую определенность характера. В практике анализа приходится сталкиваться с произведениями, в которых не одна, а много тем. В основном, главная тема связана с образом центрального героя, с его социальной и психологической определенностью. В других случаях единая тема как бы проходит через судьбы ряда персонажей.

Рассматривая в этом ключе произведения Я.Занкиева, можем также проследить разнообразие тематики, собранной воедино с помощью образа главного героя и многочисленных героев второго плана. В дилогии автора основная тема, связанная с главным героем Мухамедом, может быть определена как отражение жизни и деятельности учителя-просветителя на селе. Но наряду с центральной темой, в произведении находят отражение еще множество тем. Одной из них можно считать тему труда и выживания сельского жителя в Сибири в условиях политических и экономических катаклизмов, происходивших в стране в 1917-1945 годы. Под пристальным взором автора не остается в стороне судьба мирного человека, попавшего на войну, а также жизнь деревни в тылу и связанная с этим обстоятельством тема взаимоотношений народа и власти. В дилогии автор также зорко следит за становлением характеров молодых людей довоенных лет, раскрывая при этом вечные темы любви и дружбы, преданности и предательства, выясняя отношения отцов и детей. Таким образом, мы можем вести речь о соединении в романах Я.Занкиева тем конкретно-исторических и вечных.

Выбор автором основной темы романа не случаен: около 45 лет своей жизни посвящает Я.Занкиев любимой работе – преподаванию в школе и воспитанию подрастающего поколения. В то же время писатель всю жизнь хранит чувство огромной благодарности к своим учителям М.Урамаеву, З.Бекшеневу, Х.Ильясову, В.Ахметову, Ф.Галиакберовой. До конца своих дней он вспоминает их имена с любовью и трепетным волнением. Для будущего писателя они были образцом в жизни, эталоном преданности избранной профессии, и это сыграло немаловажную роль в становлении Якуба Камалиевича как учителя, толкнуло написать произведения, в которых главными героями стали простые деревенские учителя. Не случайно в романе «Зори Иртыша» многие герои романа –

молодое поколение яланцев – Юсуф, Маулия, Сарвар получают профессию учителя и также посвящают себя этой трудной работе.

При анализе художественного произведения нельзя оставить вне поля зрения проблематику произведения. Под проблематикой в литературоведении принято понимать область осмысления, понимания писателем отраженной реальности. Эта сфера, в которой проявляется авторская концепция мира и человека, где запечатлеваются размышления и переживания писателя. Проблематику можно назвать центральной частью художественного содержания, потому что в ней, как правило, и заключено то, ради чего мы обращаемся к произведению – неповторимый авторский взгляд на мир. При этом центральная проблема произведения часто оказывается его организующим началом. Естественно, что проблематика требует повышенной активности и от читателя: если тему он принимает как данность, то по поводу проблематики у него могут и должны возникать собственные соображения.

Вопросы типологии художественной проблематики стали разрабатываться литературоведами довольно давно. Разграничение некоторых типов проблематики и их описание можно найти в работах Гегеля, Белинского, Чернышевского и мн. др. По типологии М.М.Бахтина они различались, прежде всего, по тому, как подходит автор к пониманию и изображению человека [Бахтин 1975: 447-483]. Н.Г.Поспелов выделяет четыре типа проблематики: «мифологическую», «национально-историческую», «нравоописательную» и «романическую». В современном литературоведении принято понимать данные типы в более широком и не социологизированном плане. Поскольку они не могут исчерпать всего проблемного многообразия литературы, литературоведы выделяют еще один тип проблематики – «философскую».

В литературоведении «национально-историческую» проблематику принято называть больше национальной, где важнейшей является проблема сущности национального характера – более глубинная, нежели проблема внешнего исторического бытия нации, народа. Образ М.Уразаева, созданного Я.Занкиевым в романе «Зори Иртыша», можем также рассматривать в рамках проблемы «национального» героя, так как он содержит в себе характерные черты человека, вышедшего из определенной национальной среды, воспитанного в духе национальных ценностей татарского народа. Он почитает старших, уважает человека труда, бережно относится к народным преданиям и легендам, вносит свою лепту в их сохранение. Второй по значимости герой романа – жена Мухамеда Саня представлена автором (особенно это выделяется во второй книге романа) как типичная татарка-мусульманка, воспитанная на традициях ислама. Автором отмечается, что именно это обстоятельство подтолкнуло ее на выбор профессии врача, так как в ней с детства воспитывались такие качества характера, как милосердие, помощь слабым,

обездоленным, отвергнутым. Данные черты характера героини романа играли решающую роль в разных сложных ситуациях, предполагающих сиюминутное решение или выбор.

Тип «романической» проблематики, которую часто называют «романной», также интересует нас при анализе произведений Я.Занкиева. Важнейшая проблема романного мышления – проблема личности. В центре внимания автора в таких произведениях – раскрытие идейно-нравственной сущности характера. Идеино-нравственные искания героев романа Я.Занкиева носят не случайный, а сознательный характер. Часто они связаны с душевными драмами, страданиями, трагизмом. Особенностью этой проблематики является то, что герой пропускает чужие точки зрения через свое сознание: это, прежде всего, внутренняя работа души и мысли, часто спор с самим собой – внутренний монолог.

Если рассматривать романы Я.Занкиева с этих позиций, при их анализе обращают на себя внимание (особенно во второй книге произведения) раздумья Уразаева по поводу своих взглядов на мир, историю страны, воспитание подрастающего поколения. С особой болью в душе он признается в том, что его убеждения по поводу могущества Советской страны ошибочны, а взгляды на воспитание молодого поколения небезупречны.

Таким образом, эти и другие примеры дают возможность рассуждать о сочетании в романах Я.Занкиева идейно-нравственной и национальной проблематики.

При анализе художественного произведения учеными обнаруживается одна теоретическая тонкость: отражение первичной реальности в литературном произведении не является тождественным самой реальности, носит условный, не абсолютный характер. При этом одно из условий творческой деятельности состоит именно в том, чтобы изображенная в произведении жизнь воспринималась читателем как «настоящая», подлинная, т.е. тождественная первичной реальности. На этом основан эмоционально-эстетический эффект, производимый произведением на читателя.

Литературное произведение, с одной стороны, самодостаточно и замкнуто в самом себе, а с другой – разными гранями соприкасается с внетекстовой действительностью – контекстом. Под контекстом, в широком смысле слова, понимается вся совокупность явлений, связанных с текстом художественного произведения, но в то же время внеположных ему. Различают контекст литературный – включенность произведения в творчество писателя, в систему литературных направлений и течений; исторический – социально-политическая обстановка в эпоху создания произведения; биографическо-бытовой – факты биографии писателя, реалии бытового уклада эпохи, сюда же относятся обстоятельства работы писателя над произведением и его внехудожественные высказывания.

Вопрос привлечения контекстуальных данных к анализу художественного произведения в современном литературоведении решается неоднозначно. В ряде случаев вне контекста вообще невозможно понимание литературного произведения, а в других случаях привлечение контекстуальных данных необязательно, а иногда и нежелательно. Обыкновенно сам текст содержит в себе прямые или косвенные указания на то, к какому контексту следует обращаться для его правильного понимания.

Изучение исторического контекста – наиболее часто используемый прием при анализе художественного произведения. Хотя, как считают некоторые ученые, исторический контекст не всегда обязателен. При анализе художественного произведения нужно ли расширять и углублять фоновые знания контекста для адекватного понимания произведения? Решение этого вопроса подсказывает сам текст и, прежде всего, его содержание. В том случае, когда перед нами произведение с ярко выраженной вечной, вневременной тематикой, привлечение исторического контекста оказывается бесполезным и ненужным, а временами и вредным, поскольку искажает реальные связи художественного творчества с исторической эпохой.

Привлечение более широкого литературного контекста, то есть творчества предшественников и современников автора, также помогает раскрытию сути произведения. Сопоставления, сравнения с героями других произведений позволяют с большей убедительностью говорить об оригинальности содержания и стиля романа данного автора.

Свои творческие искания Я.Занкиева начинает сравнительно поздно, уже прожив добрую половину своей жизни. Поэтому его произведения воспринимаются неким результатом, анализом прожитой им жизни. Время написания первой книги романа-дилогии «Зори Иртыша» является переломным этапом, периодом исканий в татарской литературе.

С одной стороны, в литературе глубоко укоренились требования метода социалистического реализма. На страницах литературно-критических журналов обсуждается вопрос о «положительном» или даже «идеальном» герое. Отталкиваясь от определения, данного русским писателем М.Алексеевым, например, писатель И.Гази заявляет: «идеальный герой – близкий мне, верный моим идеалам человек, он мой единомышленник, товарищ. <...> У него могут быть какие-то недостатки. Но он человек нашей идеи, его направление – наше направление, его поступки служат нашим целям. К тому же, он человек общественный... человек, который, засучив рукава, работает в социальной жизни общества...» [Гази 1984: 57]. За положительный герой в татарской литературе ратовали также Г.Баширов, М.Амир, Г.Апсалямов и др. известные писатели.

Анализируя литературное произведение, написанное в данный период, нужно иметь в виду, что потенциал литературного характера, прежде всего, определяется теми возможностями, которыми располагает система механизма социалистического реализма. При этом нельзя упускать из вида то, что положительный во всех отношениях герой желателен был и в действительной жизни. Именно таким представлялось идеальное общество, где ведущую силу составляли бы суперперсонажи, которые легко могли бы преодолеть любые трудные обстоятельства. Модель идеального общества автоматически снимает с себя многие противоречия, облегчая тем самым обстоятельства для действий персонажа. В подобных случаях конфликты притушевываются, устраняется острота противоречий, что сводит к минимуму выход отрицательной реакции, которая, в свою очередь, связана с отрицательными чертами характера. Во многих случаях проявление таких черт исключается. На передний план выходит необходимость [Салихов 1999: 28]. Официальная критика того времени требовала от писателей именно таких героев, и они, естественно, создавались.

Но в то же время уже в годы войны были написаны произведения Ф.Хусни, А.Еники, с доминантой психологического анализа, в 1960-80 годы увидели свет повести и романы Х.Сарьяна, Н.Фаттаха, А.Гилязова, создана галерея «бесподобных образов» М.Магдиева, творчество которого является предвестником заката социалистического реализма. На литературную арену вступил новый герой, не претендующий на главную позицию в литературе. Его герои предвещали надвигающийся кризис социалистического реализма. Творения таких писателей, как А.Еники, А.Гилязов, Н.Фаттах, А.Баянов, Т.Миннуллин создали совершенно новую концепцию героя.

Я.Занкиев начинает свое творчество, в основном, в духе соцреализма, создавая в центре своего произведения образ традиционного положительного героя – учителя М.Уразаева – правдоискателя, честного, справедливого и совестливого человека. Можем отметить, что выбор профессии главного героя не является случайным. Зная, что профессия учителя одна из гуманных профессий в мире, читатель может сразу же предположить, что в романах Я.Занкиева главным является идея гуманизма, служения добру. Будучи учителем, по профессии и призванию, автор романа сам искренне верил в победу добра над злом.

Долгое время в литературоведении было общепринято, что биография писателя, его жизненный опыт – главный и очень значимый источник его творчества. В произведениях прямо или косвенно можно увидеть оценку автором своего времени, взгляд на отдельные проблемы и особенности подхода к решению тех или иных вопросов. Как отмечают современные ученые, разговор о литературе может переходить в разговор о самой жизни – в этом нет ничего неестественного или принципиально

несостоятельного, ибо литература и жизнь не разделены стеной. Однако при этом важна методологическая установка, не позволяющая забывать об эстетической специфике литературы, сводить литературу и ее значение к иллюстрации.

Сказанное выше об использовании исторического контекста при анализе художественного произведения с большим основанием можно сказать и о контексте биографическом. Некоторые литературоведы считают, что лишь в редчайших случаях он нужен для понимания произведения. «В основном, привлечение биографического контекста не только бесполезно, но зачастую и вредно, так как сводит художественный образ к конкретному факту и лишает его обобщающего значения» [Есин 1998: 233].

Вместе с тем, анализируя романы Я.Занкиева, можем отметить, что они являются отражением событий, увиденных и пережитых когда-то самим автором. Реальные события, жизненные образы-персонажи помогают воспринимать и понимать мир в реальной действительности. Но нужно учитывать и то обстоятельство, что автор воссоздает собирательный образ сибирско-татарского народа, раскрывая общие особенности его характера, менталитета всего народа, при выражении которого важную роль играют творческая фантазия автора, обобщения, типизация событий и образов.

Поскольку только само произведение может за себя говорить, ход анализа романа и все выводы должны выстраиваться соответственно, вырастать из самого произведения. Иногда в решении сложных и спорных вопросов интерпретации литературного текста ученые-практики часто склонны прибегать к суждению самого автора о своем произведении, причем этому аргументу придается, безусловно, решающее значение. Но в истории литературы много примеров, где существуют большие расхождения между объективным смыслом текста и его авторской интерпретацией. Но это объяснимо: произведение всегда богаче смыслом, чем его исходный материал, т.е. замысел автора. Как в свое время очень точно подметил Н.А.Добролюбов: «Для нас не столько важно то, что хотел сказать автор, сколько то, что сказалось им, хотя бы и ненамеренно, просто вследствие правдивого воспроизведения фактов жизни» [Добролюбов 1952: 29].

Исходя из этой мысли, попытаемся проанализировать замысел романа Я.Занкиева и его суть. «...В наше время велика была роль учителя в деревне. Когда увиденное и пережитое мной за всю жизнь уже много лет не давало мне душевного покоя, к счастью, в наши края приехали из Казани несколько писателей. Общение с Ф.Хусни, Ш.Галиевым, А.Гилязовым перевернуло всю мою жизнь. Появилось желание написать произведение, посвященное учителям, о жизни сибирских татар, об их традициях и обрядах. Эта мысль не давала мне покоя в течение сорока лет,

и в результате появилось это произведение...» [Занкиев 1994: 671]. Многие исследователи литературы края, опираясь на эту фразу, сказанную самим автором, идейный замысел романа определяют как повествование о жизни деревенских учителей довоенных лет. Но, анализируя дилогию, можем убедиться в том, что эта мысль очень узка, не передает всю суть литературного творения автора. Главной причиной расхождения художественного смысла и авторской интерпретации является несовпадение художественного мирозерцания и мировоззрения писателя, которые нередко вступают в противоречие и редко полностью совпадают. Мировоззрение логически и понятийно упорядочено, мирозерцание же опирается на непосредственное чувство художника, включает в себя эмоциональные, иррациональные, подсознательные моменты, в которых человек просто не может отдать себе отчет.

Теоретическое литературоведение довольно давно осознало опасность обращения к внехудожественным высказываниям автора для уяснения смысла произведения. Вспомним цитированную выше мысль автора романа и обратимся к высказыванию А.П.Скафтымова, который подчеркивает: «Стороннее свидетельство автора, выходящее за пределы произведения, может иметь только наводящее значение и для своего признания требует проверки теоретическими средствами имманентного анализа» [Скафтымов 1988: 173-174]. Как бы развивая эту мысль, литературовед А.Б.Есин пишет: «В идеале литературовед обязан давать полноценный анализ художественного текста, совершенно не прибегая к внетекстовым данным, которые в любом случае являются вспомогательными. Однако в ряде случаев обращение к внехудожественным высказываниям автора может оказаться полезным, в первую очередь, в плане изучения поэтики» [Есин 1998: 238].

В связи с этим нужно для себя уяснить значение понятия «автор» и роль образа автора в произведении. Многие ученые-литературоведы пытаются дать определение термину «образ», в основном их мысль сводится к следующему: «...конкретная и в то же время обобщенная картина человеческой жизни, созданная при помощи вымысла и имеющая эстетическое значение» [Тимофеев 1976: 60]. Определению данного термина уделено внимание в многочисленных трудах ученых-литературоведов, таких как, Л.И.Тимофеев, Г.Н.Поспелов [Поспелов 1956: 259-267], В.Е.Хализев [Хализев 2002: 113], Ф.М.Хатилов [Хатилов 2002: 146] и мн. др. Образ автора в литературоведении употребляется в нескольких связанных, но в то же время относительно самостоятельных значениях. В первую очередь, нужно провести грань между автором реально-биографическим и автором как категорией литературоведческого анализа. Во втором значении мы понимаем под автором носителя идейной концепции художественного произведения. Он связан с автором реальным, но не тождественен ему, поскольку в художественном произведении

воплощается не вся полнота личности автора, а лишь некоторые ее грани. Более того, автор художественного произведения по впечатлению, производимому на читателя, может разительно отличаться от автора реального. При рассмотрении категории автора в литературоведческом анализе мы абстрагируемся от биографии реального автора, его публицистических и внехудожественных высказываний и т.п. и рассматриваем личность автора лишь постольку, поскольку она проявилась в данном конкретном произведении, анализируем его концепцию мира, мировидение.

Произведения Я.Занкиева в свое время многими читателями оценивались как автобиографические. Даже поверхностное знакомство с романом «Зори Иртыша» дает возможность придти к мнению о том, что основные события, разворачивающиеся в романе, происходят на берегах Иртыша, в деревне Ялан, прототипом которой принято считать родную деревню писателя Хужайлан (Хужа яланы – налицо и заметное созвучие названий). Современники писателя, люди, близко знавшие самого автора и являвшиеся свидетелями многих событий, описываемых в романе, подтверждают подлинность сюжетных линий, которые легли в основу фабульной канвы романа. Неудивительно, что некоторые герои романа узнаваемы, особенно те, которые наделены характерными чертами самого автора, их поступки и переживания напоминают читателю судьбу писателя.

В литературоведении идейный мир – это область художественных решений, своего рода «завершение» художественного содержания произведения, где раскрывается авторское отношение к миру и к отдельным его проявлениям, авторская позиция. Здесь утверждается или отвергается определенная система ценностей. Главная идея романа-дилогии «Зори Иртыша» явственно подчеркивается в конце произведения через образ молодой вдовы Зоси, которая с ребенком на руках возвращается на родину своего мужа Шамиля. Из ее уст читатель слышит просьбу к Мухамеду показать ей рассвет на Иртыше. Через этот эпизод автор проводит великую философию продолжения человеческого рода. Несмотря на войны, потери жизнь на земле вечна. На место погибших на войне поднимутся их дети, внуки: продолжение Шамиля – в его сыне, душа Салимы повторится в дочери Гульчачак.

В романе автор поднимает и по-своему решает глобальную проблему устройства жизни крестьянства в послевоенные годы. Изображая жизнь родного края, не всегда выставляя напоказ свою позицию, автор оставляет читателю место для раздумий и выводов. «...в философии жизни Я.Занкиева война показана одновременно и как не менее страшный, чем смертельная бойня на фронте, природный катаклизм. И хотя ко всему привыкает оставшийся в живых человек, у нас, в Сибири, в особой антропогенной и геоклиматической зоне лишь народная общность,

солидарность людей труда помогли яланцам выдержать двойное лихо», - размышляет литературовед В.Рогачев [Занкиев 1998: 3-12].

На этом фоне писатель ставит и по-своему новаторски решает давнюю и очень важную проблему – проблему взаимоотношений народа и власти. Тяжелую ношу ответственности за судьбу жителей Ялана, за своих близких через всю жизнь пронесли Уразаев, Давлетша-ака, Салима, Гизатбану... И надорвались, ибо сталинский режим, особенно на районном уровне, был очень суров по отношению к честным, справедливым людям. Но и народ не всегда понимал таких людей, часто даже в их среде находились предатели. Так случилось с Давлетша-ака, который на свой страх и риск раздал зерно за трудодни изголодавшимся колхозникам. Нашелся один человек, который донес об этом в район, представив ситуацию совсем в другом свете. Подобная же ситуация прослеживается и в повести М.Магъдеева «Кеше *китэ – жыры* кала» («Человек уходит – песня остается»), где председатель Тимерхан раздает зерно односельчанам, скрывая от районных начальников. Эти сходные ситуации свидетельствуют о типичности данного поступка.

Исходя из анализа второй книги дилогии, можем сделать вывод о том, что тема войны во второй книге дилогии – основная тема. Здесь отразилась вся жуткая правда о ней: достоверно изображены мучительные колебания Мухамеда, когда его часть и примкнувшие к ней пехотинцы со старшиной, попав в окружение, обнаружили предателя. Солдаты верят в справедливое решение Уразаева: он не из таких, кто будет проливать их кровь ради того, чтобы самому выжить. Мухамед, имеющий богатый жизненный опыт и опыт гражданской войны, находит правильное решение – приговаривает предателя к смерти. Интересна сцена, в которой Уразаев спасает своих бойцов от верной гибели, когда те могли просто замерзнуть во сне. Он предлагает солдатам простой и жизненный выход из данной ситуации: чтобы выжить, нужно спать, прислонившись к дереву.

С эпической силой показана в романе история смерти Сании, любимой жены Мухамеда, – единственной из военврачей не бросившей раненых и попавшей немцам в плен. Ее судьба в плену напоминает народные сказания о женщине-матери, которая даже в нечеловеческих условиях фашистских лагерей старается передать материнское тепло обездоленным детям и умирает во имя спасения ребенка.

Гибнет на войне Шамиль, сын Мухамеда. Его батарея перепилась, найдя цистерну со спиртом, специально оставленную гитлеровцами. Впервые в нашей литературе Я.Занкиев показывает жуткий разгул стихии, жестокость пьяных солдат с оружием в руках. Мы видим, что сама система организации этого воинства заранее ставила любого молодого лейтенанта в трагическую ситуацию.

Литературоведы считают, что сопоставление исследуемого произведения с другими произведениями того же автора научно,

поскольку тогда четче вырисовываются закономерности, присущие творчеству писателя в целом, его тяготение к определенной проблематике, своеобразие стиля.

В романе «Любовь, объятая пламенем», написанном в последние годы жизни, автор остается верным однажды выбранной теме. И здесь главным героем произведения является сельский учитель, посвятивший себя школе. Тот факт, что в самом начале романа главный герой произведения Зиннур, окончив перед войной физико-математический факультет Тюменского учительского института, возвращается в родную школу учителем, дает возможность соотнести образ героя с самим автором. И сам Якуб Камалиевич, который был назначен учителем начальных классов в свою родную школу сразу после окончания ШКМ г. Тобольска, в 1935 году успешно оканчивает педтехникум, с целью продолжения учебы, получения высшего образования поступает на физико-математический факультет Тюменского учительского института и перед самой войной успешно заканчивает его.

Так, в самом начале произведения читатель готовится к восприятию событий, пережитых самим писателем. Вскоре Зиннур становится завучем, чуть позже – директором школы, что тоже соответствует первым самостоятельным шагам в любимой профессии самого писателя. Старания героя заинтересовать своих учеников предметом и полезными делами, как, например, организация фотокружка, также напоминают начало трудовой деятельности самого автора. Позже, в областной татарской газете свои воспоминания о первых шагах в самостоятельную жизнь, о работе в школе автор пишет в очерке «*Күкрәнде – күлләр иле*» («Кукренде – страна озер»): «Годы работы в деревне Кукренде (д. Чебурга Тобольского района Тюменской области) для меня были школой жизни: я здесь у Зариф-ага научился играть на гармонии, увлекался игрой на мандолине, выписал из Ленинграда фотоаппарат и все нужные для этой работы материалы – научился фотографировать. Фотографировал пейзажные виды озера, своих учеников, деревенских жителей. Не ошибусь, если скажу, что основной работе – учить детей, относиться к ним по-человечески – учился у Вагап абый Ахметова». (Вагап Ахметов – отец ученого-фольклориста Флоры Вагаповны Ахметовой-Урманче) [*Зәңкиев 1993: 3*].

Особое место в романе «Любовь, объятая пламенем» занимают образы Зиннура и Нурии, которые являются отражением неповторимых, знаковых судеб. Через образы этих героев автор продолжает тысячелетнюю традицию изображения в татарской литературе преклонения перед чувством любви, дарованной людям. Автор отдает дань уважения влюбленным, которые смогли сохранить это возвышенное чувство, остались честны перед самими собой и друг другом. Он еще раз напоминает читателю о том, что только такое взаимное чувство имеет

созидательную силу, дает веру и помогает выжить в трудных испытаниях жизни.

Произведения Я.Занкиева выделяются многособытийностью, которые растянуты во времени и пространстве. Привлекает к себе внимание стремительное начало произведения, быстрая смена событий. Но в то же время события эти тесно переплетены друг с другом, взаимозависят и взаимовлияют друг на друга. Когда вспотевший, но очень довольный своим приобретением, Зиннур, взвалив на себя два мешка, забитых учебниками на татарском языке, пройдя с этим грузом через весь город, прибегает к пристани, выясняется, что он еле успел на последний в этом сезоне теплоход. Читатель облегченно вздыхает. Но испытания не заканчиваются на этом, по пути домой его ждёт еще масса неприятностей. Глубокой ночью, теплоход, тащившийся полночи от города до деревни Комешле со скоростью черепахи, останавливается, чтобы высадить Зиннура, где-то за два-три километра дальше от его деревни. Прошагав по покрывшемуся льдом трапу несколько шагов, он падает в ледяную воду, но перед этим успевает выбросить свою ценную ношу на берег. Не найдя дороги, насквозь промокший учитель проводит ночь в стогу сена, на который, к счастью, наткнулся, когда во тьме искал для себя хоть какие-то ориентиры. Наутро герой просыпается от волчьего воя... Таким образом, автору удается держать читателя в постоянном напряжении, так поддерживается интерес к фабуле произведения.

Описываемый в самом начале произведения процесс подготовки сена для единственной коровы родителей чуть позже оборачивается большим испытанием в жизни героя, которое меняет весь его внутренний мир, изменяет взгляды на жизнь. Арестованный за кражу колхозного имущества по доносу бригадира, Зиннур в первый раз сталкивается с невежеством властей и их равнодушием к людям. Он теряет веру в искренность людей. С другой стороны, эта история помогает ему оценить силу верности и дружбы: только благодаря преданным друзьям и честным людям он избегает тюрьмы. Это событие становится переломным в судьбе героя, он теряет радужные ориентиры в жизни: рухнули ценности, в которые он верил. Психологические размышления героя о несправедливости властей приводят к разочарованиям и неверию. Выводы даются как результат размышлений самого автора, который в конце жизни пересматривает всю систему ценностей и жизненных ориентиров. Но эти испытания, с другой стороны, усиливают веру героя в такие чувства, как любовь и верность. Тем и сильны главные герои романа, что они через все испытания смогли пронести человеческие качества, такие, как милосердие и добропорядочность, любовь и преданность.

Таким образом, анализ произведений Я.Занкиева дает возможность осмыслить созданную сибирско-татарским писателем пространственную модель сибирского края. Сибирь в творчестве Я.Занкиева – это не

бесприютные, пустые расстояния, каким может приставляться картина Сибири на первый взгляд, а вполне живое, наполненное кипящими страстями пространство, со своей историей, представляемой автором как полноводный Иртыш. Автор в романах отражает свое единство с этим краем, его историей. Так, в творчестве Я.Занкиева проявляется личностная и региональная идентификация т.е. самоидентификация автора через познание пространства Сибири.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ

ТЕМА 1 (4ч.)

Типология персонажей в романах

Я.Занкиева «Зори Иртыша» и «Любовь, объятая пламенем»

- Раскрыть вопрос о герое, изображение его как определенного типа своей эпохи на примере героев романов Я.Занкиева.
- Проблема прототипов в анализируемых романах.

ЛИТЕРАТУРА:

Иртеш тацнары: роман / Я.К.Занкиев. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1994. – 671 б.

Кайчыколак /Я.К.Занкиев. – Төмән, 1994. – 61 б.

Ялкында өтелгән мэхәббәт: роман / Я.К.Занкиев. – Төмән: Вектор Бук, 1999. – 312 б.

Сайфулина Ф.С. Формирование и развитие татарской литературы Тюменского региона. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – 296с.

Хализев, В.Е. Теория литературы: учебник / В.Е.Хализев. – М.: Высш. шк., 2002. – С.68-69.

Хатипов, Ф.М. Әдәбият теориясе: югары уку йортлары, педагогия училищелары, колледж студентлары өчен кулланма / Ф.М.Хатипов. – тул. 2-нче басма. – Казан: Раннур, 2002. – 352 б.

ТЕМА 2 (4ч.)

Функции портрета, пейзажа и художественных деталей в романах Я.Занкиева

Задание: Интерпретируйте мысль В.Е.Хализева: «Мир произведения – это художественно освоенная и преображенная реальность. Наиболее крупные единицы словесно-художественного мира – персонажи, составляющие систему, и события, из которых слагаются сюжеты. ... Мир включает в себя, далее, то, что правомерно назвать компонентами изобразительности: акты поведения персонажей, черты их наружности (портреты), явления психики, а также факты окружающего людей бытия» [Хализев 2002: 195] на примере романов Я.Занкиева.

ЛИТЕРАТУРА:

Иртеш тацнары: роман / Я.К.Занкиев. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1994. – 671 б.

Кайчыколак /Я.К.Занкиев. – Төмән, 1994. – 61 б.

Ялкында өтелгән мәхәббәт: роман / Я.К.Занкиев. – Төмән: Вектор Бук, 1999. – 312 б.
Сайфулина Ф.С. Формирование и развитие татарской литературы Тюменского региона.
– Тюмень: Вектор Бук, 2007. – 296с.

ТЕМА 3 (4ч.)

Отражение сибирско-татарского фольклора в романах Я.Занкиева

- Раскрыть роль легенд и преданий (“Сүзге турында легенда”, “Алтын Мөгез утравы турында легенда”, “Ана хагы турында легенда”), отраженных в романе Я.Занкиева “Зори Иртыша” в раскрытии художественного замысла романа.
- Образ Кучум-хана, созданный в романе на основе легенд и преданий.
- Роль легенд и преданий в раскрытии отношений человека с миром природы.

ЛИТЕРАТУРА:

Безертинов Р.Н. Тэнгрианство – религия тюрков и монголов. Набережные Челны: Мирас.- 1996.

Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань: Таткнигоизд., 1993.

Гарифуллин И.Б. Мухаммед. Ислам в Сибири. Кучум и Сузге в народных преданиях. По страницам истории сибирских татар. Тюмень, 1993.

Садыков К.С. Отражение обычаев, обрядов и традиций Сибирских татар в романе Я.К.Занкиева “Иртеш таңнары” //Жизнь и творчество педагога и писателя Я.К.Занкиева. Материалы областной научно-практической конференции, посвящен. 80-летию со дня рождения.–Тобольск,1998.- с.33-37.

Садыков К.С. Некоторые обряды и обычаи сибирских татар//Сибирские татары. Материалы 1-го Сибирского симпозиума “Культурное наследие народов Западной Сибири”. Тобольск: ТГИАМЗ. 1998.-с.145-147.

Сайфулина Ф.С. Формирование и развитие татарской литературы Тюменского региона.
– Тюмень: Вектор Бук, 2007. – 296с.

ТЕМА 4 (4ч.)

РОЛЬ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК В РАСКРЫТИИ ГЕРОЕВ РОМАНОВ Я.ЗАНКИЕВА

- **Выявить смысловую нагрузку пословиц и поговорок** «Су чокырга жыела» (С.516); «Ат аунаган жирдә төк кала» (С.432); «Чүбек чәйнәп май чыгарып булмый». (С.645); «Яшьлегенә кара тап булып яткан» (С.492) – береги честь с молодую; «*Ут бар жирдә төтен чыкмыйча калмый*» (с.326) – нет дыма без огня; «*Бер атканда ике куян гына түгел, очәү кирәк аңа, дүртәү*» (С.154) – одним выстрелом не два зайца, а три, четыре; «Боз бер кузгалса, бөтен елганы алып китә» (С.285) – лед тронется, вся река потечет;
- «Атылмаган аюның тиресен бүлешеп ятабыз» (С.492) – делить шкуру неубитого медведя; «Тимерне кызганда сук» (С.609) – куй железо пока

горячо; «Бүре баласын бүреkkә салсаң да, урманга карый» (С.604) – сколько волка не корми, все в лес смотрит; «Чалгысы ташка эләкте» (С.345) – нашла коса на камень; «Без капчыкта ятмый» - шило в мешке не утаишь и др.

- «Тот Ирteш өстендә дулкынны» (С.52), «Корыган сазга сукуыр кәжә, таш мәчеткә агач мулла» (С.62), «Вақытында урагын урырга кирәк» (С.95), «Уттан ерак, судан сак, яманнан читтә бул» (С.110), «Тигәнгә тиен башы, тимәгәнгә куян башы» (С.113), «Ай күрдә, кояш алды» (С.58), «Тисә тиенгә, тимәсә ботакка» (С.603), «Жилгә жибәреп йөрү» (С.286), «Авызга капкан суны озак тоту» (С.594), «Тотырганнар кәжәгә кәбестә бакчасын» (С.637), «Үзәге черек агачны аудару берни түгел» (С.64) и др.
- Сравнения, метафоры, эпитеты в произведениях Я.Занкиева, их роль в раскрытии неповторимых характеров героев: *«Зиннурның кәгазендә күрсәтелгән сул як әңирләрдә печән дигәнең бик сирәк, кәжә сакалы кебек әңилфердәп утыра, ерак та түгел сазлыклар башланадыр»* (с.9); *«...тычканга ташланырга әзерләнгән мәче кебек атлый»* (с.11); *«Бик гайрәтләнеп пошкырып торды-торды да, парларын чыгарып, тәгәрмәч калакларын шапылдагып, кузгалып киткән тимер айгыр тиздән иске тагарактай сабырланып калды, ташбакабай әкрен генә үрмәли башлады»* (с.39); *«Күзләре бездәй кадала егетнең: бусыннан котылса, моннан да яманрак эшләр планлаштыра булыр әле ул»* (с.51); *«Аннан туктатам димә инде син гайбәтне, бик тиз үрмәли, үрчи бит ул яман-ялган хәбәр. Яңадан үзеңә әйләнеп кайтканчы, чүпрәгә баскан камырдай арта, күперә ул»*. (с.57); *«Шуннан соң Өннәш белән Туйбикәнең дуслыгы пычак белән кисеп ташлагандай өзелде»* (с.114).

Литература:

Иртеш таңнары: роман / Я.К.Зәнкиев. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1994. – 671 б.

Кайчыколак / Я.К.Зәнкиев. – Төмән, 1994. – 61 б.

Ялкында өтелгән мәхәббәт: роман / Я.К.Зәнкиев. – Төмән: Вектор Бук, 1999. – 312 б.

Садыков К.С. Некоторые обряды и обычаи сибирских татар//Сибирские татары. Материалы 1-го Сибирского симпозиума “Культурное наследие народов Западной Сибири”. Тобольск: ТГИАМЗ. 1998.-с.145-147.

Сайфулина Ф.С. Формирование и развитие татарской литературы Тюменского региона. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – 296с.

ТЕМА 5 (4ч.)

Темы для рефератов

- *Лирик герой в поэзии Булата Сөләйманова.*
- *Сибирь в поэзии Булата Сөләйманова и Шауката Гадельши.*
- *Философская лирика Б.Сулейманова.*
- *Поэтика стихов Булата Сөләйманова.*
- *Общественная и литературная деятельность Б.Сулейманова.*
- *Традиции и новаторство поэзии Ш.Гадельши.*
- *Народные поверия и обряды в романах Я.Занкиева.*

Литература:

- Мин себер татарымын: шигырьләр, хикәяләр, мәкаләләр / Б.Сөләйманов; Н.Йсыпованың кереш сүзе. – Екатеринбург: СВ-96 нәшр., 1998. – 256 б.
- Сибирские татары - кто они? // Тюм. правда. – 1986. – 16 июля.
- Монолог строителя; Зовущие струны // Урал. следопыт. – 1986. – №7. – С.2.
- Если я не вернусь из рейса: пер. с тат. В.Журкова // Тюм. комсомолец. – 1986. – 26 окт.
- Сибирские татары – кто мы?: из истории Сибирских татар // Тюменская правда. – 1988. – 22 июня.
- Нет языка – нет и народа // Тюмень литературная. – 1990. – №3. – С.14-15.
- Хатипов, Ф.М. Әдәбият теориясе: югары уку йортлары, педагогия училищелары, колледж студентлары өчен кулланма / Ф.М.Хатипов. – тул. 2–нче басма. – Казан: Раннур, 2002. – 352 б.
- Сайфулина Ф.С. Герои и образная система романов Якуба Занкиева // Этнокультурное пространство региона и языковое сознание: научно-практическая конференция: Материалы в 2ч. Ч.2.- Тюмень: ТюмГУ, 2006.- С.139-145.
- Сайфулина Ф.С. Литературное краеведение: Отражение татарского фольклора Тюменского края в литературных произведениях М.: Вопросы филологических наук, 2006.- №5 (22).- С.35-39.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Ф.С. Сәйфулина

Б.СӨЛӘЙМАНОВНЫҢ ПЕЙЗАЖ ЛИРИКАСЫНДА СЕБЕР-КАЗАН БӘЙЛӘНЭШЛӘРЕ ЧАГЫЛЫШЫ

Кынысында – булат
кылыч,

Йокла тыныч, йокла тыныч

Күчем ханның соңгы оныгы син,
Соңгы могоканы Себернең.
Шәүре Казан үз итмәде сине, -
Сыра саттың, урам себердең.
Себеркеңгә ташлап, каләм алдың,
Шагыйрь булып киттең Казаннан.
Кыл урталай бүленсен дә жаның...
Андыйлармы шльцрәт казанган?..
Юк, барыбер, ялгышларың белән,
Хаталарың белән бар идең!
Себер жилен егып көрмәкләшер
Мәйданнарың гына тар иде.
Карагайлы урман куенының
Аюлары уянган мәлдә –
Шул эзләрне эзләп чыккан булсаң,
Аумас идең ташлы мендәргә.
Кичерерме еллар, - маңгаенда
Сырланмыйча калган сырларны?
Идел белән Тубыл арасында
Жырланмыйча калган жырларны?..
Бар да – алда, диеп яшәгәндә
Күңел менә сыктап айкала.
Син дә кинәт шулай үлә белгәч,
Бу тормышта безгә ни кала?.

Марсель Галиев

Туган жирне олылау – татар поэзиясенә үзәгәндә торган олы хис. Үзләренә жан, илһам биргән, шатлыкта да, кайгыда да таянычы, өмет йолдызы булып торган туган-үскән төбәккә шагыйрьләр иң гүзәл шигырьләрен багышлыйлар. Себер якларында туып-үскән, ижаты төбәк әдәбиятының гына түгел, гомумән XX гасырның икенче яртысы татар поэзиясенә гүзәл үрнәкләреннән берсе булып исәпләнергә хаклы шагыйрь

Булат Сөләйманов ижаты – пейзаж лирикасының көчле булуы белән игътибарны тарта.

Туган якларының кабатланмас табигатен, аның халкын сүрәтләү шагыйрь өчен иң мәртәбәле эш, Сөләйманов өчен дә ул иң яратып язган темаларның берсе. Үзе исән чагында басылып чыккан жыйынтыкларында тупланган әсәрләренә авторның йөрәге аша үтеп, шигырь юлларына әверелгән кичерешләр дәрьясы, уйланулары, туган ягы чагылышы, балачак истәлекләре сыйган.

Аның күп шигырьләренең үзәгендә туган җиргә якынлык хисе ята. Шигырьләреннән аның чын Себер кешесе булуын, туган якларын урман-күлләре, суык-бураннары, сабыр холыклы кешеләре белән чын күңеленнән яратуын күрәбез. «Нәселен кайда булса – башкалаң шунда,» - диләр халыкта. Б.Сөләйманов өчен дә шулай бу. Тукай өчен Казан арты никадәр кадерле булса, аның өчен Себер якларының гади бер авылы шундый ук әһәмияткә ия, алай гына да түгел – изге җир. Шигырьләренең исемнәре үк авторның кай төбәкләрдән булуын әйтеп, искәртеп тора. «Сопра», «Сорамагыз туган авылымны», «Тобол», «Ак төн», «Түбән Варта», «Обта боз киткәндә», «Самотлорда җәй уртасы», «Төнъяк, тундра», «Салехардка килгәч» һ.б. шигырьләре татар укучысы күз алдына иксез-чиксез Себер киңлекләрен, шунда яшәгән киң күңелле халык – себер татарларының әлегә кадәр таныш булмаган образын тудырдылар.

Әйтмәгез

Себерем хакында:

«Үткәндә каргалган җир булган»

Каргалса, каргалсын,

Аңлагыз,

Ул минем туган җир,

И туган!

Бу шигырь юлларында авторның үз Ватанына мэхәббәт хисе үтә шәхси, кабатланмас булып, лирик геройның күңел кичерешләре аша аңлатыла, ләкин алар берүк вакытта иҗтимагый әһәмияткә дә ия булып тора.

Шагыйрь ижатында пейзаж лирикасы беренче чиратта аның Ватанга, Себеренә, туган халкына, туган җиренә, бөтен тере табигатькә мөнәсәбәтен колачлый һәм шулар аның шигъри дөньясының асылын билгелиләр дә.

Төн.

Бар җир тынган

Шәһәр йоклый күптән.

Сәгать инде төнгә бер тулган.

Ә шулай да кояш батмый һаман.

Ни булган ?

Шагыйрьнең «Салехардка килгәч» дигән шигыре игътибарга лаек. Өзек-өзек, сабыр шигырь юллары беренче кабат себер табигатенең ак төн дигән могжизасын кичергән, берсе – кояш иңүен көтеп, намазын укый алмыйча интегүче карт, икенчесе – яктыда күзенә йокы иңмәүче яшь-жилкенчәк кичерешләрен сурәтли. Битараф сүzlәр дә әсәр тукымасында, билгеле бер идея-эстетик максаттан чыгып төзелгән сәнгатьле сөйләмдә сурәтле сүзгә әйләнә. Шагыйрь үзе тасвирлый торган күренеш-вакыйгаларга карата нинди мөнәсәбәттә булуына карап билгеле бер фикерне үзенчәлекле итеп әйтеп бирә белү талантына ия. *Лириканың нигезендә моң ята. Ул сәнгать чаралары ярдәмендә сүрәтләнгән шәхес кичереше, киеренке фикер чагылышы булып шигырь юлларында формалаша. Әнә шул моң укучыларның ихтыярын үзенә буйсындыра, күңел кылларын чиртә. Кешедә булган уңай сыйфатлар, мәрхәмәтлелек тамырлары да шагыйрь өчен тере табигатькә мөнәсәбәттән, туган җир, туган туфрак төшенчәләреннән башлана. Туган җиргә мәхәббәт – аның кадере белүдән гыйбарәт. Б.Сөләймановның туган як, туган төбәк турындагы шигырьләре кешенең рухи дөньясы байлыгын, күңел киңлеген, хисләренең сафлыгын чагылдыра, шулар аша ул үз эчке дөньясының да гүзәллеген раслый.*

Лирик шигырьләренең үзәгендә торган герой кичерешләре, күп очракта авторның үз кичерешләре булып кабул ителә. Шагыйрь уйлануларын шигырьдә бирелгән күңел дөньясы чагылышыннан аерып карау һич мөмкин булмаслык халәткә әверелә. Алар икесе бербөтен булып кабул ителә башлый. Бу фикерне раслау өчен шигырьләреннән хисапсыз күп юлларны китерергә булыр иде

Чишмәләрең, елгаларың - терекөмеш.

*Урманьында Еш кызлары
яши, имеш,*

Кырлар буйлап тәгәрмәчләр

Тык-тык үтә,

Гүя алар миңа шуны

хәбәр итә:

«Күрәсеңме, саргаешып бетте кырлар,

Туган якка кайтуыңны көтә-көтә!»

Туган якка мәхәббәт хисе ана сөте белән кешегә иңдерелә, гомер буена кешенең күңел түрендә саклана. Кешене туган җиренә бәйләүче тамырлар корыса, ул үткәннәрен генә түгел, киләчәген дә югалта дигән фикер шигырьләренә тәәсирле, кыйммәтле итә.

Күпләр кебек шагыйрьнең язмышы да чит җирләр белән бәйләнә, аңа да илләр, яңа җирләр гизеп, эш, белем, бәхет эзләп йөрергә туры килә. Туган як төшләргә кереп, ымсындырып торган бер яшьлек утравы булып шигъри юлларга салына. Шигъри күңелләргә генә хас нечкәлеге белән шагыйрь туган ягының табигатенә соклану хисләрен

белдерэ, аның белэн илһамлана, анда эсан тынычлыгы, язарына азыгын таба. Бер шикләнүләрсез Б.Сөләйманов – себернең кабатланмас матурлығына мэдхия эҗырлаучы шагыйрь дип эйтэ алабыз. Аның эсэрләре аша һәркем туган якның ниндидер серле тарту көчен, сихри романтикасын тоя, шул хиснең чынлығына, кеше өчен кадерле булуына ышана. Мондый шигырьләрендэ акыл тыенкыланып, хис көчэя бара, лиризм арта.

*Ак канатлы аккошларым үтте,
Йөрэк яраларым кузгатып.
Бер чылбырга тезеп,
Туган якка*

сагнуларым калдым озатып.

Туган эҗир – үзе тудырган, эсан биргән балалары белэн яши, яшэрэ. Кайларда гына булмасын, Б.Сөләйманов та туган якларын сагынып яши. Бу мэхэббэт, бу сагыну моңы шигырь юлы араларыннан, шагыйрьнең сулыш алуларыннан ук саркып чыга, гүзэл моң булып шигырь юлларына эверелэ. Аның иңҗатында туган илгэ, туган якка кайнар мэхэббэт, сагыну үзенэ генэ хас алымнар белэн чагылыш таба, тел байлыгы, бизэклэү чаралары белэн үткенэйтелеп, укучыга эҗиткерелэ.

*Жир йөзе яңадан терелгән,
Урманда кошларның чыр-чуы.
И кошлар,
Белсэгез иде сез
Йөрэкне сагышлар борчуын...*

Лирик шагыйрьлэр гадэттэ үзләренэң уй-хисләрен табигать күренешләренэ бэйлэп ачалар. Б.Сөләйманов та лириканың шушы хасиятен яхшы үзләштергән. Ул һәрбер күренешкэ үз күңел күзе, рухи дөньясы, йөрэк кичерешләре аша карый. Мондый эсэрләренең кабатланмас матурлығы, яңалыгы, тээсир көче дэ авторның индивидуальлеге белэн аңлатыла.

*Көн егылды. Төн,
Тол хатын сыман,
Толымын сүтте.*

Үзенчәлекле чагыштырулар, сынландырулар кулланып шагыйрь табигатьне тере, күңелгэ үтэ якын, үз итеп күз алдына китереп бастыра. Шигырьнең һэр юлы чагыштыру-сынландырулардан тора, алар аша табигать белэн кеше күңеле арасында күзгэ күренмэгән эҗеплэр-бэйләнешлэр сузыла. Шулар аша кешенең төрле рухи халэте, күңел кичерешләре сүрэтлэнэ. Оста сайлап алынган бер чагыштыру да бөтен кичереш киңлеген, киеренкелеген бирэ ала. Шуларның төгэл кулланылышы чит эҗирләрдэ йөрүче герой кичерешләрен дэ бөтен тирәнлеге, катлаулылығы белэн бирергэ ярдэм итэ:

*Чуерташмыни,
Өметем сусап,
Ята комлыкта.
Йөрәгем, ярсып,
Кыңгырау кага
Үле тынлыкта.*

Шагыйрь йөрәге үзгәреш, эңил-давыл көтә, ләкин көткәннәр һаман күз алдына килми. «Түземлегемнең Жәя әсебедәй Тартылган чагы», - дип бирә шушы халәтне автор. Б.Сөләйманов үзенә, үзенәң рухи халәтенә якын булган туган ягы табигатеннән илһам, иңсат көче ала. Кешенең табигать белән якынлыгын, әңирсү тойгысын автор кешене бизи торган иң күркәм сыйфатларның берсе итеп сүрәтли. Шигырь юлларына кешенең күңел халәте, йөрәк ярсуы, сагышлары сыйган.

*Казанда яз
Яңгыр ява урамнарда.
Кай әңирләрнең суы икән
Шушы яңгырларда?...
И туган як!...*

Фикер һәм хис тыгызлыгы, авторның үз күңел кичерешләрен укучысы белән бүлешүе аны аңларга этәреш ясый, шагыйрьгә карата ышаныч уята. Б.Сөләймановның туган ягына багышланган шигырьләре арасында себер татарларының гимны булып саналырга хаклы юллар да бар:

*Син тугансың минем йөрәгемдә,
Мин туганчы газиз анамнан
Себер, Себер бер син генә әңирдә
Минем мәхәббәтем казанган.*

Язмышы шагыйрьне төрле якта ил гиздерә. Көнъяк кояшы астында да яши Булат, зәмхәрир суыклы Себернең дә төрле почмакларын күрә. Казанда урам себерә булачак шагыйрь, маляр-штукатур булып төзелештә дә эшли, Салехардта эшче, Омскида маляр, бетон коючы, үз районында, Карагай мәктәбендә китапханәче, Фрүнзедә – балта остасы, Сургутта – маляр һәм монтажчы, Бакуда (нефть Ташларында) – оператор булып та эшли. Матди хәленең кыенлыклары да тирә-ягының гүзәллекләрен каплай алмый. Шагыйрьнең күңел күзе киләчәктә язылачак шигырьләренә ризык – тәәсирләр әңия. Ләкин кай якларда гына булмасын аның күңел түрендә Себер дип аталган, күпләр өчен таныш та булмаган изге почмак – туган әңире яши. Күңелдәге шигырьләр дә бары шул хакта гына туа ала, шул әңаннан кадерле әңир булганга күрә генә иңсат ителәдер төсле.

Шагыйрьнең «Жирсү» шигыре тулысы белән туган эҗирне сагыну хисе белән өрелгән. Шигырьнең һәр юлы туган эҗирне ярату, кадерен белү, хөрмәт итү, күрәсе килү хисләре белән сугарылган. Туган авыл ул кеше дөньяга килгән урын гына түгел, монда кеше яшәеш серләренә төшенә, кадерле – изге төшенчәләр белән таныша, хәләл көче, маңгай тире белән тапкан ризыгының кыйммәтен-кадерен белә башлый. Монда сине олыгайган көнеңдә дә тартынмыйча башыңнан сыйнап юатырлык, иңнәреңнән кагып канатландырырлык кешеләр – ата-анаң яши. Чормада әле дә сине иркәләп үстергән бишек саклана. «Туган эҗир, туган туфрақ тарту» төшенчәсе шуларның барысын да үзенә сыйдырган, күрәсең...

Жирсүләрем

чиктән ашкан, ахры

Туган якка

кайттым төшемдә, -

- дип башланган шигырь, кичерешләргә баетылып, туган якларына кайту бәхетенә ирешкән кешенең күңел халәтен сүрәтли:

Килеп кердем

туган авылыма

Сагнуларым салып иңемә.

Күз алдына ир уртасы кешенең сабыр-салмақ адымнар белән туган ягы туфрагынан атлавы күренеше килә. Автор авылның кадерле, күңелгә якын булуын сүрәтләү өчен бик төгәл, конкрет сүзтөзмәләрдән файдаланган. «Туган нигезем», «туган йортым», «бишегем», «бабаларым яткан эҗир» гыйбарәләре барысы да гап-гади бер татар авылын, урман-сазлар артында яшеренгән бер утраучыкны сүрәтләү өчен бирелгән. Әмирхан ага Еникинең «Туган туфрақ» хикәясенә аваздаш моң күңелне иркәли. Төшләргә кереп, йөрәкләрне әрнеткән сагыну тойгысын басар өчен туган эҗирнең бер йотым һавасын сулау да өчен эҗан рәхәтен бирә.

Авторның «Туган якка гел кайтмасам» дигән шигыре дә алдагы шигырь юлларындагы фикерне дәвам иттерә. «Туган эҗирдән иркен эҗир юк», - ди автор шигырьнең беренче юлларында ук. «Төн диңгезе», «Йөрәккә кан сауған чаклар» дигән гыйбарәләр шигырьнең тәэсир көчен тирәнәйтә, укучыга лирик герой кичерешләренең кискенлеген эҗиткерә. Жирсү тойгысы... Сагыну... Еллар үткән саен бу хис кимеми, киресенчә, арта, үсә генә.

Мин дә китәм.

Ниләр көтә мине

Туган эҗирдән читтә, еракта

Бүген тагын күз яшьләре күрдем

Торып калган ялгыз яфрақта.

Әсәрләрдә шагыйрьнең күңел дөнъясы. Шигырьнең һәрбер юлы аерылышу, сагыну тойгысы, тирән моңсулык белән язылган. Шигырь кешенең катлаулы рухи халәтен бер мизгелдә бирә алуы белән тәәсирле. «Ялгыз яфрактагы күз яшьләре» гыйбарәсе күз алдында моңсу картина тудыра.

Күңел кичерешләренең төрле чагы, төрле халәте бар. Шулардан тормыш чынбарлыгы, көндәлек кичерешләр әңгелә. Казанга бәйле булган шигырьләре дә шагыйрьнең каршылыклы күңел дөнъясын, йөрәгеннән ургылып чыккан кичерешләренең төрлелеген сурәтли. Тынгысыз йөрәкле, һаман алга, яңалыкларга омтылган холкы, язарга өйрәнү, язучылар белән аралашу теләге аны татар дөнъясының башкаласы – Казанга китерә. «Аны язасы килүдән бигрәк безнең әдәбиятны ярату хисе тарткандыр Казанга. Нигәдер шундый фикер килә башка. Ләкин ул поэзияне яратып кына калмады, үзе дә поэзия дөнъясына килеп керде. Авырлык белән, кыенлык белән...» - дип язды Сибгат ага Хәким «Үз аһәңе, үз әңгеләге» дигән мәкаләсендә Б.Сөләймановның Казанга, шигырият дөнъясына килүе хақында. Менә әкрәнләп матбугат битләрендә аның беренче шигырьләре дөнъя күрә, беренче, икенче әңгеләкләре басылып чыга. Казан каласына, андагы дусларына чиксез рәхмәтле шагыйрь. Аны олылау, туган якларына тиң итеп күрү авторның киң күңелле, гадел кеше булуын күрсәтә.

Казанга, андагы дусларына багышлап Б.Сөләйманов зур бер цикл әсәрләр яза. «Казан» (41 б.), «Толымбай» (44 б.), «Иделдә» (46 б.), «Күптәнме әңгелә иде Казанда» (49 б.), «Мин ялгызым йорим урамда...» (50б.), «Күренми шул Себер Казаннан» (51 б.), «Жир йөзе яңадан терелгән...» (51 б.), «Г.Хужига» (52 б.), «Тукай кабере янында» (53 б.), «Кичен. Аккош күле» (54 б.), «Казаннан китәр алдыннан» (55 б.), «Мин кайтырмын» (56 б.), «Казанда яз» (57 б.) һ.б. шигырьләрендә авторның Казанга, анда яшәүче кардәш татар халкына мөнәсәбәте, аны олылавы да, монда яшәгәндә туган якларын сагынулары да чагылдырыла.

Туган әңгеләгем мине ир булырга
Чигенмәскә юлда өйрәтсә,
Синең моңнар миңа
Канат бирде,
Жыр уятты кыргый йөрәктә, -

- ди Б.Сөләйманов «Казанга» (41 б.) дигән шигырендә. Казанга шагыйрь зур өметләргә, ышанычлар белән килә: «И Казаным! Туган анам кебек, кочагыңа ал син гомергә. Ярып чапкан Минем чал Иртышым Кушылып аксын синең Иделгә,» - (42 б.) дип эндәшә шагыйрь татарның башкаласына. Монда ул Жәлил һәйкәленә баш ия, Тукай каберен зыярәт кыла, Болгар харәбәләрендә була, уйларына, иңсәтына азык әңгелә, әңгелә дусларын таба.

*Күптәнме ждэй иде,
Казанда
Кыш иңдә күкләрдән ишелен
Ду килеп йоримен урамда
Карларның исеннән исереп.*

Казанның карлары исе дә шагыйрьне исертерлек көчкә ия, бу юллар аша аның авторга никадәр шатлык-куанычлар кичерергә ярдәм итүен тою кыен түгелдер. Бу кичерешләр бәлки шигърияттән, күңел кичерешләрәнең тулып түгелергә торуыннандыр. Шигърьдәге «Пакъ карлар сабий күк сөйкемле», «Алкышлар сибелә кар булып» дигән юллар алдагы фикерне тагын да төгәлрәк раслап тора.

Бала чагыннан әдәби телгә гашиыйк шагыйрь әсәрләрен дә саф әдәби телдә яза, аның гүзәллеген тоярга, бөтен нечкәлекләре белән аңлап эш итәргә омтылу һәр шигърь юлында тоела. Шунның белән бергә үз халкының үз телендә әсәрләр яза, китаплар чыгара алмавы өчен рәнжү, туган якларына сагыну хисләре, үз-үзенә урын тапмау хисе белән бергә үрелеп, ниндидер үпкә, үкенеч, хәтта әрнү булып та шигърь юлларына төшкән:

*Чал Себердән Казан каласына
Кемне эзләп килдең, йөрәгем?
Салкын эсилле бураннарың белән
Кемгә бар соң синең кирәгең?*

Кеше жаны шундый ләбаса, аны әлегә кадәр бер генә психолог та аңлап, бәя биреп бетерә алганы юк. Схемага салып анализларга, ниндидер стандарт бәя бирергә мөмкин булса, ул кеше – шагыйрь дигән олы исемне йөртмәс, кирәген генә, укырга теләгәннәрне генә язса, аңа хәжәт тә булмас, бүгенге көндә аның иңсаты инде онтылган, исеме хәтерләрдән жуелган булыр иде. Ә Б.Сөләймановның шигърияте әле күп кенә алдагы буыннарны уйландырачак, үзе белән хыял дөнъясына, рухи кичерешләр дәръясына алып китәчәк...

Үзе хыялланып, омтылып килгән Казан урамнарында йөрсә дә, шагыйрьнең күңеле барыбер туган ягында. Кар-бураннары, үтеп чыга алмаслык урман-төсләре, ачык, киң күңелле кешеләре хәтер түрендә. Менә генә бу сагыш-сагыну төере бугаздан ычкыныр да, күз яшьләре булып тәгәрәп төшәр кебек:

*Күренми шул Себер Казаннан,
Анда карлар, эсилләр уйныйдыр
Ә тайгада болан баласы
Адашкан да ялгыз, елыйдыр.*

Кеше күңеленең мең төрле халәте шигърьләрдә: шатлык-бәхетләренә борчылу-сагышлар, табышларны югалту-юксынулар алмаштыра. Ләкин ни генә булмасын шигърь юлларында битарафлык, үз-үзеңә сокланып яшәү, үз-үзеңнән канәгать булу чагылышы юк.

Кеше күңеле – скрипка кылы кебек. Б.Сөләйманов та оста музыкант кебек үзенең эш коралы – сүзләр белән талантлы эш итә, аның бөтен нечкәлекләрен белеп, сүз белән кешенең күңел кылларына тәэсир ясый.

Кешеләр нинди шат!

Күңлемне

Язның да эретми жылысы.

Тын гына урамда килә бер

Карларга кушылып жылыыйсы.

Шагыйрьнең читтә йөрөп, бозланып каткан күңелен хәтта язның жылысы да эретми. Тирә-юньдәгеләр шатлык кичергән мизгелләрдә дә, лирик геройның кичерешләре үтә моңлы. Кар сулары эреп аккан кебек күз яшьләре керфек очларынан тамарга тора. Сагыну-сагыш хисләре ташып, түгелерлек халәткә җиткән шагыйрь Казан-каладан китеп бара:

Кайгыларым, сагышларым

Мул бирдем мин,

Казан-кала.

Туган җирләрен сагыпса да, Казаннан китүен авыр кичерә шагыйрь. Аның монда үткәргән байтак көннәре, Идел, Кабан буйларында ялгыз йөргән сукмаклары, авыр язмыш кичерешләре, тормышка ашырга өлгермәгән якты өметләре кала... Кайтуының сәбәбен дә аңлата шагыйрь:

Казандагы топольләргә

Себер җиле хәбәр иткән:

Мин утырткан каенкаем

Мине сагынып жылыый икән.

Б. Сөләймановның бәргәләнеп, ачынып язган шигърь юлларында шагыйрьнең үз тормышы халкы язмышы белән тыгыз бәйләнештә чагыла. Рухи бәйләнешләрен кеше өчен никадәр кадерле, аларның никадәр нык булуын шигърьләр аша чын күңелең белән тоясың, аңлайсың. Шагыйрь эсәрләрендә кеше һәм табигать, милләт һәм җәмгыять арасындагы катлаулы бәйләнешләр чагылыш таба. Аның ижаты олы гражданлык хисе, Туган иленә, Туган жиренә, Туган теленә, Туган халкына мэхәббәт һәм олы хөрмәт белән сугарылган шигърият. Халкыбызның Г.Тукай, Н.Такташ, С.Хәким, Х.Туфан традицияләрен дәвам иттереп, Б.Сөләйманов татар шигъриятенең мең еллык тарихында үз эзен, жуелмаслык исемен калдыра алган, шигърияттә үз сүзен әйтә алган талантларның берсе.

Б.Сөләймановның әдәби мирасы татар әдәбияты тарихында үзенең тиешле урынын алырга лаеклы күркәм рухи хәзинәләребезнең берсе. Ижатында зур урын алган Себер-Казан бәйләнешләре халкыбыз тарихында булган бәйләнешләрен бүгенге көндәге дәвамны яктыртып тора.

Әдәбият:

Сөләйманов Б. Мин себер татарымын. – Екатеринбург: СВ, 1998. – 254 б

Ф.С.Сайфулина

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР РОМАНА ЯКУБА ЗАНКИЕВА
«ЯЛКЫНДА ӨТЕЛГӘН МӘХӘББӘТ»
(«ЛЮБОВЬ, ОБЪЯТАЯ ПЛАМЕНЕМ»)**

В целях достижения глубины и исторической правдивости осмысления изображаемых характеров, общественные идеалы писателей должны обладать активностью и значительностью. Творцы пера, чьи взгляды на жизнь не отличаются этими свойствами, оказываются неспособными проникать своей эмоциональной мыслью через индивидуальное и случайное в глубинные закономерности человеческих отношений, действий, переживаний. Для того, чтобы полнее и шире высветить наиболее масштабные и сложные вопросы, связанные с жизнью и судьбой своего народа, Я.Занкиев, развивая традиции татарской литературы, обращается к наиболее крупной эпической форме – роману.

В литературоведении крупные жанры эпоса – роман и эпопея - различаются по своему содержанию, в первую очередь по проблематике. Содержательной доминантой в эпопее является национальная, а в романе – романная проблематика. Для романа, соответственно, чрезвычайно важно определить, к какому из двух типов он относится. В зависимости от жанровой содержательной доминанты конструируется и поэтика романа и эпопеи. Эпопея тяготеет к сюжетности, образ героя в ней строится как отражение (соединение) типичных качеств, присущих народу, этносу, классу. В романе идейно-нравственными стилевыми доминантами почти всегда будут психологизм и разноречие.

На протяжении последних веков в эпосе сложился новый жанр большого объема – роман-эпопея, объединяющий в себе свойства этих двух жанров. К этой жанровой традиции в русской литературе можно отнести такие произведения, как «Война и мир» Толстого, «Тихий Дон» Шолохова, «Живые и мертвые» Симонова, «Доктор Живаго» Пастернака. Для романа-эпопеи характерно соединение национальной и идейно-нравственной проблематики, но не простое их суммирование, а такое вплетение, в которой идейно-нравственный поиск личности соотнесен, прежде всего, с народной правдой. В области поэтики для романа-эпопеи характерно соединение психологизма с сюжетностью, композиционное сочетание общего, среднего и крупного планов, наличие множества сюжетных линий и их переплетение. Характерные черты жанра романа отмечаются и в «Словаре литературоведческих терминов»: «...Его наиболее общие черты: изображение человека в сложных формах жизненного процесса, многолинейность сюжета, охватывающего судьбы ряда действующих лиц, многоголосие, отсюда – большой объем

сравнительно с другими жанрами». [Словарь литературоведческих терминов 1974: 328].

Широкий охват бытия, многособытийность, возможность показа героя не изолированно, а в единстве с окружающей его действительностью, в зависимости от содержания используемых стилей и привлечения лирических элементов, что присуще жанру романа, несомненно, являются основными чертами романов Я.Занкиева «Зори Иртыша», «Любовь, объятая пламенем».

Роман как жанр оказался способным приблизить литературу с жизнью в ее многоплановости и сложности, противоречивости и богатстве.

Можно считать, что романы Я.Занкиева подчинены законам развития данного жанра, герои романа и события раскрываются сообразно канонам эпических произведений. Многоплановые события охватывают многочисленные судьбы и истории.

Первый роман Я.Занкиева «Зори Иртыша» является одним из интересных эпических произведений, посвященных описанию жизни довоенной и военной татарской деревни. Сложные судьбы, изображенные в романе, великие цели, достижению которых посвятили свою жизнь главные герои произведения, отображают противоречивую эпоху в жизни страны, годы больших надежд, великих потрясений и испытаний. «Зори Иртыша» - это своеобразный учебник истории, который надо бы изучать во всех школах Тюменской области. Без этой книги история нашего края будет неполной», - так оценивает данное произведение известный Тобольский журналист Галина Минасьян [Минасьян 1998: 29-30].

И следующий роман сибирско-татарского писателя «Любовь, объятая пламенем» имеет многие черты, присущие жанру исторического романа. Автор показывает себя как талантливый писатель, хорошо знающий особенности большого жанра. Произведение интересно широким охватом событий, в нем сложные события раскрываются через сложные сюжетные линии. Каждый герой, который вводится автором в произведение, имеет собственное лицо, свой голос, характер. И даже в изображении так называемых маленьких, эпизодических героев автор исходит из тех же требований, что и по отношению к главным героям.

В татарской литературе исторические романы в целом отличаются широким охватом событий, большими обобщениями, эпической широтой и обращением к проблемам национально-исторического характера. К произведениям, обращенным к историческим судьбам и знаменательным событиям, произошедшим в истории народа, можно отнести романы известных татарских прозаиков Галимджана Ибрагимова «Безнен коннэр» («Наши дни»), «Казакъ кызы» («Дочь степи»), Махмуда Галяу «Болганчык еллар» («Муть»), «Мльцѣкирлѣр» («Мухаджиры»), Фатиха Хусни «Жэяуле кеше сукмагы» («Тропа пешехода»), Ибрагима Гази «Онытылмас еллар» («Незабываемые годы»). В них отражены события тысячелетней истории

тюрко-татарского народа. Об истории своего народа, духовных, экономических и политических потерях с философской глубиной размышляют авторы данных исторических романов. Творчество Якуба Занкиева в идейно-тематическом плане близко к творчеству Г.Ибрагимова, Ф.Хусни. Также как в романах этих известных татарских писателей, Я.Занкиев рассматривает судьбы своих героев в контексте развития истории всего народа, где особое внимание уделяется художественному раскрытию жизненных устоев народа, народных традиций, обрядов.

В силу жанровой специфики исторической прозы особое внимание обращает на себя временная и пространственная организация ее в рамках художественного текста. Известно, что автор исторического романа не столько воссоздает, сколько заново создает мир прошлого, точнее, одну из его вероятных моделей, в которой совмещаются как объективные приметы минувшей эпохи, так и субъективный взгляд на них автора. «Поэтика исторического романа находит для этого средства, задача которых состоит в поддержании эффекта временной дистанции, ставшей в данном случае художественно - эстетической категорией», - указывал, в частности, Л.М.Чмыхов. [Чмыхов 1982: 92] В историческом повествовании время и пространство образуют систему, которая служит автору одним из способов выражения его концепции истории.

Произведение Я.Занкиева «Любовь, объята пламенем» знакомит читателей со многими историческими событиями, которые прошли через судьбу сибирского народа и истории страны в целом. Здесь прослеживается особый подход автора в изображение реальных событий. Многие документальные факты преподносятся писателем в лирических или исторических отступлениях от основного сюжета произведения. События романа разворачиваются в деревенской школе в довоенные годы и годы ВОВ. Так автор знакомит читателя с историей своего народа полувековой давности. Критический подход к анализу событий военных лет делает произведение правдивой и жизненной. Тот факт, что в литературе очень мало произведений, посвященных раскрытию истории и быта Сибирского региона в целом, и сибирских татар в частности, дает возможность автору использовать исторический, фольклорный и этнографический материал. Так, автор планомерно вводит отдельные исторические факты. Например, в связи с уроками истории, который посещает директор школы – главный герой произведения Зиннур - автор находит возможность рассказать о многих исторических событиях, документальных фактах, которые происходили в Тюменском крае. Вместе с тем, писатель рассуждает о том, что многие факты и события, относящиеся истории татарского народа, искажены, забыты, а учебники отражают ложную историю. Описывая школьную жизнь, автор ненавязчиво знакомит читателя с правдивой историей родного края. В ходе произведения узнаем, что по официальным документам город Тобольск

основан в 1587 году воеводой Даниилом Чулковым, а Тюмень – в 1586 году воеводами Сукиным и Мясной. После этих фактов автор с досадой пишет о том, что учащиеся, их родители, учитель истории, директор школы не могли предположить, насколько мало они знают об истории родного края. Им совершенно неведома судьба столицы сибирского ханства – Искера, что находился в 16 километрах от нынешнего Тобольска, или города Чимги-тура, расположенного на месте настоящей Тюмени. Они не имели малейших понятий об истории своих предков. И завоеватель Ермак еще долгие годы будет считаться народным героем. В умах предков хана Кучума, сделанных в течение многих лет манкуртами, не должно было возникать даже желание узнавать своей правдивой истории. Они слепо верили в написанные факты в учебниках истории и гордились своими знаниями. Автор глубоко понимает, что такое равнодушие по отношению к своей истории приводит к самоуничтожению народа и с болью в сердце выражает свое негативное отношение к этому.

В лирических отступлениях, касаясь исторических событий, писатель рассказывает об известных личностях, чьи имена так или иначе связаны с историей города Тобольска. Так, в романе упоминается о великом химике Д.И.Менделееве, известном композиторе А.А.Алябьеве, сказочнике П.П.Ершове. Судьба связала с этой землей писателя Фонвизина, художника Знаменского; в Тобольском кладбище покоятся декабристы Кюхельбекер, Муравьев, Семенов, Башмаков, Вольф, Краснокутский, Барятинский, в заточении в тюрьмах Тобольска провели лучшие годы жизни Чернышевский, Герцен, Достоевский, Павло Грабовский и мн. другие. Так, ненавязчиво, в виде раздумий или воспоминаний отдельных героев, исторических отступлений автор знакомит читателя с историей родного края. Это делает роман интересным, глубоким по содержанию, обогащает его, привлекает внимание читателей. По мере возможности, в романе, автор дает некоторые данные и о происхождении и истории сибирских татар.

Читатель обращает внимание еще на один исторический факт, связанный с городом Тобольск и очень интересно описанный Я.Занкиевым: «Это случилось в 1591 году, - пишет автор, вспоминая о далеких, исторических фактах, связанных с историей своего края, - когда страной правил царь Федор Иоаннович. Борис Годунов, рассчитавший занять царский трон, подговаривает людей убить малолетнего наследника престола Дмитрия. Мальчик после возвращения из церкви с матерью Марией Федоровной идет на прогулку с боярыней Волоховой. Подосланные Годуновым Осип Качалов, Даниил Битяговский и Волоховы убивают наследника ударом ножа. Мария Федоровна, увидев сына в луже крови, громко плачет и велит звонить в колокола, чтобы оповестить людей. Пономарь Федот Огурцов звонит, извлекая из колокола звуки скорби и плача» [Занкиев 2002: 99]

Далее узнаем, что, оказывается, и это событие тесным образом связано с историей Тобольска. Ошеломленный неслыханной дерзостью народ Углича собирается возле окровавленного царского наследника. Вероотступников, проливших детскую кровь, доставляют сюда же. Преступники, надеясь на прощение, сообщают, что их в Углич прислал помощник царя Борис Годунов. Обезумевшая от случившегося, толпа, забрасывает их камнями. Борис Годунов, вносит свои поправки в донесение из Углича, из чего следовало, что Дмитрий играя с ножом, сам смертельно поранился.

Но это, оказывается, было только началом больших событий. В Угличе двести человек, участвовавших в этих событиях, подвергаются пыткам: им отрезают язык, нос, уши, а потом убивают. Колокол весом 19 пудов и 20 футов, то есть 312 килограммов, по приказу Бориса Годунова снимают с церкви, удаляют язык и одно ушко. В наказание «Колокол-преступник» получает тоже двенадцать ударов плетью, после чего его отправляют в ссылку в Тобольск. Вместе с ним ссылают тридцать тысяч человек, слушавших в тот день колокольный звон. Невинные люди пешком преодолевают тысячи километров, таща за собой огромный колокол.

Этим рассказом, автор дает понять, что история России непредсказуема, необъяснима, что страной в разное время правили беспринципные люди, не имеющие ни совести, ни чести, для которых народ – это безликая, молчаливая толпа. Проводя параллели с этим историческим фактом, становятся понятнее события сталинских репрессий, которые занимали несоразмерно больший объем в жестокости, нацеленного против своего народа. Главный герой романа Зиннур сначала испытывает на себе позор немецкого плена, после чего на родной земле проходит круги ада Сталинских лагерей.

При характеристике главного героя Нурии, автор романа дает еще один интересный факт, о том, что в деревне Комешлесу живет несколько сословий населения: местные или ясачные татары, богатые казаки или служилые, а также сарты - переселенцы из Бухары. Вот им-то, сколько бы они не жили в этих краях, земельный участок не предоставлялся. Отец Нурии – один из них, был вынужден договориться с местным жителем - дедом Чапчук, построил на его земельном участке двухэтажный дом. Такие интересные факты делают произведение привлекательным для читателя.

Таким образом, в историческом романе созданные представлениями, фантазией писателя события также должны соответствовать исторической логике, обоснованы, доказаны историческими материалами. Такие произведения, наряду с формированием у читателя эстетического восприятия, знакомят со многими историческими фактами, дают читателю пищу для размышлений и раздумий.

Литература:

1. Занкиев Я.К. Л Любовь, объятая пламенем.- С.99.
2. Кожин В. Теория литературы.- М.: Наука, 1964.-С.123.
3. Минасьян Г. Размышления о романе «Зори Иртыша» и его авторе // Материалы обл. научно-практ. конференц.-Тобольск: ТГПИ, 1998.- С.29-30.
4. Словарь литературоведческих терминов/Ред.-сост. Л.И.Тимофеев, С.В.Тураев. -М.: Просвещение, 1974.-С.328.
5. Чмыхов Л.М. Писатель и история.- Ставрополь, 1982.

Ф.С. Сайфулина

РОМАНЫ ЯКУБА ЗАНКИЕВА КАК ОБЪЕКТ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

При анализе произведений Я.Занкиева – одного из интересных представителей региональной литературы, чьи произведения переведены и на русский язык - обращаем особое внимание на изображение портретной характеристики героев и богатого этнографического материала. Каждый элемент художественного произведения, будь то портрет, пейзаж, монолог и пр., не существует сам по себе, он связан с другими элементами, ими мотивирован и их в свою очередь мотивирует. Его можно правильно понять, лишь уловив ту художественную мотивировку, которая его обусловила. Рассмотрение тех или иных сторон художественного произведения дает возможность разобрать характеры во всей их конкретности, а не как отвлеченные обобщения, и вместе с тем позволяет проверить правильность понимания этих характеров.

Описания образов быта, использованные в романе сибирско-татарского писателя «Любовь, объятая пламенем» помогает не только представить отдельного героя-персонажа, но и полнее представить жизнь жителей сибирской глубинки, увидеть и оценить их духовные ценности, приоритеты. Так, в романе, который является объектом нашего исследования, описывается дом, построенный дедом главного героя Зиннура, черкесом Абдуллой, который слыл в деревне мастером-золотые руки. «Гостеприимный двухэтажный дом накренился в сторону Мекки, словно старик во время намаза. О судьбах многих жильцов смог бы поведать старый дом. В свое время он был самым красивым в селе... Многих приводили в восхищение резные оконные наличники, карнизы, балкон на южной стороне второго этажа. Да, балконы в деревнях сибирских татар были символом красоты и богатства» [1; 15].

Кроме того, в романе имеют место художественные и предметные детали, подчиненные созданию так называемого «внутреннего начала». Есть детали, которые окрашивают канву произведения в эмоциональные тона, углубляют психологический анализ. Переживания героев изображаются в различных жизненных ситуациях, имеющиеся монологи

обозначают не только произошедшее в жизни героя событие, но и воздействие обозначаемого события на его внутреннее состояние. Например, «Джигит заметил во взоре Нурии искорки счастья. Зиннур осторожно спросил у девушки, не смеющей поднять глаз, о самочувствии, о здоровье отца. Язык говорил об одном, душа – о другом. «Это не та девочка, с которой два-три года назад катались на саночках, играли в снежки. Она так переменилась... Ее васильковые глаза многим не дают спать, не спи и ты, сосед абый, - предупредила джигита доселе неведомая ему собственная клеточка организма, отвечающая не то за ревность, не то за мужественность, - не спи!» [1; 19-20].

Вместе с тем обращаем внимание на описание портрета героя. Как известно, «Портрет персонажа – это описание его наружности: телесных, природных и, в частности, возрастных свойств (черты лица и фигуры, цвет волос), а также всего того в облике человека, что сформировано социальной средой, культурной традицией, индивидуальной инициативой (одежда и украшения, прическа и косметика)» [3; 218]. Портрет может фиксировать характерные для персонажа телодвижения и позы, жесты и мимику, выражения лица и глаз. С портрета обычно начинается знакомство читателя с персонажем. Известный литературовед А.Б.Есин отмечает: «Всякий портрет в той или иной степени характерологичен – это значит, что по внешним чертам мы можем хотя бы бегло приблизительно судить о характере человека» [2; 76].

К скрупулезному описанию внешности героев-персонажей автор обращается в романе «Любовь, объятая пламенем». Здесь прослеживается, как при описании внешности своих героев писатель учитывает их душевное состояние, через внешность старается преподнести еще и какие-то черты характера. Особенно выделяется в романе портрет Зиннура: «Чисто солдат Абдулла, сын ишана Ибрагима,- так восхищенно смотрят на своего повзрослевшего сына родители.- Дед тоже никогда никому не уступал в споре. Все было ему даровано Всевышним – сила и ум, знания и сноровка. И характер был отменный, люди часто вспоминают его добрым словом за человечность, отзывчивость. Даст Всевышний, наш Зиннур, как и дед, будет уважаемым, порядочным человеком» [1; 6-7].

Обратим внимание на описание внешности родителей Зиннура, уважаемых в деревне людей: «В последние годы родители Зиннура сильно сдали. Отец, Фатхулла ака, когда-то широкоплечий, могучего телосложения мужчина, сейчас как будто усох. Тяжелая арба жизни, которую, запрягшись, он тянул изо всех сил, превратила крепкие и мускулистые руки в тонкие плети. Лицо матери покрыли морщинки, спина ссутулилась...

Мать за долгие годы учебы сына в городе привыкла наблюдать за дорогой из-под уголка поднятой оконной шторки. Ее голову покрывал

кашемировый платок, по-старушечьи распущенный четырьмя концами и подвязанный аккуратно под подбородком» [1; 5].

Соответствие черт портрета чертам характера – вещь довольно условная и относительная; она зависит от принятых в данной культуре взглядов и убеждений, от характера художественной условности. На ранних стадиях развития культуры предполагалось, что красивому внешнему облику соответствует и внешняя красота; положительные герои нередко изображались прекрасными и по наружности, отрицательные – уродливыми и отвратительными.

При анализе произведений Я.Занкиева обращаем внимание на тот факт, что здесь прослеживается классический подход к описанию внешности героев: главные герои, которые автором преподносятся явно как положительные герои, имеют привлекательную внешность и, наоборот, герои, деяния которых не вызывают восторга и восхищения у читателей, описаны также пренебрежительно, с оттенком сатиры или даже иронично. Например, рассмотрим портрет одного из главных так называемых отрицательных героев романа Хайруша, по прозвищу Лопухий: «Это Хайруш с вытаращенными глазами, раздувающимися ноздрями прибежал потушить пожар. В эту минуту он напоминал петуха, взлетевшего на забор и приготовившегося, что есть мочи прокукарекать. ... Хайруш рухнул на землю, как трухлявый пень» [1; 25]. Чуть позже читатель знакомится с дополнениями к данному описанию внешности героя, с манерой одеваться: «Все присутствующие обратили взоры к бригадиру. Вид у него сегодня был, как у жениха на свадьбе. Даже пестрый галстук не забыл нацепить. Хайруш, не ожидавший такого поворота событий, втянул голову в плечи, а потом, приняв очень серьезный вид, осмотрелся. Встал, одернул пиджак, левой рукой поправил галстук. Смазанные маслом и зачесанные назад волосы, большие мясистые уши, торчали пуще прежнего. Хайруш сделал глубокий вдох, как будто собирался произнести большую речь» [1; 41]. Здесь немалую роль играет эмоционально-оценочный смысл описания внешности героя, где скрывается отношение автора к данному герою. Таким же образом описан портрет Санайчек Уннаш, которая тоже обделена симпатией автора. Но в этом случае речь уже идет о психологическом портрете. Психологический портрет в литературе появляется тогда, когда он начинает выражать то или иное психологическое состояние, которое персонаж испытывает в данный момент, или же смену таких состояний: «Она старательно подбирала бранные слова, получая наслаждение от собственной злобы. За долгие годы Даут привык оставаться равнодушным к ее ругани. Диапазон склочницы широк: то она вопит, шлепая губами, брызгая слюной, то шипит словно змея, собравшаяся ужалить. «Хоть бы захлебнулась собственным ядом», - думал Даут абый» [1; 50].

Внешность главных героев описывается по ходу произведения во многих местах: создается ощущение, как будто автор прослеживает процесс работы художника, который постепенно выводит, рисуя мелкими штрихами, портрет его излюбленных героев. Так, предстает перед взором читателя образ красавицы Нурии. Обращаем внимание на то, что вместе с описанием внешности героев параллельно выводятся отдельные черты ее характера, поведения: «Нурия похожа на ягодку, налившуюся соком под зеленым листком. Деревенские джигиты восхищенно произносят, глядя ей вслед: «Ах, какая красавица растет» [1; 18]. Или еще: «...Нурия незаметно протянула Зиннуру земляничные стебельки с ягодами. Посмотрела на прощание своими васильковыми глазами, потом подхватила ведро, пытаясь спрятать покрасневшее лицо, зашагала за девушками в сторону аула» [1; 30]. «Красота, данная ей природой, завораживала многих, вызывала зависть сверстниц. Она не понимала недовольных собой одноклассниц, которые стригли или завивали волосы, выщипывали ресницы. Некоторые девочки, не скрывая восхищения, говорили ей: «Эх, если бы у меня была такая же светлая коса, брови, похожие на ласточкины крылья. Все у тебя на месте». Однажды, посмотревшись в зеркало, она спросила у бабушки, почему в ауле почти у всех девушек жесткие черные волосы, глаза, похожие на черные пуговицы, а у нее голубые глаза, волосы другого цвета» [1; 51].

Особое место в описании занимают животные, окружающие персонажей. Здесь как бы воедино вливаются элементы описания пейзажа с описанием внешних сторон животных. Так, в романе описывается собака – верный друг Зиннура, которая помогает герою справиться с огромным медведем: «Актуш, (буквально: белогрудый) опытная охотничья собака, понимала каждый жест хозяина, все приказания выполняла точно. Не бежала, а стелилась по земле, чутко насторожив острые уши» [1; 11]. Далее в произведении идет описание медведя, «хозяина» тайги, который уже задрал несколько коров колхозников. Он волею судьбы оказался на той поляне, где было отведено место Зиннуру под сенокос: «Он лежал, лениво растянувшись в тени дерева с заветренной стороны, не чувствуя приближения охотника. Зиннур спрятался за двумя сросшимися кедрами, вскинул ружье. Громкий выстрел, сноп пламени, вырвавшийся из ствола, взбесили хищника. Зверь взревел, поднялся на дыбы, бросился, желая подмять весь мир, на тех, кто осмелился нарушить его покой.

- Фас! Собака свое дело знала – она моментально вцепилась медведю в зад. Не ожидавший такого поворота, он с бешеной силой стал кидаться из стороны в сторону, стараясь стряхнуть нахала. Но собака и не думала расцеплять зубы. Изловчившись, Зиннур приблизился к медведю и послал ему еще одну пулю между глаз. В ту же секунду таежного богатыря охватила судорога, он поднял передние лапы вверх, рыкнул и с шумом упал замертво. Зиннур взмок, руки-ноги дрожали, он опустился на землю.

Придя в себя, попытался разжать онемевшие пальцы и не смог. Руки не слушались» [1; 11].

А описание картины, когда Зиннур едет верхом на лошади в деревню, волоча убитого огромного медведя, помогает читателю ясно представить это небывалое доселе представление и то, насколько это поразило жителей деревни. Здесь автором подчеркивается не только смелость, но и некая бесшабашность героя: «Вороной, ничего не подозревая, медленно потащил поклажу. Актуш, главный глашатай победы, побежал рядом, забегая то с левой, то с правой стороны добычи. Время от времени лес оглашался звонким лаем. Вот выбрались на опушки леса. И тут ветер, видимо, изменил направление. Коня словно подменили! Он почуял запах хищника! Раздувая ноздри, хрипя, вороной галопом помчался по полю, не разбирая дороги. Сколько Зиннур не затягивал вожжи, он никак не мог сдержать скакуна. Пытаясь скинуть седока, конь во весь опор мчался вперед. Актуш, словно пытаясь, что-то объяснить неразумному аргаму, безумолку лаял. Наконец, вся эта кавалькада влетела в деревню. Зрелище было более чем странное: наездник, без ума от страха сидел, вцепившись в гриву коня; с губ вороного ключьями слетала белая пена; собака от усердия ни на секунду не закрывая пасть; а рядом лежал медведь с закатившимися глазами» [1; 12].

Интересно описание других животных, следящих за этим зрелищем. «Замычали коровы и телята, спасавшиеся от гнуса в тени деревьев. Завизжали и заскулили собаки. Перепуганные, с поджатыми хвостами, они забились в свои собачьи будки. Некоторые, выказывая смелость, высунули морды из-под подворотен и принялись тявкать на всю округу... Охотничьи лайки Карбыка, оскалившись и свирепо рыча, бросились на зверя, лежавшего в дорожной пыли». [1; 12].

Поведение литературного персонажа – это совокупность движений и поз, жестов и мимики, произносимых слов с их интонациями. Они по своей природе динамичны и претерпевают бесконечные изменения в зависимости от ситуаций данного момента. Вместе с тем в основе этих текучих форм лежит устойчивая, стабильная данность, которую правомерно назвать поведенческой установкой или ориентацией.

Формы поведения людей составляют одно из необходимых условий межличностного общения. В одних случаях поведение героев предначертано традицией, обычаем, ритуалом, в других, напротив, явственно обнаруживает черты именно данного человека и его свободную инициативу в сфере интонирования и жестикюляции.

Вместе с тем человеческое поведение неизменно выходит за узкие рамки условной знаковости. Это естественные признаки душевных переживаний и состояний. Формы поведения воссоздаются, осмысливаются писателями весьма активно, составляя не менее важную грань мира литературного произведения, чем портреты. Эти две стороны

художественного персонажа неуклонно взаимодействуют. При этом портретные характеристики и «поведенческие» находят в произведениях различное воплощение. Первые, как правило, однократные исчерпывающе: при появлении персонажа на страницах произведения автор так описывает его наружность, чтобы к ней уже не возвращаться. Поведенческие характеристики обычно рассредоточены в тексте, многократны и вариативны.

Литература:

1. Занкиев Я. Любовь, объятая пламенем.-
2. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения.- М.: Флинта. Наука, 1998.
2. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002.

Ф.С.Сайфулина

РОЛЬ ЛЕГЕНД И ПРЕДАНИЙ В РАСКРЫТИИ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА Я.ЗАНКИЕВА «ЗОРИ ИРТЫША»

В деле сохранения национального культурного наследия любого народа нельзя переоценить роль национальной школы, трудов историков, языковедов, фольклористов, в том числе и писателей, которые изучают и фиксируют в своих литературных творениях культурно-исторические достижения народа.

Каждый территориальный регион, его население имеет свою ментальность, которая включает представления, чувства, ценностные ориентации, традиционную систему восприятия окружающего мира и свое отношение к ним. Кроме того, особенность региона определяется своеобразным проявлением и сочетанием человеческих, социальных, политических и других проблем, вследствие чего каждый территориальный регион имеет свою субкультуру, свой слой чувств, представлений и ценностей, которые по-своему отражаются в художественном творчестве и определяют особенность региональной литературы.

Объектом данного исследования является творчество представителя региональной литературы Тюменского края Якуба Занкиева, которое является частью интересного и своеобразного явления, каким характеризуется литература Тюменского Севера. Изучение произведений писателя в контексте литературы народов Севера, с одной стороны, и татарской литературы – с другой, помогают обнаружить особенности его творчества. Выявление роли использованных в диалогии Я.Занкиева «Зори Иртыша» легенд и преданий, в раскрытии концепции исторического романа – является основной целью исследования.

Тюменская литература – весьма разнородное явление. Но и здесь можно выделить особенности, присущие всей литературе края. Одной из основных качеств, присущих литературе Тюменского Севера является то,

что местные писатели в своих произведениях выступают не только художниками слова, но и фольклористами и историками, этнографами и краеведами. Они ищут особую художественную форму, чтобы показать объективный ход времени, используя при этом богатое наследие устного народного творчества, результаты исторических и этнографических исследований.

Сибирские татары – народ, сохранивший в течение нескольких веков историческую родину, традиционный уклад жизни, древние обычаи и обряды, старинные предания и легенды, особенный взгляд на окружающий мир. Прозаик Я.Занкиев одним из первых воссоздал историческую панораму жизни сибирско-татарского народа первой половины XX столетия. «Да, велик и прекрасен народ, жизнеспособен и устойчив, за многие века не потерявший своих обычаев и культуры, – пишет известный литературный критик В.Рогачев в статье «В ожидании рассвета», написанном в предисловии к роману «Зори Иртыша». – Такой народ достоин собственной литературы как художественной летописи своего духовного самосознания. Но исторические деформации и катастрофы долгое время не позволяли появиться в среде сибирских татар профессиональным литераторам. Лишь в последнюю четверть века, в условиях очередной, трудной для России полосы реформ, они заявили о ней». [2; С.8.]

Якуб Занкиев – автор дилогии «Зори Иртыша» (Казань, 1988, 1994), романа «Любовь, объятая пламенем» (Тюмень, 1999), многочисленных рассказов и очерков. Выход в свет его произведений стало большим историческим событием не только для татарского народа, но и для жителей всего региона, т.к. романы переведены на русский язык (Тюмень, 1996; 1998). Творения пера писателя являются своеобразным отражением региональной литературы: в них изображены исторические события, произошедшие в жизни сибирско-татарского народа, условия жизни и формирования характеров – национальных черт героев; события происходят на фоне природы Сибири; раскрытию характеров персонажей служат традиции, обычаи и обряды, легенды и предания народа. Эти особенности творчества Я.Занкиева, с одной стороны, выделяют их из множества известных произведений татарской литературы; с другой стороны, его романы могут считаться одними из лучших художественных творений писателей Тюменского края. Как отмечено самим автором в предисловии к роману, Я.Занкиева в первую очередь интересовала проблема сохранения в памяти народа обычаев и обрядов, легенд и преданий родного края, отражение правдивой истории своего народа. В этой связи за основу сюжета он берет те события, которые оставили глубокий след не только в судьбе сибирской глубинки, но и в истории страны в целом. В результате, успешное сочетание в своих романах легенд и преданий родного народа с историческими событиями стало одним из

интересных и привлекательных сторон творчества сибирско-татарского писателя.

В татарской литературе роман «Зори Иртыша» является одним из первых эпических произведений, посвященных описанию жизни довоенной и военной сибирско-татарской деревни. Сложные судьбы, изображенные в романе, великие цели, достижению которых посвятили свою жизнь главные герои произведения, отображают противоречивую эпоху в истории страны: годы больших надежд, великих потрясений и суровых испытаний.

Роман как жанр и в данном случае оказался способным сблизить литературу и жизнь с ее многоплановостью и сложностью, противоречивостью и богатством человеческих взаимоотношений. Свобода освоения мира этого жанра не имеет границ. Особенно историческим романам присуще разностороннее изображение окружающего мира и многоплановость.

В «Зорях Иртыша» автор повествует об исторических событиях, произошедших в стране 1917-1945-е годы. «Как когда-то В.Г.Белинский назвал произведение Пушкина «Евгений Онегин» «энциклопедией русской действительности», так сегодня мы, пожалуй, не ошибемся, если скажем, что роман Я.К.Занкиева – «энциклопедия жизни сибирских татар». «Зори Иртыша» – это своеобразный учебник истории, который надо бы изучать во всех школах Тюменской области. Без этой книги история нашего края будет неполной», – так высоко оценивает данное произведение Тобольский журналист Г.Минасьян. [3; С.29-30.]

Первая книга начинается с событий августа 1917 года. С первых же строк произведения автор знакомит своих читателей с главным героем романа – Мухамедом Уразаевым. Вся сюжетные линии романа преподносятся читателю сквозь призму видения и восприятия жизни главного героя. События, рассказанные автором в самом начале произведения, способны заинтриговать читателя своей новизной: роман начинается с описания отношения народа к сосланному в Тобольск царю Николаю II. Далее повествуется о трагических днях гражданской войны, противоречивых событиях коллективизации сельского хозяйства. Вторая книга дилогии посвящена отражению Великой Отечественной войны. Жизнь жителей деревни Ялан изображается параллельно с действиями на фронте. Герои романа, такие, как Мухамед, Саня, Шамиль, Таштимир, Маулия, Юсуф и мн.др., проходят через многочисленные испытания, уготованные им судьбой.

Жизнеподобие, реальность в произведении достигается не только отдельными сценами, историческими эпизодами, но и всей сутью произведения, вобравшего в себя целую эпоху жизни народа. Историческая правда – это каждодневная жизнь народа и отношение к ней самого автора.

Как было отмечено выше, роман интересен тем, что в нем реальные исторические события тесно переплетены с народными легендами и преданиями. Сохранившиеся в памяти народа они зачастую выдаются за правду. Таким образом, произведение обогащается, становится интересным, увлекательным. Выявление отношения героев к той или иной легенде, преданию, их восприятия народной старины, своих исторических корней позволяет автору глубже передавать внутренний мир персонажа.

В дилогии «Зори Иртыша» с особым лиризмом и любовью описаны легенды и предания, связанные с историческими героями и событиями. Особенно запоминается народный эпос о прекрасной царице Сузге и последнем хане Сибирского ханства Кучуме.

При изображении сложных, до конца не понятных событий, происходивших в стране в целом, и в деревне Ялан, в частности, автор находит возможности для отражения внутреннего мира главного героя, к двадцати годам уже успевшего пережить много испытаний и разочарований в жизни. В произведении привлекает к себе внимание душевное состояние Мухамеда, готовившегося к своему первому уроку в школе. Растерявшийся от взглядов учеников, учитель начинает первый урок с рассказа легенды о прекрасной царице Сузге, ее преданности своему народу, силе духа. «...Давным-давно на высоком холме стояло городище Бичек-тора. Здесь жила луноликая красавица Сузге – любимая жена хана Кучума... Одни говорили, что хан Кучум привез ее из Казани и что она дочь казанского хана Мората. Другие были уверены, что ее родина – казахские степи, а султан – ее отец. Но откуда бы она ни была, в красоте ей не было равных. Небо тускнело перед ней. Разве что первый солнечный луч на рассвете мог сравниться с ее красотой. Хан Кучум приказал насыпать высокий холм и построить город-крепость, который решил назвать именем своей красавицы жены», – начал свой рассказ Мухамед [1; С.35]. Здесь автором интересно описано поведение детей, с удивлением и вниманием слушающих нового учителя. Так с первого урока завоевал сердца своих учеников М.Уразаев.

Много места занимают в романе предания об исторических личностях, которые творили историю края, оставили после себя глубокий след. Особенно таинственна и загадочна легенда «Об острове Золотой Рог», сохранившаяся до наших дней в памяти народа, передававшаяся из уст в уста, будоражившая умы искателей приключений. Многие века хранится в народе легенда о несметных богатствах хана Кучума, которые якобы зарыты на острове Золотой Рог и охраняются тысячами змей. Автор рассказывает эту легенду в связи с походом школьников на поиски этого острова.

«...В 1555 году сибирское ханство унаследовал Едигер, которого через десять лет убили. К власти приходит хан Кучум. В 1582 году Искер – столица сибирского ханства – сдается Ермаку. Кучум бежит. Сколько лет

был у власти хан Кучум? – Порядочно! И что же, ты думаешь, он картошку на поле собирал? – так начинает беглец Рахматулла свой вариант легенды дезиртиру Канталыеву. – ...За вековыми лесами, среди топких болот находится островок Золотой Рог. Говорят, не ступала туда нога человеческая, да и не пройти никак, так густо росли на нем деревья. Но со временем старые деревья сгнили, молодые свалены сильными ветрами друг на друга, преграждая путникам дорогу. Посреди Золотого Рога существует подземный ход, который уходит глубоко в землю, но края отвесные, будто у колодца. Говорят, если бросить камень, звук услышишь не скоро. В какие глубины ведет эта дорога, никто не знает. Многие храбрецы, пытавшиеся добраться до заветного клада, возвращались еле живые. От спертого воздуха, нехватки кислорода становилось трудно дышать. К тому же поговаривают, будто охраняют клад хана ядовитые змеи. Недалеко от места сокровища были поселения мастеров, изготовлявших ружья для воинов Кучума” [1; С.127-128].

Предания народной старины преподносятся сказителями как быль, как реальное событие, поэтому они имеют сильное воздействие на слушателей. Привлекает к себе внимание читателей правдоподобие этих событий, которые подчеркиваются тем, что их участники – реальные герои, здесь описываются исторические события, но за давностью лет они уже забыты, окружены тайной.

В романе автор не раз обращается к легендам и преданиям, связанным с образом хана Кучума. Даже историю обоснования деревни Ялан, где разворачиваются основные события, писатель связывает с его образом. Шестая глава второй книги дилогии полностью посвящена рассказу о хане и пересказу связанных с ним легенд и преданий. Подобные внекомпозиционные элементы романа занимают в произведении особое место, имея познавательное и воспитательное значение. Они целенаправленно введены в сюжетную канву романа в связи с раскрытием характера героев и отдельных событий. Таким образом, по ходу повествования сюжета автор знакомит читателя с историей своего края, богатым народным творчеством, сохранившимся в памяти деревенских жителей.

Некоторые легенды и предания помогают раскрытию отношений человека к миру природы. Они особенно лиричны, передают душевное психологическое состояние того или иного персонажа и помогают глубже понять внутренний мир героя. Одна из таких легенд связана с образом Юсуфа. Эту легенду, рассказанную дедом Хади, мальчик вспоминает, когда ночью, в темноте попадает в берлогу медведя: “Внук мой, ты вырастешь, станешь охотником, будешь ходить на далекие озера ловить рыбу. Запомни, никогда нельзя бояться медведя. Издавна женщины нашего рода кормили грудным молоком осиротевших медвежат...” [1; С.63]. Эта легенда помогает мальчику собраться духом, выжить. Данным эпизодом

автору удалось показать особую близость сибирско-татарского народа к окружающей природе. Народ Сибири считает себя частью природы, живет в тесной связи с ним. Это доказывается использованными в диалогии многочисленными приметам и повериями, обычаями и обрядами, возникшими в связи с особыми условиями и укладом жизни, быта сибирско-татарского народа.

Устами героев романа автор повествует еще об одной нравоучительной легенде: о величии долга перед матерью. О ней вспоминает один из интересных героев диалогии – Таштимир. Озлобленный и опозоренный в кругу молодежи, упрямый сын Ырситдина срывает свое зло на сестре. На помощь к дочери бросается мать и укрывает ее собой. Удары плети оставляют на теле матери кровавый след. Отец хитро улыбается, поддерживая сына; а у матери больше ноет душа, чем рана, нанесенная сыном. Чуть остыв, Ташкай вспоминает легенду, рассказанную когда-то учителем, которая заставляет его раскаяться в содеянном. “Один человек все время носил свою больную мать на руках. Однажды, встретив мудреца-аксакала, он спросил: “Скажи, аксакал, я уже двадцать лет ношу больную мать на руках, наверное, я выполнил свой долг перед ней?” На что был ответ: “Нет, сынок, ты еще не оправдал и одной ночи, когда после тяжелого рабочего дня, прервав сладкий сон, она кормила тебя своей грудью.” [1; С.202].

Во второй книге романа дед Даулатша рассказывает еще одну легенду: об ученике, который получил у старца урок терпения, старания и трудолюбия в приобретении знаний. Слушающей его молодежью легенда аксакала воспринимается как ценные уроки жизни.

Опыт использования легенд и преданий в изображении истории народа, начатый автором в диалогии «Зори Иртыша», успешно продолжается в следующем романе – «Любовь, объятая пламенем». И здесь ожидания читателя оправдываются: писатель успешно сочетает повествование об исторических событиях, доказанных документально, с пересказом народных творений.

Подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что произведение Я.Занкиева «Зори Иртыша» знакомит читателя с жизнью и судьбой сибирско-татарского народа, доселе обделенного вниманием писателей, успешно используя при этом многочисленные легенды и предания, которые помогают разностороннему и глубокому раскрытию идеи, заложенной в произведении.

Литература:

1. Занкиев, Я.К. Зори Иртыша. [Текст]: роман в 2 т. / Якуб Занкиев.- Тюмень: СофтДизайн, 1996.- 272с.-1т.- 3000 экз.-ISBN 5-88709-028-6.

2. Занкиев, Я.К. Зори Иртыша. [Текст]: роман в 2 т. / Якуб Занкиев; [вступ. сл. В.Рогачева].- Тюмень: СофтДизайн, 1998.- 232с.-2т.- 2000 экз.-ISBN 5-88709-098-7.
3. Минасьян, Г.Н. Размышления о романе «Зори Иртыша» и его авторе / Галина Минасьян // Материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Я.Занкиева. - Тобольск: ТГПИ им. Д.И.Менделеева, 1998.- С.29-30.

Ф.С. Сайфулина

ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОЭТА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ХУВАЙДЫ «РӘХӘТЕ ДИЛ»

В современном литературоведении не угасает научный интерес к письменным памятникам средневековья, так как актуальными остаются проблемы текстологической направленности: объяснения и трактовки вопросов, связанных с созданием и авторством письменных памятников, которые обнаруживаются учеными по настоящее время.

На протяжении нескольких столетий художественная, дидактико-просветительская и научно-популярная литература из Востока выполняла очень важную просветительскую миссию и удовлетворяла духовные нужды и запросы представителей разных тюркоязычных народов, в том числе и татар. Многовековые культурные, экономические, торговые взаимосвязи, продолжающиеся более тысячи лет, не могли не повлиять на жизнь татар, особенно на их духовное развитие. Творения восточных авторов пользовались большой популярностью и широко распространились не только по волго-уральскому региону, но и за Уралом и в Сибири. Их читали как в оригинале, так и в переводе. «Всякому заезжему, без сомнения, странно покажется найти в казанских татарах, говоря вообще, народ более образованный, нежели некоторые, даже европейские. Татарин, не умеющий читать и писать, презирается своими земляками и как гражданин не пользуется уважением других», - так писал в 1844 году этнограф Карл Фукс в книге «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении», которая явилась результатом многолетних наблюдений автора над повседневной жизнью татарского населения Поволжья.

Элементы духовной культуры Золотой Орды своим происхождением связаны с этнокультурным миром, предшествовавшим появлению данного государства. Здесь получили широкое распространение выдающиеся творения Фирдоуси и Рудаки (X век), ал-Маари и Омара Хаяма (XI век), Аттара и Низами (XII век), Руми и Саади (XIII век) и целого ряда других знаменитых поэтов Востока. Почти все они, начиная с гениального Фирдоуси с его бессмертным «Шах-намэ», были персидскими или персидско-таджикскими поэтами (кроме арабского классика ал-Маари и

азербайджанца Низами, который при этом также писал свои произведения на персидском языке).

Сочинения великих мудрецов и поэтов Востока, прежде всего представителей персидско-таджикской поэзии, пользовались огромной популярностью среди татар, как позднейших времен, так и периода Золотой Орды. Более того, они вдохновляли татарских поэтов на создание своей, собственно золотоордынской литературы, получившей высокое развитие в XIV веке – в эпоху могущества Улуса Джучи. Именно в этот период были написаны такие бесценные памятники средневековой татарской литературы, как поэмы «Гульстан» («Гульстан бит-тюрки») Саифа ас-Сараи, «Хосров и Ширин» Кутби, «Махаббат-намэ» Харазми, «Джумджума-султан» Хисама Кятиба, «Кисса-и-Рабгузи» поэта Рабгузи, прозаическое сочинение «Нахдж ал-фарадис» Махмуда ал-Булгари.

До XIX века, когда открылись первые типографии для издания татарских книг, в широком хождении были рукописные книги. Как и на всём мусульманском Востоке, у татар, рукописные книги относились к весьма тонким и сложным ремёслам, поэтому к ним было особое отношение. Издание большими тиражами спасло от исчезновения многие ценные памятники средневековой литературы, являющиеся учебным пособием в медресе и занимательным чтением у образованной части населения, были распространены как в рукописной, так и в печатной форме. Литературные памятники средневековья свидетельствуют о глубоком проникновении в общественное сознание татар идей, присущих мусульманской теологии и философии.

Объектом исследования в данной статье является одно из многочисленных произведений средневековья - «Жан рэхэте» («Душевная благодать») поэта, называвшего себя именем Хувайда, где находят отражение философские взгляды автора на окружающий мир, на проблемы воспитания и нравственности. Некоторые предположения о творчестве данного поэта, а также его собственном имени высказаны литературоведами Ф.З. Яхиным, Ф.С. Сайфулиной [1]. Здесь лишь заметим, что некоторые данные об авторе произведения представлены в главе «Дэрбияне китабу вэ исме месэнниф рэхмэтуллаһу тэгалэ» («О книге и его авторе (да будет ему благословение Аллаха)»), где упоминается имя Хужа-Назар бине Гаиб-Назар, а также даются некоторые пространственные ориентиры, которые дают возможность предположить о «сибирском» происхождении данного издания. Если предположить, что отцом поэта Хувайды является никто иной, как шейх Гаиб-Назар, являвшийся одним из 366 шейхов, проповедовавших в Сибири Ислам, можем сказать, что произведение «Душевная благодать» создан примерно в начале XV века.

Композиционное построение книги подчинено средневековым традициям тюрко-татарской литературы. Произведение состоит из

введения (башлам) и многочисленных глав-рассказов (их 37), объединенных между собой единой проблемой – религиозными наставлениями и назиданиями, которые направлены на нравственно-религиозное воспитание.

Вводная глава, являющаяся традиционной для тюрко-татарской литературы вышеуказанного периода, начинается со слов восхваления Всевышнего Аллаха:

Сэнау-хэмде Халлакы жиһанга¹
Ки хөкмен күрсәтеп яхшы-яманга,
//Хвала Аллаху – Создателю миров,
Который оценит все: и добро, и зло

Тотыптыр бисәтүн² күкне мөгаллак,³
Биреп шамсү-камәр⁴ дөнъяга раунак.⁵
//Он держит без усилия небо наверху,
Чтоб освещали мир – дал солнце и луну.

Поэт посвящает первые строфы произведения Всевышнему Аллаху, которому подчинено все в этом мире: ничего не может произойти без его дозволения. Таким образом, признавая это, поэт просит благословение Всевышнего и дать ему помощь в написании этого произведения.

Далее следуют также традиционные главы, посвященные восхвалениям последнего пророка Мухаммада (с.г.с).

Бихәмдуллаһ – Мөхәммәт өммәтемез,
Кыямәт көн өмиде шәфкатемез.
//Слава Аллаху, мы из племени Мухаммада,
В судный день надеемся на его поддержку.

Йир өстедә аты булды Мөхәммәд,
Бетелде гарше сакыйдә ки – «Әхмәд»
//На земле его называли Мухаммад,
У дверей небес он «Восхвален Аллахом».

Вөжүдедин мөзәййән булды фәреш,
Гобары кадмедер зиннәте гареш.
//Присутствием его земля стала краше,
Пыль из-под ног его – украшение небес.

Автор посвящает также отдельные небольшие главы последователям пророка Мухаммада – праведным халифам Абу-Бакру (Әбу-Бакир), Умару

---

¹ Жиһанны бар кылган Аллаһыга дан һәм мактаулар (булсын)

² бисәтүн – терәксез, терәүсез

³ мөгаллак – эленеп торучы, югарыда

⁴ шамсү-камәр – кояш һәм ай

⁵ дөнъяга раунак – дөнъяга кояш һәм айны биреп

(Гомәр), Осману (Усман), Али (Гали ибн Әбу-Талип). (Известно, что Абу-Бакр по наставлению Умара распорядился о сборе воедино подлинных записей Корана; Осман пригласил переписчиков Корана, сам тщательно проверял их и занимался распространением священной Книги, Али также занимался распространением Корана и следил за тем, чтобы не было искажений содержания Святой Книги). Следует отметить, что во многих произведениях средневековья является традиционным обращение к образам пророков и праведных халифов, которые направлены ознакомить читателя со всемогуществом Всевышнего Аллаха, деяниями пророка Мухаммада (с.г.с) и их сподвижников, имеют воспитательную ценность, так как автор призывает последовать читателей религиозным наставлениям и наставлениям, ценить то, что даровано Всевышним Аллахом.

В главе, посвященном Хасану и Хусайну, детям Мухаммада (с.г.с), автор еще и еще раз напоминает о милости Всевышнего Аллаха, о благах, дарованных им верующим, а также о том, что нужно довольствоваться тем, что мы имеем по воле Всевышнего. Поэтический слог данных строк очаровывает глубиной мысли и красивым звучанием:

Ходайа, юк идек без, бар кылдың,
Тәне сәлам биреп, дәркәре кылдың.
//Всевышний, нас не было – ты создал нас,
Дал здоровье телу, сделал нужными.

Кани бездә фәрасәт, фәһм кылсак –
Сәнең нигъмәтләреңгә шөкер кылсак?
//Для чего дан разум, если рассуждать –
Не для того ли, чтобы быть довольными этим.

Далее автор перечисляет те блага, которые дарованы человеку Аллахом: это острые глаза, которым человек воспринимает окружающий мир; уши – для того, чтобы слышать слова Корана, но при этом поэт отмечает, что не нужно слушать плохие слова, не быть тем, кто сошел с пути истины. Дан человеку язык, чтобы он повторял имя Всевышнего, дана истинная вера (иман), которая принесет ему благосостояние и др. Подитоживая свою мысль, автор опять же напоминает читателю о том, что за все это мы должны быть благодарны Всевышнему:

Ходага шөкерлек кылмай бәһаим
Булыптыр адәми, кәфседә – каим.
//Не благодарны Всевышнему хивотные
А люди созданы сильными перед алчностью.

Ходага шөкер бездин иртә вә шам,
Салыпдыр ватанымызны дар шәһрислам.
//Благодарность наша Всевышнему с утра
до ночи,
Что наша родина в стране (доме) Ислама.

Далее по тексту идут отдельные рассказы, созданные на назидательной основе и направленные на воспитание у читателей положительных качеств.

Один из таких рассказов называется: «Рассказ пятый. О том как три брата нашли в дороге клад и из-за своей алчности погибли» («Хикаятүл-хамсүн. Өч карендәш сәфәрдә кәнже табып, нәфсе вә Шәйтанга әварә булып һәлак булганнар»). Сюжет рассказа не сложен, уже в его названии заложена событийная канва произведения. Три брата, оправившиеся в дальнюю дорогу по песчаной пустыне, находят клад. Братья обрадовались находке, стали благодарить Всевышенного Аллаха за дарованные богатства. Решили братья, что один из них сходит за едой, после, за едой решили читать молитву в благодарность Всевышнему. Дали младшему золотую манетку и попросили не задерживаться долго.

Но Сатана, в облики алчности, настраивает братьев друг против друга: оставшиеся у клада братья не могут побороть в себе появившееся чувство жадности. Они решают при возвращении убить младшего брата и разделить клад между собой, так как в таком случае им достанется значительно больше богатства. Сатана сбивает с пути истины и младшего брата, который отправился на базар за едой. И его посещают точно такие же мысли, подсказанные чувством алчности. Признавая то, что одному ему трудно будет справиться двумя братьями, он решает помешать в еду яд и таким образом отделаться от старших братьев и взять все найденные богатства себе.

Так и сделали: вернувшись с ядовитой едой, младший брат предлагает ее старшим; старшие же, договорившись между собой, убивают младшего. После сами отравляются предложенной братом едой. Таким образом, погнавшись за богатством, управляемые жадностью и алчностью, родные братья убивают друг-друга.

Подитоживая свою мысль, поэт далее пишет о том, что все это было сделано ради обогащения, мирского блага, который не стоит человеческой жизни. Поэт-суфи еще раз напоминает о том, что все мирские блага – это яд, который убивает душу человека, не оставляя даже родственных чувств. Обращаясь к читателю, Хувайда пишет:

Таләп кыл ки кәнже бизыяни,
Сәнең булгай ки гомрең жәвидани.
//Пусть богатства твои будут без вреда,
Жизнь твоя, увы, не бесконечна.

Таләп кыл кәнже мәгънә, и бәрадәр,
Вә гәрнә сәндин үвләгә ваһме хар.
//Накапливай духовные богатства, о бедолага.
Иначе пристанет жизнь к тебе как
грязный репейник.

Кеше булмаса мэгънэдэн хэбэрдар,
Аты – адэм, димэ, бел, нэкъшы див ар.
//Если человек не будет думать о душе,
Не называй его человеком – это
раскрашенный змей.

Таким образом, на этом жизненном примере автор произведения обращает внимание читателя на последствия человеческой алчности. Глава продолжается назиданиями по поводу веры и преклонения Всевышнему Аллаху, и наоборот, поэт призывает читателя не быть рабами своих страстей, не преклоняться мирским богатствам, не служить дьволу в обличие денег и богатств. Иначе, пишет автор, всех ждет наказание в виде адских мук. В Судный день не будет таким людям покровительства, не поможет отец – сыну, мать – дочери. Каждый человек, в конечном счете, получит по заслугам, по тем богоугодным делам, которые совершал, прибывая на земле. Человек, не знающий и не думающий о будущей загробной жизни, будет раскаиваться, но будет поздно, напоминает автор. Все люди предупреждены об этом, но в мирской суете они забывают о своей вере, о служении Всевышнему, размышляет поэт. Он призывает читателей не быть равнодушными, задумываться о своей душе, не предаваться мирским утехам, не собирать материальные блага, так как все в этом мире – бренно, а вечна только душа.

В произведении автор отдельно останавливается на описании ада и тем мукам, которым подвергаются там несправедные мученики, пренебрегавшие наставления Корана, не придерживавшиеся канонів ислама. Ужасающие картины ада, представленные автором в эмоционально-экспрессивном стиле направлены на зарождение в душе читателя страха перед Судным днем.

При этом, отдельная глава поэтом посвящается рассказу о райских наслаждениях, которые уготованы праведникам, придерживавшимся религиозных канонів.

Риваять эйлэде Эбу-һэрирэ,
Разаллаһу ганһ, коддэссэрирэ.
//Предание рассказано Абу-харира,
Пусть благославит его Аллах,
да просветлится магила его

Так начинается глава, озаглавленная «Риваяте фи баянел-жаннэт» («Предание о рае»). Красоты рая и блаженства, испытываемые там человеком, описаны автором поэтической образностью и выделяются особым красноречием:

Биһиштнең, диде, дивары – мөхәллә,
Ки бер хиште – зэмрэд, бере – талә.
//Стены этого места свободны,
Если один кирпич – из изумруда,

другой – золотой.

Ирер лае япардин, үзе – зэгъфэр,
Хиймәнең бәренең урныга – гәүһәр.

//Состоит он из лепестков цветов
Все бока его – из драгоценностей.

Акар суы тәмамы ширү-шәкәр,
Ләбен фәриш әйләгән якуты әхмәр.
//Вода, которая течет там – молоко с сахаром,
А берега его из красного изумруда.

Дирәхте – нокра, шахие – зәмрад,
Ирер әүракы якуты-зөбәржәт.
//Деревья серебрянные, а стволы – изумрудные,
Листья же из алмаза-бриллиантов.

Ки сыйфат кылсам аз Каф та Каф,
Рәва булмас тәмамы, кылсам әүсаф.
//Не возможно описать, не хватает места
от гор до гор
Не с чем сравнить его до конца.

Здесь автором использованы многочисленные метафоры, сравнения, эпитеты и др. виды поэтических тропов, которые дают возможность более образно представить те блага, которые ожидают в загробном мире праведников, живущих по канонам шариата.

Далее в произведении продолжают тематические главы, например, о необходимости для мусульман пятикратного намаза. «Хикаяте елан бинамаз хакында» («Рассказ о змее (который появился от того, что не читали намаз)»). Данный рассказ также начинается с предстваления того лица, от которого автор слышал его:

Ишетәңнәр, ших Хәсән Басри заманы
Төшәпдер Басра эчрә бер еланы.
//Слушайте, во времена шейха Хасана Басри
Упал на Басру (город) одна змея.

Далее автор излагает причины и последствия этого страшного происшествия, так как змея была огромной, и под ней оказался весь базар, со своими семидесятью тысячами магазинов («Ки йитмеш мең дөкани басмыш ул мар»). Вся базарная сторона загудела, собралось немереное количество народу. Все испугались, что эта змея может всех их проглатить, разрушить весь их город.

Люди решили идти к уважаемому шейху за помощью и разъяснениями: почему же именно на их город свалилось такое чудовище, который так осквернил их город, разрушил мирный базар? Послушав их рассказы, шейх сам направился к базару, чтобы воочию убедиться в

услышанном. Приблизившись, люди опять узрели ту же картину: лежит, раскинувшись во весь базар, огромная, страшная змея, высунув язык, разглядывает по сторонам. Спросил тогда шейх у змеи, в чем причина того, что он именно на их город свалился? Змея, матая головой, попытался что-то сказать, но понять его шейх не может. В это время он положил палку, которую держал в руке, на землю, накиннул на себя шерстяную одежду (шаль) и начал молиться. В конце молитвы шейх обратился к Всевышнему Аллаху с просьбой о том, чтобы он помог язык змеи понять, чтобы узнать причины того, почему же она оказалась здесь, чем же жители города Басра заслужили такое наказание. В ответ на его просьбу Всевышний дал змее красноречивый язык, и она начала: «Ах, шейх, я скажу тебе, ты услышь». И поведала змея шейху свою историю: оказывается эта змея – ангел Мучения, и причина того, что она именно сюда упала, кроется в том, что ее послал Всевышний Аллах, чтобы та наказала совершенно иной народ. Путь змеи пролегла над Басрой, пока она пролетала через их город, ее крыло было повреждено стрелой злого, неверующего человека, который, не боясь Всевышнего, выстрелил в ангела. Попросила змея, обратившись к народу, помолиться всем вместе, чтобы у нее крылья поправились, и чтоб она смогла улететь. Все подняли руки для молитвы и со слезами на глазах начали молиться. Услышал их молитвы Всевышний, и в тот же час поправились крылья ангела, и, перед взором изумленного народа, раскрыв крылья, змея улетела. Делая свои выводы по поводу вышесказанного, автор далее пишет о том, что насколько опасен даже один человек, который не читает намазы (молитвы), он оскверняет всех остальных, нельзя даже близко подходить к такому неверующему человеку. Свой очередной воспитательно-нравоучительный рассказ-предание поэт завершает словами:

Пэйгамбәрдин кылыпдырлар риваять,
Бу сүзләрне һәммә сәхиб сәгадәт.
//Предание (это) осталось со времен пророков,
Эти слова для всех правоверных в радость.

Булып өч ун, диделәр, руза ае,
Ул айдыр барчага дәүләт хомае.
//Длится три по десять (т.е. тридцать дней) месяц поста
Этот месяц для каждого богатство и счастье.

Ирер әүвәле уны – рәхмәт, и мәрд,
Икенчесе – мәгърифәт, и сәхиб дәрт.
//Первые десять – благодарность, о благородный мужчина,
Вторые – образование, о суфий беспокойный.

Өченчесе ирер гатикъ минән-нар,
Моның дик әйделәр Солтаны-Әбрар.

//Третьи – время освобождения от мук адских,
Так сказано Султан-Аббаром (т.е. пророком Мухаммадом).

Расказав о месяце рамадан и деяниях, которые должен совершать мусульманин во время месяца поста, поэт продолжает свои наставления по этому поводу:

Кеше кем, руза ае руза тотса,
Үзен бишвакыт намаз эчрә яд итсә,
Ни кылган жормыны Тәңре кичергәй,
Аңа кәүсәр шәрабедин ичергәй.

//Если человек держит пост в месяц поста,
В пятикратном намазе напомним о себе
Все плохие деяния его будут прощены
Всевышним,
Будет он утолить жажду из чистого родника.

Таким образом, автор дастана еще и еще раз напоминает читателям о том, что нужно придерживаться религиозных кононов, особенно обратить внимание на выполнение пятикратного намаза, придерживаться поста.

В таком жет духе описывается глава, названная «Коръәне-Шәриф укымакның әжере бәянендә» («О пользе чтения Священного Корана»).

Таким образом, благодаря научным изысканиям ученых-текстологов, на сегодняшний день мы можем вести речь о нескольких именах поэтов, так или иначе причастных к Сибирской земле. Творчество Хувайды, введенный в научный оборот в данном издании, также является интересным явлением средневековой суфийской литературы, направленной на исправление нравов.

Примечательно, что средневековая татарская литература демонстрирует два дополняющих друг друга подхода к решению проблемы нравственности человека. В светски ориентированной литературе способы исправления нравов включают две составляющие – образование и воспитание, а в суфийской – приоритет отдается воспитанию. Причем если в арабо-мусульманской философии нравственное совершенство человека сопрягалось с достижением Истинных Знаний, то в татарской средневековой литературе, в основном унаследовавшей традиции адаба, эта особенность мусульманской философии не нашла полноценного воплощения.

Знание в татарской светской литературе не столько онтологический атрибут человека, сколько практически необходимая мудрость правителя, призванная служить социальным интересам общества. Кроме этого, решение проблемы предопределения в светски ориентированной литературе вполне способно ограничиваться земным миром, в то время как у суфийских авторов эффект назидательности усиливается за счет нравочений по поводу мира иного. В самом наборе добродетелей нет противоречий, но все же, в суфийской литературе больший акцент

делается на проповедь терпения, довольства малым, победить в себе алчность.

Главная цель человека в такого рода произведениях – подготовка человека к иной жизни, в то время как в светской литературе силы героев направлены на достижение земного счастья.

Литература нравственно воспитывает личность, формирует сознание, открывает глубины прекрасного, которое часто в повседневной жизни остается не замеченным. Наиболее интересными являются произведения, в которых поднимаются проблемы, связанные с положительным идеалом и нравственными исканиями человека. Актуальность исследования продиктована возрастающим интересом к древним и средневековым письменным памятникам, которые имеют эτικο-эстетическую и воспитательную ценность.

- выявить идейную направленность произведения «Книги Наставлений» поэта Амдами (Худжа Шукур бине Гаваз-бай) и круг проблем, затронутых автором, и на их основе определить отношение автора к проблеме нравственности, выявить философские взгляды и мировоззрение поэта;

- исследовать сюжет и композицию произведения Маулика Яумачикова с целью раскрытия нравственных основ его поэзии.

- на основе целенаправленного анализа в историко-литературном контексте той эпохи раскрыть значимость анализируемых произведений с позиций выявления нравственных приоритетов средневековья.

Ф.С. Сайфулина

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТЬ ЧАСТИ «БАШЛАМ» ПРОИЗВЕДЕНИЯ

«РӘХӘТЕ ДИЛ» ПОЭТА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ХУВАЙДЫ

Научный интерес к средневековым литературным памятникам татарского народа, которые имеют как научную, так и эстетическую и воспитательную ценность, не ослабевает по настоящее время. В данной статье нас интересуют языковые особенности части «Башлам» произведения «Рәхәте дил» («Душевная благодать») поэта средневековья, творившего под псевдонимом Һөвәйдә, творчество которого нами исследуется в русле Сибирской региональной литературы. Исследования ученых-литературоведов последнего десятилетия XX – начала XXI столетия дают возможность вести речь о татарской литературе, с одной стороны, как о составной части литературы сибирского региона, с другой – как неотъемлемой части татарской литературы. Вместе с современным состоянием Тюменской региональной татарской литературы особое внимание уделяется выявлению новых имен, а также литературоведческим исследованиям и комментариям обнаруженных литературных памятников древности и средневековья, которые дают некоторое представление об

образованности, культуре и мировоззрении народа, о его приоритетах и нравственных устоях [Сайфулина, Талипова 2009: 180; Сайфулина 2010: 128], при этом изучение языка произведения остается актуальной, малоисследованной проблемой.

В XVIII-XIX веках Тобольская губерния стала неким культурно-просветительским центром, объединяющим ученых-просветителей, выходцев из Сибири, Поволжья, Средней Азии, стала местом пересечений и взаимовлияний многих исторически родственных тюркских литератур и культур: уйгурского, казахского и татарского, чем обусловлено языковое богатство анализируемого произведения. Под влиянием разных литературных взаимосвязей и взаимовлияний татарская литература вобрала в себя многие качества восточной литературы, обогащаясь и развиваясь под влиянием богатых традиций. В крае действовали библиотеки, где хранились многочисленные редкие издания, привезенные из Бухары, Саудовской Аравии, Турции и др. мусульманских стран, приобретение которых было обусловлено тюркоязычной средой.

Собственное имя автора анализируемого произведения упоминается в главе «Дәрбияне китабу вә исме мөсәнниф рәхмәтуллаһу тәгалә» («О книге и его авторе (да будет ему благословение Аллаха)») вышеназванной книги.

Кәминә аты – Хужа-Нәзәрдер,
Атасының аты – Гаиб-Нәзәрдер.

Поэт называет себя Хужа-Назар, как некогда называли себя знатные личности из сибирских татар, что также привлекло на себя наше внимание и вызвало интерес. Здесь важно обратить внимание на имя отца поэта. Гаиб – религиозное дополнение к имени – подчеркивает о приверженности данной личности к суфийскому сану. Здесь также важно подчеркнуть, что в известных рукописных сибирско-татарских «Шәжәрә», касающиеся истории распространения Ислама в Сибири, среди 366 имен шейхов упоминается также имя шейха Назара. По записям Н.В.Катанова «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского Губернского музея)» читаем: «Из почивающих на берегу Иртыша святых – в Искере почтенный шейх Айкани; там же перед Искером шейх Бирий, шейх Назар: шейх Шерпети – все трое были родные братья из внуков Зенги-баба...» [Катанов 1905: 23]

Композиционное построение книги подчинено средневековым традициям тюрко-татарской литературы. Произведение состоит из введения (башлам) и 37 глав-рассказов, объединенных между собой единой проблемой – религиозными наставлениями и назиданиями. Определенное место занимает глава Башлам, где средневековые авторы направляли свое обращение к Всевышнему Аллаху, к его пророкам, где автор возносит хвалу в их адрес, просит помощи в написании книги.

Сәнау-хәмде Халлакы жиһанга

Ки хөкмен күрсәтеп яхшы-яманга,
//Хвала Аллаху – Создателю миров,
Который оценит все: и добро, и зло

Тотыптыр бисәтүн күкне мөгаллак,
Биреп шамсү-камэр дөнъяга раунак.
//Он держит без усилия небо наверху,
Чтоб освещали мир – дал солнце и луну...

Так начинается произведение, где автор утверждает свою веру в то, что все в мире подчинено воле Всевышнего: ничего не может произойти без его дозволения. Сравнительно объемная глава, которой выделено чуть меньше десяти страниц поэтического произведения дает читателю Кораническое представление о мире, где все сотворено могуществом Всевышнего Аллаха и подчинено определенной гармонии. Здесь присутствуют поэтические отсылки на события, происходившие с библейскими пророками. При этом поэтическая образность подразумевает религиозно образованного читателя:

Биреп жан, мөште хакъга кылып жисем,
Ушал дәм әйтте данаи һәр исем.

Метафорическое выражение «вдохнул жизнь горстке земли» подразумевает сотворение Аллахом Адама (саллаху галәйхиссәлам), следующая строфа «в то же минуту дал понятие обо всем» напоминает верующим о том, что Адаму уже при сотворении все знания были дарованы Всевышним. В таком же плане идут упоминания, связанные с другими пророками. Поэтическими образами, символами и разными видами тропов автор уже в начале произведения приводит к мысли о том, что все создано Всевышним и, в конечном итоге, вернется к нему же. Простому человеку не постичь всего того, что сокрыто от наших глаз, все в природе подчинено Ему, по Его воле собираются облака, а из воды появляется огонь (т.е. молния).

Кылыр һәм ут белән суны муафыйк,
Чыкарыр су эчендин бәрку-офык.
Ни кылса ирке бар вә кодрәте бар,
Аның алдында асандыр һәммә кәр.

Далее следуют восхваления последнего пророка Мухаммада (с.г.с) «Мөхәммәд пәйгамбәрне (Аллаһының ана сәламнәре ирешсен) мактау өлеше» – «Глава, посвященная восхвалениям Мухаммада (да благословит его Аллах)). Автор с благоговением упоминает имя пророка, называя его эпитеты: «Мостафа» («Избранный Всевышним»), «Хабибе Хак» – тот, кто достоин любви Истины (Всевышнего)), «Нәгине әнбия» – пәйгамбәрләр тажы, пәйгамбәрләрнең йөзек кашы, самый драгоценный (значимый) из пророков, (подобно самой драгоценной короне), Кәни сәха – юмартлык чыганагы – источник щедрости, бәхри шәфагать – шәфкатьлелек дингезе

– источник нескончаемого милосердия и др. Такие эпитеты пророка, без сомнения, были понятны читающей аудитории того времени. Автор восклицает:

Бихэмдуллаһ – Мөхәммәт өммәтемез,
Кыямәт көн өмиде шәфкатемез.
//Хвала Аллаху, мы из племени Мухаммада,
В судный день надеемся на его поддержку.

Здесь поэт упоминает о том, что пророк Мухаммат (с.г.с.) является тем, кто по дозволению Всевышнего Аллаха придет на помощь правоверным в Судный день и даст шафагат (заступничество). Обращает на себя внимание красочность поэтического слога Хувайды при описании достоинств последнего пророка:

Вөжүдедин мөзәйән булды фәреш,
Гобары кадмедер зиннәте гареш.
//Его присутствием земля стала краше,
Пыль из-под его ног – украшение небес,

– пишет поэт о Мухаммаде (с.г.с). Используя поэтическую образность, в данной главе автор еще и еще раз подчеркивает значимость пророка, который взял на себя обязанность защиты всех тех, кто верует во Всевышнего Аллаха в Судный день. Глава заканчивается словами обращения к читателю, где поэт выражает свое негодование по поводу того, что люди, зная о том, что все в мире им даровано Аллахом, не живут по предписаниям Корана, не следуют требованиям религии ислама, довольствуясь земными благами, забывают о духовном, при этом ожидают заступничества в Судный день:

Эшең сәненң даим эчмәк-йиймәклек,
Гажәптер сәндин «өммәт мән» димәклек.

Намазу-руза кылмай, и бөрадәр,
Ничек шәфкать теләрсен рузы-Мәхшәр?

Следуя литературным традициям средневековья, автор посвящает также отдельные небольшие главы последователям пророка Мухаммада – праведным халифам Абу-Бакру («Бяне Әбү-Бәкер Әс-Сыйддыйк разаллаһу тәгалә ганһ»), Умару («Бяне Гомәр-Фәрук разаллаһу тәгалә ганһ»), Осману («Бяне Госман Зин-Нурин разаллаһу тәгалә ганһ») Али («Бяне Гали бине Әбү-Талип разаллаһу тәгалә ганһ»). Известно, что Абу-Бакр по наставлению Умара распорядился о сборе воедино подлинных записей Корана; Осман пригласил переписчиков, сам тщательно проверял их и занимался распространением священной Книги, Али также занимался распространением Корана и следил за тем, чтобы не было искажений в его содержании. В данных главах упоминаются их хвалебные имена – Абу Бакр называется «преданным», Умар – «мудрым» (постигающим

мудрости), Осман – «светлым» (излучающим свет), Али – «сильным» (как лев).

В главе, посвященном Хасану и Хусайну – детям Мухаммада (с.г.с) («Бэяне Хэсэнү-Хэсэен разаллаһу тэгэлэ ганһум»), которая следует далее, поэт пишет об их трагической смерти, называя их «Коррэтел-гайнин» – ике күз карасы – драгоценные, как зеницы ока, «Жэкэр бэнде Солтаны Шаһы Кэүнэйн» – ике галэм шаһы Мөхэммэд пэйгамбэрнең кадерле бэгырь кисэклэре – бесценные сокровища души падишаха двух миров Мухаммада.

По традиции поэтов-суфиев, Хувайда просит прощения у Всевышнего за его бесконечные грехи, которых он совершал, и признается в том, что «нет у него добрых деяний, что он делал все годы – все было неправильно». Такое уничижительное отношение присуще авторам суфийского направления. Автор в этой части произведения еще и еще раз напоминает о милости Всевышнего Аллаха, о благах, дарованных людям, при этом подчеркивает, что нужно довольствоваться тем, что мы имеем по воле Всевышнего.

Хувайда перечисляет те блага, которые дарованы человеку Аллахом, что также часто встречается в произведениях поэтов суфиев: это – острые глаза, которым человек воспринимает окружающий мир; уши – предназначенные для того, чтобы услышать слова Корана, но при этом поэт отмечает, что не нужно слушать плохие слова, не быть тем, кто сошел с пути истины. Дан человеку язык, чтобы он повторял имя Всевышнего, дана истинная вера (иман), которая принесет ему благосостояние и др. Подитоживая свою мысль, автор опять же напоминает читателю о том, что за все это мы должны быть благодарны Всевышнему. В данной части произведения далее следуют размышления автора по поводу своей жизни, о том, насколько он сам живет по предписаниям Ислама. Обращаясь к себе поэт еще и еще раз пишет о довольстве, обращается ко Всевышнему с тем, чтобы Он принял наши молитвы и отвел от неправильных поступков. Мы желаем этого, так как нет другого, на кого могли бы мы полагаться, - рассуждает автор

Кабул кылгыл, Ходайа, шөкремезне,
Кабэхэтлыкга салма фикремезне.

Мэңа ике жиһанда тигсэ кәмем,
Ки сән, үзгә юк һәргиз пәнаһым.

Таким образом, в этой главе автор, рассуждает о смысле жизни, еще раз упоминает эпитеты Всевышнего Аллаха. Умудренный жизнью поэт обращается с высоты своих лет к тем, кто остается после него: «не радуйся нажитому богатству, так как многие как я, держались за земные блага, стремясь найти в них поддержку, опору, создали семью, строили дом. Но, пришло время, оставив все, ушли, легли в землю. Всех постигло это – и

друзей близких и знакомых, все ушли и стар, и млад. Все ушли в иной мир, не оставив после себя ни имени, ничего». Вот философия автора, касающаяся смысла жизни. Поэт думает о душевной и телесной чистоте, пишет о том, что он оставляет после себя в память книгу, которая даст успокоение его душе:

Күңелдә әйләем ошбу бәһанә,
Дидем: «Булгай бу мәктүвим нишана».

Ки мәндин калса, ди, ядым ядкәри,
Китабым китсә һәр шәһре-дийари.

Улып шайәде ираннар шат булгай,
Догада рухы пакем йәсәд кылгай.

Таким образом, глава Башлам настраивает читателя на то, чтобы принимать произведение, основанное на религиозной дидактике и направленное исправлению нравов, что соответствует основной цели средневековой суфийской литературы, чему соответствует языковая сторона произведения, а также знакомит читателя с мировосприятием поэта – творца этих строк.

ЛИТЕРАТУРА

Катанов Н.Ф. О религиозных воинах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского Губернск. музея. Тобольск: Типография Епарх. Братства, 1904. вып. XIY.

Сайфулина Ф.С. История формирования и развития татарской литературы Тюменского региона.- Тюмень: Вектор Бук, 2007. – 296с.; Сайфулина Ф.С., Талипова Г.М. «Насихатнамэ» Амдами – литературный памятник средневековья.- Тобольск: ТГСПА, 2009. 180с.; Духовно-нравственные проблемы в татарской средневековой литературе.- Тобольск: ТГСПА, 2010.-128с.

Ф.С. Сайфулина

НРАВСТВЕННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ЛИТЕРАТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

**(на примере книги «Душевная благодать» поэта средневековья
Хувайды)**

В истории развития суфийских взглядов в литературе наблюдаются различные течения, которые отличаются своим крайним многообразием. Как утверждают многие ученые, в сущности, единого суфизма и не было. Этому способствовало развитие общества, возникновение различных братств. Но все служили одной великой цели, их объединяло одно – совершенствование духовного мира человека. Суфии размышляли над смыслом стихов Корана, строго следовали предписаниям и сунне Пророка, много молились, постились, придерживались культа бедности и труда для очищения души. Глубокий анализ тончайших переживаний человека

является отличительной чертой поэзии суфиев, так как их главной целью является восхождение к Истине.

Суфизм – сокровенное учение, направленное на познание Истины с целью поднять человека на более высокую ступень совершенства. Высшая цель суфизма – постижение Всевышнего и познание Истины. В разные периоды развития татарской духовной культуры, в зависимости от политических и социокультурных условий, мыслители, ученые и поэты по-разному истолковывали пути достижения человеческого нравственного совершенства.

Рассмотрению проблем суфизма посвящены многочисленные труды татарских ученых и литературоведов XIX века, таких как А.Курсави, Г.У.-Имяни, Ш.Марджани; а также начала XX века – Г.Губайдуллина, Г.Рахима и др. Изучение этого направления в литературе особенно активизировалось во II половине XX века. В трудах У.Беляевой, Х.Мухамметова, Х.Хисматуллина, М.Гайнуллина, А.Харисова, Ш.Абилова, К.Давлетшина, М.Гайнутдинова, А.Шарипова, Ш.Садретдинова, Х.Миннегулова, Р.Ганиевой, Г.Хусаинова, А.Саяповой, М.Ахметзянова, А.Сибгатуллиной, Ф.Яхина рассматриваются разные аспекты суфизма, влияние его идей татарской литературе, в частности. Серьезные исследования о данном направлении в литературе созданы также учеными-философами Я.Абдуллиним, Р.Амирхановым, Р.Мухамметдиновым и др.

Среди подобного типа литературных памятников самыми распространенными и широко известными являлись стихи Сулеймана Бакыргани (XII в), произведения «Нахдж ал-фарадис» («Путь в рай») Махмуда Булгари (XIV в.) и «Джумджума султан» Хусам Кятиба (XIV в.). Основными характерными чертами данного ряда произведений, можно назвать наличие элементов фантастики и свободного обращения с обоими мирами – земным и загробным. В такого рода сочинениях ответственность за земные греховные деяния человека постигает уже в этом мире, а затем, в мире загробном растет в фантастической прогрессии. Такой мотив позже в полный голос звучит в произведениях традиционалистов, например «Фазаилеш-Шохур» Дж.Бикташи и ряда других авторов. В данных произведениях нравственность и добро становятся необходимыми атрибутами праведной земной жизни, так как это является условием благоденствия в ином мире, безнравственность же наказывается мучениями ада. Ученые считают такой литературный прием вполне социально обусловленным, так как произведения светской литературы адресовались преимущественно высшим слоям общества, что вовсе не исключало их широкого распространения в народной среде, а произведения суфийских авторов писались для народных масс.

Основным в тюрко-татарской литературе является утверждение путей исправления нравов, которое в арабо-мусульманской философии включает два аспекта – обучение и воспитание, где основной акцент

уделяется на воспитание нравственных качеств человека, заботящегося не о благах этого мира, а того, кто мысленно посвятил свою жизнь служению Всевышнему Аллаху. Знание в понимании суфия не включает освоение светских наук, дорога к Истинному Знанию лежит преимущественно через усвоение истинной веры и воспитание духа.

Отличительной особенностью накшбандийского суфизма является его особое внимание к исполнению обрядности и ритуала. Если некоторые суфийские ордена нередко пренебрегали мусульманскими установлениями, считая, например, что «истинная мечеть находится в сердце мусульманина» [Керимов 1969: 63] и т.п., то местный суфизм придавал мусульманскому поклонению определяющее значение, наряду с самим тарикатом – суфийским путем. Как отмечает Ф.З.Яхин: «Здесь одно не мыслилось без другого» [Яхин 2000: 55]. В силу этой особенности огромное значение при определении нравственности и человеческого совершенства в рамках суфийского направления среди татар придавалось исполнению мусульманских ритуалов и вере в догматы.

Как известно, достижение суфием ступени «хакикат» (истина) происходит в результате первоначального усвоения норм шариата, через приобретение им определенных нравственных качеств, а также с помощью специальной психологической практики. В произведениях суфийской направленности наряду с щедростью, великодушием и благочестием, необходимыми качествами человека называется терпение, которое включает отказ от жалоб, довольство, любовь ко всему, что совершается Всевышним. Кроме этого, наряду с другими нравственными добродетелями, здесь называется трудолюбие, умеренность в потребностях и желаниях, в пище и одежде, разумность, честность, правдивость, милосердие, заботливость по отношению к близким и пр. [Амирханов 1993: 80] Приоритет в избрании этих качеств обусловлен особенностями местного суфизма, не склонного к чрезмерному аскетизму. Авторы таких литературных произведений призывают людей избавляться от таких пороков, как жестокость, насилие, разврат, ростовщичество, раздор, эгоизм, зависть, клеветничество и др.

Еще одной особенностью татарской суфийской литературы средневековья заключается в необычайной насыщенности произведений темой смерти. Постоянно звучит призыв оставить мысли о материальных благах этого мира и задуматься над тем, что необходимо для жизни загробной. Примером тому могут послужить сборник «Бакырган китабы» («Книга Бакырган»), который объединяет произведения тюрко-татарских поэтов-суфиев XII-XVIII веков [Бакырган китабы 2000: 240], что утверждает общий пессимистический настрой произведений. Не является исключением из общего произведения поэта Икани, являющегося, по мнению автора, одним из поэтов, творивших в Сибири [Сайфулина 2010: 128] Нравственные идеалы поэта, чье творчество предположительно

создавалось на Сибирской земле, совпадают с традиционными взглядами поэтов-суфиев того времени.

Суфийскую направленность имеет также книга «Рэхәте-дил» («Душевная благодать») поэта средневековья Хувайды (Һөвәйдә), которая, по утверждению литературоведа Ф.З.Яхина также может иметь «сибирское происхождение». В главе «Дәрбияне китабу вә исме мөсәнниф рәхмәтуллаһу тәгалә» - «О книге и его авторе (да будет ему благословение Аллаха)», С. 31-33) упоминается настоящее имя автора – Хужа-Назар бине Гаиб-Назар. Здесь важно обратить внимание на имя отца поэта. Гаиб – религиозное дополнение к имени, подчеркивает о приверженности данной личности к суфийскому сану (Гаиб – мужчина-суфий). В традиционной для средневековой тюрко-татарской литературы главе, называемой «мунаджат», автор оставляет о себе некоторые биографические данные. Обращает на себя внимание то, что по тексту в поэтических обращениях несколько раз автор называет себя именем Хувайда. Например,

Һөвәйда, инде сүзен әйләмә сәр
Ишетсеннәр һәммә яру-берадәр. (С. 29)
//Хувайда, не делай секрета из своих слов
Пуст услышат (тебя) все: друзья-знакомые.

Таким образом, как и поэт Икани, по традиции поэтов-суфиев, по ходу изложения текста автор произведения несколько раз как бы вслух обращается к себе, таким образом делится с читателями своими мыслями и чувствами по отношению к своему творению или же к содержанию произведения. Например,

Һөвәйда, сән фәкыйрьлек ихтыяр ит,
Үзеңне халкь ичендә харе зар ит. (С.51)
//Хувайда, выбери путь (праведной) бедности
Не будь выше народа, среди них будь своим.

Композиционное построение книги подчинено также средневековым традициям тюрко-татарской литературы. Произведение состоит из введения (башлам) и многочисленных глав-рассказов, объединенных между собой единой проблемой – религиозными наставлениями и назиданиями, которые направлены на воспитание у читателей положительных качеств.

Вводная глава, являющаяся традиционной для тюрко-татарской литературы вышеуказанного периода, начинается со слов восхваления Всевышнего Аллаха:

Сәнау-хәмде Халлакы жиһанга
Ки хөкмен күрсәтеп яхшы-яманга,
//Хвала Аллаху – Создателю миров,
Который оценит все: и добро и зло

Тотыптыр бисәтүн күкне мөгаллак,

Биреп шамсү-камэр дөнъяга раунак.
//Он держит без усилия небо наверху,
Чтоб освещали мир – дал солнце и луну.

Признавая это, поэт просит благословение Всевышнего и дать ему помощь в написании этого произведения. Далее следуют также традиционные главы, посвященные восхвалениям последнего пророка Мухаммада (с.г.с).

Бихэмдуллаһ – Мөхәммәт өммәтемеэ,
Кыямәт көн өмиде шәфкатемез.
//Слава Аллаху, мы из племени Мухаммада,
В судный день надеемся на его поддержку.

Автор посвящает отдельные небольшие главы последователям пророка Мухаммада – праведным халифам Абу-Бакру (Әбу-Бакир), Умару (Гомәр), Осману (Усман), Али (Гали ибн Әбу-Талип). (Известно, что Абу-Бакр по наставлению Умара распорядился о сборе воедино подлинных записей Корана; Осман пригласил переписчиков Корана, сам тщательно проверял их и занимался распространением священной Книги, Али также занимался распространением Корана и следил за тем, чтобы не было искажений содержания Святой Книги). Следует отметить, что во многих произведениях средневековья является традиционным обращение к образам пророков и праведных халифов. Например, поэма Рабгузи «Кисса-и-Рабгузи» («Сказание Рабгузи», 1311) посвящена описанию жизни и деятельности пророков от Адама до Мухаммеда – основателя ислама. Продолжением этой темы является прозаическое сочинение Махмуда ибн-Гали «Нахдж ал-фарадис» (1358), где рассказывается о жизни Мухаммеда (с.г.с) и четырех последовавших за ним праведных халифов, описываются морально-этические нормы ислама, перечисляются положительные и отрицательные качества людей. И в данном изучаемом произведении образы пророка и праведных халифов являются примерами для подражания для читателей.

В главе, посвященном Хасану и Хусайну, детям Мухаммада (с.г.с), автор еще и еще раз напоминает о милости Всевышнего Аллаха, о благах, дарованных им народу, а также о том, что нужно довольствоваться тем, что мы имеем по воле Всевышнего, что прослеживается далее по ходу всего произведения. Автор перечисляет те блага, которые дарованы человеку Аллахом: это острые глаза, которым человек воспринимает окружающий мир; уши – для того, чтобы слышать слова Корана, но при этом поэт отмечает, что не нужно слушать плохие слова, не быть тем, кто сошел с пути истины. Дан человеку язык, чтобы он повторял имя Всевышнего, дана истинная вера (иман), которая принесет ему благосостояние и др. Подитоживая свою мысль, автор опять же напоминает читателю о том, что за все это мы должны быть благодарны Всевышнему:

Кани бездә фәрасәт, фәһм кылсак –
Сәнең нигъмәтләреңгә шөкер кылсак?
//Для чего дан разум, если рассуждать –
Не для того ли, чтобы быть довольными этим.

Ходага шөкер бездин иртә вә шам,
Салыпдыр ватанымызны дар шәһрислам.
//Благодарность наша Всевышнему с утра до ночи,
Что наша родина в стране (доме) Ислама.

Далее по тексту идут отдельные рассказы, созданные на назидательной основе и направленные на воспитание у читателей положительных качеств.

Один из таких рассказов называется: «Рассказ пятый. О том как три брата нашли в дороге клад и из-за своей алчности погибли» («Хикаятүл-хамсүн. Өч карендәш сәфәрдә кәнже табып, нәфсе вә Шәйтанга әүварә булып һәлак булганнар»). Сюжет рассказа не сложен, уже в его названии заложена событийная канва произведения. Три брата, оправившиеся в дальнюю дорогу по песчаной пустыне, находят клад. Братья обрадовались находке, стали благодарить Всевышенного Аллаха за дарованные богатства. Братья решили, что один из них сходит за едой, после, за едой читать молитву в благодарность Всевышнему. Дали младшему золотую манетку и попросили не задерживаться долго.

Но Сатана, в облиции алчности, настраивает братьев друг против друга: оставшиеся у клада братья не могут побороть в себе появившееся чувство жадности. Они решают при возвращении убить младшего брата и разделить клад между собой, так как в таком случае им достанется значительно больше богатства. Сатана сбивает с пути истины и младшего брата, который отправился на базар за едой. И его посещают точно такие же мысли, подсказанные чувством алчности. Признавая то, что одному ему трудно будет справиться двумя братьями, он решает помешать в еду яд и таким образом отделаться от старших братьев и взять все найденные богатства себе.

Так и сделали: вернувшись с ядовитой едой, младший брат предлагает ее старшим; старшие же, договорившись между собой, убивают младшего, после сами отравляются преподнесенной младшим братом едой. Таким образом, погнавшись за богатством, управляемые жадностью и алчностью, родные братья убивают друг-друга. Подитоживая свою мысль, поэт далее пишет о том, что все это было сделано ради обогащения, мирского блага, который не стоит человеческой жизни. Поэт-суфи еще раз напоминает о том, что все мирские блага – это яд, который убивает душу человека, не оставляя даже родственных чувств. Обращаясь к читателю, Хувайда пишет:

Кеше булмаса мәгънәдән хәбәрдар,

Аты – адәм, димә, бел, нәкъшы див ар.

//Если человек не будет думать о душе,

Не называй его человеком – это раскрашенный змей.

Таким образом, на этом жизненном примере автор произведения обращает внимание читателя на последствия человеческой алчности. Глава продолжается назиданиями по поводу веры и преклонения Всевышнему Аллаху, и наоборот, поэт призывает читателя не быть рабами своих страстей, не преклоняться мирским богатствам, не служить дьяволу в обличие денег и богатств. Иначе, пишет автор, всех ждет наказание в виде адских мук. В Судный день не будет таким людям покровительства, не поможет отец – сыну, мать – дочери. Каждый человек, в конечном счете, получит по заслугам, по тем богоугодным делам, которые совершал, прибывая на земле. Человек, не знающий и не думающий о будущей загробной жизни, будет раскаиваться, но будет поздно, напоминает автор. Все люди предупреждены об этом, но в мирской суете они забывают о своей вере, о служении Всевышнему, размышляет поэт. Он призывает читателей не быть равнодушными, задумываться о своей душе, не предаваться мирским утехам, не собирать материальные блага, так как все в этом мире – бременно, а вечна только душа.

В произведении автор отдельно останавливается на описании ада и тем мукам, которым подвергаются там несправедливые мученики, пренебрегавшие наставлениями Корана, не придерживавшиеся канонов ислама. Ужасающие картины ада, представленные автором в эмоционально-экспрессивном стиле направлены на зарождение в душе читателя страха перед Судным днем.

При этом, отдельная глава поэтом посвящается рассказу о райских наслаждениях, которые уготованы праведникам, придерживавшимся религиозных канонов.

Риваять әйләде Әбу-Һәрирә,

Разаллаһу ганһ, коддәссәрирә.

//Предание рассказано Абу-харира,

Пусть благославит его Аллах,

да просветлится магила его.

Так начинается глава, озаглавленная «Риваяте фи баянел-жаннәт» («Предание о рае»). Красоты рая и блаженства, испытываемые там человеком, описаны автором поэтической образностью и выделяются особым красноречием:

Акар суы тәмамы ширү-шәкәр,

Ләбен фәриш әйләгән якуты әхмәр.

//Вода, которая течет там – молоко с сахаром,

А берега его из красного изумруда.

Ки сыйфат кылсам аз Каф та Каф,

Рәва булмас тәмамы, кылсам әүсаф.

//Не возможно описать, не хватает места

от гор до гор

Не с чем сравнить его до конца.

Здесь автором использованы многочисленные метафоры, сравнения, эпитеты и др. виды поэтических тропов, которые дают возможность более образно представить те блага, которые ожидают в загробном мире праведников, живущих по канонам шариата.

Далее в произведении продолжают тематические главы, например, о необходимости для мусульман пятикратного намаза. «Хикаяте елан бинамаз хакында» («Рассказ о змее (который появился от того, что не читали намаз)»). Данный рассказ также начинается с предстваления того лица, от которого автор слышал его:

Ишетеннәр, ших Хәсән Басри заманы

Төшөпдәр Басра эчрә бер еланы.

//Слушайте, во времена шейха Хасана Басри

Упал на Басру (город) одна змея.

Далее автор излагает причины и последствия этого страшного происшествия, так как змея была огромной, и под ней оказался весь базар, со своими семидесятью тысячами магазинов («Ки йитмеш мең дөкани басмыш ул мар»). Вся базарная сторона загудела, собралось немереное количество народу. Все испугались, что эта змея может всех их проглотить, разрушить весь их город.

Люди решили идти к уважаемому шейху за помощью и разъяснениями: почему же именно на их город свалилось такое чудовище, который так осквернил их город, разрушил мирный базар? Послушав их рассказы, шейх сам направился к базару, чтобы воочию убедиться в услышанном. Приблизившись, люди опять узрели ту же картину: лежит, раскинувшись во весь базар, огромная, страшная змея, высунув язык, разглядывает по сторонам. Спросил тогда шейх у змеи, в чем причина того, что он именно на их город свалился? Змея, мотая головой, попытался что-то сказать, но понять его шейх не может. В это время он положил палку, которую держал в руке, на землю, накинул на себя шерстяную одежду (шаль) и начал молиться. В конце молитвы шейх обратился к Всевышнему Аллаху с просьбой о том, чтобы он помог язык змеи понять, чтобы узнать причины того, почему же она оказалась здесь, чем же жители города Басра заслужили такое наказание. В ответ на его просьбу Всевышний дал змее красноречивый язык, и она начала: «Ах, шейх, я скажу тебе, ты услышь». И поведала змея шейху свою историю: оказывается эта змея – ангел Мучения, и причина того, что она именно сюда упала, кроется в том, что ее послал Всевышний Аллах, чтобы та наказала совершенно иной народ. Путь змеи пролегла над Басрой, пока она пролетала через их город, ее крыло было повреждено стрелой злого,

неверующего человека, который, не боясь Всевышнего, выстрелил в ангела. Попросила змея, обратившись к народу, помолиться всем вместе, чтобы у нее крылья поправились, и чтоб она смогла улететь. Все подняли руки для молитвы и со слезами на глазах начали молиться. Услышал их молитвы Всевышний, и в тот же час поправились крылья ангела, и, перед взором изумленного народа, раскрыв крылья, змея улетела. Делая свои выводы по поводу вышесказанного, автор далее пишет о том, что насколько опасен даже один человек, который не читает намазы (молитвы), он оскверняет всех остальных, нельзя даже близко подходить к такому неверующему человеку.

В произведение особое место уделяется месяцу рамадан и деяниям, которые должен совершать мусульманин во время месяца поста:

Булып өч ун, диделэр, руза ае,
Ул айдыр барчага дәүләт хомае.
//Длится три по десять (т.е. тридцать дней) месяц поста
Этот месяц для каждого богатство и счастье.

Кеше кем, руза ае руза тотса,
Үзен бишвакыт намаз эчрә яд итсә,
Ни кылган жормыны Тәңре кичергәй,
Аңа кәүсәр шәрабедин ичергәй.
//Если человек держит пост в месяц поста,
В пятикратном намазе напомним о себе
Все плохие деяния его будут прощены Всевышним,
Будет он утолить жажду из чистого родника.

Таким образом, автор произведения еще и еще раз напоминает читателям о том, что нужно придерживаться религиозных кононов, особенно обратить внимание на выполнение пятикратного намаза, придерживаться поста. В таком жет духе описывается глава, названная «Коръәне-Шәриф укымакның әжере бәянендә» («О пользе чтения Священного Корана»).

Таким образом, благодаря научным изысканиям ученых-текстологов, на сегодняшний день мы можем вести речь о нескольких именах поэтов, так или иначе причастных к Сибирской земле. Творчество Хувайды также является интересным отражением средневековой суфийской литературы, направленной на исправление нравов.

Кроме этого, решение проблемы предопределения в светски ориентированной литературе вполне способно ограничиваться земным миром, в то время как у суфийских авторов эффект назидательности усиливается за счет нравоучений по поводу мира иного. В самом наборе добродетелей нет противоречий, но все же, в суфийской литературе больший акцент делается на проповедь терпения, довольства малым, победить в себе алчность. Главная цель человека в такого рода

произведениях – подготовка человека к иной жизни, в то время как в светской литературе силы героев направлены на достижение земного счастья.

Литература:

Керимов Г.М. Аль-Газали и суфизм. – Баку: Эльм, 1969. – 109 с.

Яхин, Ф.З. Религиозная мистика и мифология в татарской поэзии / Ф.З.Яхин. – Автореф. дисс. ... доктора филолог. наук. – Казань, 2000.- 50 с.

Бакырган китабы: XII-XVIII йөз төрки-татар шагыйрьләре әсәрләре / Текстларны басма өчен Ф.Яхин әзерләде. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. - 239 б.

Сайфулина Ф.С. Духовно-нравственные проблемы в татарской средневековой литературе. – Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2010.- 128с.

Ф.С. Сайфулина

ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ «НАСИХАТНАМЭ» ТОБОЛЬСКОГО ПОЭТА АМДАМИ

Научный интерес к поэтическим памятникам средневековья начали проявлять с конца XVIII-начала XIX вв. ученые-востоковеды России, Венгрии, Германии, Турции, Польши и других стран. Их усилиями были расшифрованы и опубликованы многие тексты, благодаря которым появилась возможность более глубокого их изучения. Современная текстологическая наука часто встречается с проблемами объяснения и трактовки древних и средневековых письменных памятников.

Одним из произведений средневековья, имеющих идейно-эстетическую и воспитательную ценность, является книга «Насихатнамэ» («Книга наставлений») поэта конца XVII – начала XVIII века поэта, творившего под псевдонимом Амдами. Религиозно-нравственный характер произведения объясняет тот факт, что издававшаяся несколько раз в XIX веке книга, в советский период была предана забвению. В связи с тем, что автор произведения называет себя в книге выходцем из народа Таб, проживающего на берегу реки Тобол, считаем важным выяснения вопроса об истоках появления этого интересного по своему содержанию произведения. Актуальность исследования продиктована возрастающим интересом к древним и средневековым письменным памятникам, которые имеют этико-эстетическую и воспитательную ценность.

Некоторые данные об этой книге и о его авторе имеются в библиографической книге «Асар» («Памятники») известного ученого-историка и богослова Ризаутдина Фахрутдинова [3: 30-31], где он высоко оценивает поэзию Амдами, а также дает краткую характеристику его произведения «Насихатнамэ». В вышеуказанном труде автор пишет о том, что у него имеется рукопись книги называет собственное имя автора – Худжа Шукур бине Гавас-бай. Здесь ученый также фиксирует следующие данные: в 1694 году будущий поэт окончил медресе Даулатшаха ибн Габдулвагаппа Эл-Хасани, долгие годы был ахундом Тобольска, открыл

свою школу для местных детей и занимался литературным творчеством. Здесь же, в Тобольске, 26 января 1703 года завершил книгу «Насихатнамэ». При этом, о существовании Гаваса сомнений быть не может, так как до настоящего времени сохранился надгробный камень, хранившийся в Государственном музее г. Тобольска, на котором высечено имя одного из его сыновей. «Получается, что поэт Амдами (Шукур бине Гавас) – это правнук бека Кучум хана Йусуфа би. Невозможно игнорировать и тот факт, что у татар ахунды передавали священную службу от отца к сыну, таким образом, создавались династии ахундов»-размышляет по этому поводу литературовед Ф.З. Яхин [5: 193].

В конце XX столетия Учеными Н.Юзиевым и А.Фатхи [4: 119], был найден рукописный вариант данной книги, но дальнейшее исследование источника не последовало.

В начале XXI века в рамках изучения региональной литературы кафедрой татарского языка, литературы и МП ТГСПА им. Д.И. Менделеева началось текстологическое исследование «Насихатнамэ». Находка еще одной рукописи этого литературного памятника является доказательством мысли Р.Фахрутдинова о том, что литературные памятники древности необходимо искать в Сибири, что именно здесь делается намного больше полезных дел по сохранению наследия отцов и дедов, чем мусульмане Поволжья. Но, несмотря на такой лестный отзыв ученого, на сегодняшний день науке известно немного имен поэтов и писателей, живших и творивших на территории Сибири. Хотя отдельные литературоведы и ученые-историки края, опираясь на новые находки и исследования по ним, также склонны считать, что Тобольская губерния, в частности, Карагайские юрты некогда являлись если не «оплотом суфизма», то непременно «центром мусульманского района»; «своего рода резиденцией сибирско-татарских или сибирско-бухарских хаджей, так или иначе связанных с конгрегацией Накшбандийа» [1: 55-73].

Книга Амдами «Насихатнамэ» создана на основе идей суфизма и под влиянием произведения персидского поэта Ф.Гаттара «Панднамэ», о чем свидетельствуют строки из текста:

Бу «Нэсыйхэтнамэ»не, кем, кылдым бэян,
Шэйхе-Гаттар эйтеп ирде, бел гэян.

«Рассказал эти «Наставления»/ Знай, этому сподвиг меня Шайхе-Гаттар»./

Башта тажиклар теле берлә иде,
Һәмдәми төрки теле берлә тиде.

«Вначале была написана на языке таджиков,/ Амдами перевел на язык тюрки»/.

В конце XVII – начале XVIII веков, в эпоху, когда творил поэт Амдами, давление и притеснения со стороны церкви и царской власти вызвали усиление протеста. В тюрко-татарской общественной жизни

происходит возрождение суфийского движения, что дал новый толчок для развития суфийской литературы.

В данной статье мы рассматриваем данный источник с позиции выявления в нем духовно-воспитательного потенциала. Известно, что поэты-суфии берут на себя ответственность за воспитание народа и разъяснения религиозных идей. Люди, прошедшие трудный путь духовных исканий в постижении Истины и стали нравственными, духовными ориентирами для своего времени и окружения. Одними из них были суфии, которые провозглашали свою приверженность учению Пророка, задачей которых являлось стремление поднять человека на более высокую ступень совершенства. Их поэзию отличали глубокий анализ смысла жизни.

Анализ книги Амдами «Насихатнамэ», дает глубокое убеждение в том, что поэт – один из представителей суфийской литературы, который в новых условиях продолжает традиции поэтов-суфиев.

В произведении прослеживается традиционное для древнетюркской литературы композиционное построение: в начале произведения возносится хвала Аллаху, пророкам, после чего объясняется причина написания произведения. Перечисляя деяния пророков, автор обращает внимание читателя на том, что все в мире подвластно только Всевышнему Аллаху. Амдами рассказывает о деяниях самого последнего пророка, ниспосланном Всевышним Аллахом на нашу землю – Мухаммаде. В тексте также упоминаются имена его последователей Абу-Бакира, Гумера (Омар), Госмана (Осман), Гали (Али), которые были сподвижниками, продолжателями духовной практики Мухаммада и являлись искренними служителями веры и аскетами. Упомянув их имена, Амдами подчеркивает их праведные деяния, поет восхваления их величю. Таким образом, уже в начале произведения автор преподносит свой идеал духовности через образы пророков.

В первых же строчках изучаемого произведения поэт Амдами упоминает о пяти дарах Всевышнего, данных человеку – это его глаза, язык, сила слова, руки и ноги. Он пишет, что человек – это само совершенство, ибо ему все даровано Аллахом. Таким образом, во вступительной части произведения восхваляются деяния и дарования Всевышнего, за которые человек должен быть благодарным. Автор всесторонне описывает силу и мощь Всевышнего, тем самым, доказывая, почему человек не должен ни на минуту забывать о нем.

Этим традиционная часть произведения заканчивается. Данные главы хотя и являются только прологом к основной части, очень важны для поэта средневековья: здесь строго придерживаются традиционные литературные каноны поэтов-суфиев.

Центральная проблема в творчестве Амдами является выявление нравственных норм воспитания человека. Все главы произведения названы

автором «пәндү-нәсыйхәт» («назидания и наставления») В первой же главе книги речь идет о чувстве «нафс». По мнению Амдами самый главный порок человечества – это алчность, которая является основой всех бед и несчастий человека. Учение «тасаввуф» является школой продвижения к совершенству через преодоление человеком своего нафса. Суфии мечтали воспитать «совершенного человека» (аль-инсан-аль-камиль), который способен побороть свое «эго», «я», т.е. встать выше «нафса». Рассматривая алчность как жадность, скупость, корыстолюбие, неудержимое стремление удовлетворить свои желания, автор в течение всего произведения призывает бороться с этим чувством, который отдаляет человека от Всевышнего. Для Амдами совершенным является тот человек, который победил в себе это чувство. Далее в течение всего произведения в каждой главе мы сталкиваемся с этой проблемой, раскрытие которой становится основной целью произведения.

Ул дорыр галимдер ки, шакир дорыр,
Хак юлында нәфсенә кадир дорыр
Кем ки йотты Хак юлында каһәрне
Күрде мәгъмур ул жиһанда шәһәрне.
Кайсы ахмак кем өяр нәфс ардына,
Һич аның дәрман табылмас дәрденә.
Нәфсә оймак гакылсызлыкдин торыр,
Гакылсыз нәфсе-һава берлә йөрер.

Во второй главе автор предупреждает разумного читателя о том, что он должен соблюдать четыре правила: держаться подальше от злых людей, самому не совершать зло и избегать его, не соблазняться богатствами и обманчивостью жизни, не дружить с людьми, имеющими плохие привычки.

Далее в каждой главе поэт дает свои наставления тем, кто желает спасти свою душу. Для этого, по мнению автора, нужно не терять веры, «отмыть руки от греховного». Здесь автор излагает свои дидактические наставления, перечисляя каждое правило в отдельности, но при этом, в произведении нет иллюстраций к назиданиям, представленных отдельными поэтическими рассказами, как, например, у тюрко-татарских поэтов Мухаммадьяра или Г.Утыз-Имани.

Поэт пишет, что только три вещи дают человеку свободу: всегда помнить Аллаха, не брать то, что тебе не принадлежит, быть всегда в вере и никому не позволять помешать встать на праведный путь. Амдами призывает читателя бороться со своей алчностью, помимо этого, читать Коран, говорить правду, быть в молитве и восхвалять имя Аллаха. Поэт наставляет: не греши, ибо ты отдались от Аллаха, не живи понапрасну, не трать время впустую, накопи знания и молись во имя Всевышнего Аллаха. Автор книги призывает брать уроки и черпать мудрость из

Корана, так как для мусульманина он является сводом законов, которыми должны пользоваться в повседневной жизни:

Хак сүзе ишетмэк колак зикре ирер,
Кем бу зикр эйтсә, морадын Хак бирер.
Булды телнең зикре Коръән укымак,
Бар, Кәламуллаһыдин алгыл сабак.

Коран – это дар Божий, данный человечеству для спасения.

На этом наставления автора по поводу нравственного воспитания не заканчиваются. Продолжая свою мысль, поэт пишет о таких отрицательных качествах человека, как высокомерие, зависть, неумение прощать другим их ошибки, неразборчивость в еде. Таким образом, в каждой последующей главе автор пишет о правилах поведения истинного мусульманина, и, наоборот, о том, чего надо избегать и не превращать в привычку. По мнению поэта, упрямство, жадность, обидчивость и зависть – это качества человека, которые не достойны уважения.

Түрте эшдер кем, бар анда күп хәтәр,
Гакыл ирсәң, кыл ул эшләрдин хазәр.
Падишаһларга явык тормак бере
Кем торыр булса, гажәп – калгай тере.
Бел, икенче, дустлыктыр зәлимнәрә,
Гакыл ирсәң, яры бул галимнәрә.

Поэт предостерегает читателя от следующих нежелательных действий: не быть другом царям и князьям – в один прекрасный день и сам не заметишь, как прольется твоя кровь; не быть другом тиранам, плохим людям, безумцам, только дружба с умным, мудрым человеком оградит тебя от плохих намерений; и не гнаться за богатством, иначе оно поглотит тебя подобно змее. Материальные богатства мирской жизни автором сравнивается со змеей-искусителем. «Змея, опутывающая людей, снаружи блестит, подобно золоту, но внутри у нее яд», – говорит поэт. Амдами выражает надежду о том, что разумный человек, поймет это и посвятит себя более благородным делам, нежели накоплению материальных благ.

Распространенный образ в суфийской символике Змея олицетворяет все пороки человечества, которые отравляют человека, отдаляют его от Всевышнего Аллаха. Поэт также призывает мужчин не уподобляться женщинам, не украшать себя золотом, не надевать шелка, а вести жизнь дервишей, аскетов. Образ дервиша встречается в течение всего произведения.

В данном произведении встречаемся также с рассуждениями автора о вреде лени, долгого сна для разумного человека. Он призывает к постоянной бодрости духа и тела до изнеможения. Сон, в данном случае, как и в других произведениях поэтов-суфиев, является метафорой: сонный человек – значит «гафил» т.е. невежда. Известно, что «пробуждение ото сна» в суфийском понимании – переход из материального мира в мир

духовный. Амдами сравнивает жизнь алчного человека с состоянием сна и призывает людей не быть невежественными, уметь обуздать свои желания, чтобы не увлечься погоней за богатством. Автор пишет, что лень вдвойне вреден для человека, который стремится постичь Истину.

Поэт размышляет также о составляющих счастья, где выделяет самым главным любовь (здесь – любовь ко Всевышнему и всему тому, что связано с ним), во вторых – терпение. Терпение в суфийской литературе – это самое главное качество дервиша, так как только в этом состоянии человек может здраво рассуждать и видеть недостатки других, а самое главное – оценить самого себя. Суфизм развил и возвел понятие «терпение» в ранг отдельной макамы, приближающей суфия к Единому Аллаху. Считая приоритетным это качество, суфии построили внутри нее целую иерархическую систему ценностей, высшей точкой которой стало «довольство» (эл-канага), (эр-рида). Воспринимающие это проходят три макамы: отказ от жалоб (тэрк аш-шакуа) – это ступень покаявшихся и ступивших на праведный путь; довольство своей участью (эр-рида) – ступень набожных и воздержанных; любовь (эл-мэхэббэ), т.е. любовь ко всему, что совершает в тебе Аллах. Это ступень верных и стойких [3: 173]. Суфий, ступивший на путь духовного самоочищения, должен выработать в себе терпение в самом высшем смысле этого слова, чтобы прийти к любви – конечной стоянке своего пути.

В поэме «Насихатнамэ» Амдами призывает читателя быть спокойным, невозмутимым, терпеливо переносить все трудности и испытания, так как он считает, что все на земле совершается с дозволения Аллаха. Эти качества, которые должен воспитывать в себе праведный человек, автор связывает также с понятием «нафс»: только тот, кто совладел своей алчностью, может довольствоваться малым. Таким образом, мы еще раз убеждаемся в том, что для автора было важно победить чувство жадности и алчности и стать образцом терпения.

В книге «Насихатнамэ» есть также отдельные главы, посвященные образованию, сохранению здоровья, что также является очень важным для мусульманина.

Таким образом, произведение Амдами представляет собой своеобразный свод кодексов морально-этического характера, основанных на идеях суфизма. Произведение Амдами служило тому, чтобы довести до народа поэтическими средствами учений суфиев, глубокого смысла изречений Корана. В книге дидактика и назидание органически сочетаются с публицистической страстностью. Произведение написано для начитанного читателя, который разбирается в вопросах религиозной философии и имеет жизненный опыт.

Книга «Насихатнамэ», имеет большую ценность с позиций религиозной дидактики и воспитания. По мнению автора, человек, прежде всего, должен измениться сам, самосовершенствоваться, побороть свою

алчность. Поэт Амдами, будучи человеком строгих нравов, который придерживался религиозных взглядов на жизнь, в своем произведении продолжил идеи поэтов-суфиев.

Литература:

Белич И.В. Ханское кладбище / И.В. Белич// Сибирская столица. – Тобольск, 1997.– № 1. – 55-73.

Ганиева Р.К. Восточный Ренессанс и поэт Кул Гали. / Р.К. Ганиева – Казань: КГУ, 1988. – С. 173.

Фәхрәтдинов, Р. Асар. Беренче жөзъ / Р.Фәхрәтдинов – Казан: Университет басмасы, 1900. – Б.30-31.

Юзиев Н.Г. Уралда сакланган әдәби хәзинәләр/ Н.Г.Юзиев, А.Фәтхи// Казан утлары. = [Юзиев Н.Г. Литературные сокровищницы сохранившиеся на Урале/ Н.Г.Юзиев, А.Фатхи// Огни Казани]. – 1963. – № 12. – Б. 119.

Яхин Ф.З. Отражение истории древнего Тобольска в «Генеалогическом древе Саидов Сибирского ханства» / Ф.З.Яхин // Сулеймановские чтения: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Тюмень: ИПЦ Экспресс, 2005. – С. 191 – 197.

Ф.С. Сайфулина

**АЛТАЙ-СИБИРЬ-КАЗАНЬ-ПЕТЕРБУРГ:
ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ ВЕЛИКИХ ТЮРКОЛОГОВ
В.В. РАДЛОВА И Н.Ф. КАТАНОВА**

В 2012 году тюркологическое сообщество отмечает юбилей двух именитых ученых-тюркологов: 175-летие Василия Васильевича Радлова (1837-1918), ознаменовавшего своими научными трудами целую эпоху в сопоставительной тюркологии, а также 150-летие уроженца Республики Хакассия, выдающегося российского учёного-востоковеда и известного общественного деятеля Николая Фёдоровича Катанова (1862-1922). Отрадно, что деятельность этих именитых ученых, оставивших после себя многоаспектные фундаментальные труды, посвященные сопоставительному исследованию языков тюркских народов, непосредственно связана с Казанью, с Казанским Императорским университетом.

Вместе с тем, есть еще одна важная сторона их деятельности, которая позволяет нам вести речь об этих двух замечательных ученых в рамках одного доклада – это то, что свою практическую деятельность в направлении сбора языкового материала, которая далее стала объектом разносторонних, подробных анализов, они начали на Алтае и в Сибири. В данной статье мы обратим наше внимание на деятельность данных ученых в области исследования устного народного творчества татар Сибири.

Переизданная в канун юбилея академика В.В. Радлова четвертый том его именитого труда «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной сибире и дзунгарской степи. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар». [Радлов, 2012. 519с.] является результатом целенаправленной кропотливой работы ученого во время пребывания на Алтае, направленной на сбор и фиксацию богатейшего фольклорного материала сибирских татар. Несомненным достоинством данного замечательного издания является то, что составителем книги – доктором, профессором КФУ Ф.Ю. Юсуповым подготовлено к переизданию единственное издание, напечатанное по распоряжению Императорской Академией Наук в марте 1872 года в Санкт-Петербурге, с сохранением академической транскрипции В.В. Радлова, а также технических особенностей издания и рисунка шрифта типографии того столетия.

Алтайский период научной деятельности немецкого ученого В.В. Радлова начинается с 1859 года. Изучая тюркологию у себя на родине – в Германии, он приезжает в Санкт-Петербург и получает разрешение поехать на Алтай, учительствовать в Барнаульское горное училище. Именно здесь он сформировался как тюрколог, глубоко интересовавшийся диалектологией, лексикографией, лексикологией, сравнительной и

исторической фонетикой, грамматикой тюркских языков, этнографией и археологией, фольклором и историей народов Алтая и Западной Сибири. Здесь им собран богатейший фольклорный материал для дальнейшего изучения и анализа. Этот огромный по своему объему и уникальный по содержанию труд вбирает в себя 121 произведение фольклора, в.т.ч. (по современной жанровой классификации) сказки, песни и баиты, предания и родословные, дастаны (лиро-эпоса) и отрывки из них. Особо привлекает на себя внимание записанные В.В. Радловым из уст сказителей-татар, живущих в Сибири, самобытных и полных местного колорита вариантов дастанов «Идегей», «Алтаин Саин Сөмә», «Ак күбек», «Ястэй Мөңкә», «Межек алып», «Йертөшлек», «Кузы Көрпәч и Баян Сылу», «Купланды», «Камбар», «Таһир-Зөһрә», «Бүз егет», которые являются уникальными образцами древнетюркского эпоса и духовным достоянием ряда тюркских народов. Фольклорные произведения, собранные академиком, привлекают к себе внимание богатством материалов для исследования культуры, быта, обрядов, обычаев и поверий народа. Однако отметим, что, по словам ученых-фольклористов, через сто лет ни один из эпических произведений не повторилась даже в вариантах [Ахметова, 2002. 240 с.]. Таким образом, тексты фольклорного материала, записанные в IV томе «Образцов...», дают ценнейший материал не только для изучения развития и угасания фольклора, но и для исследования быта, языка, культуры сибирских татар и заслуженно считаются краеугольным камнем тюркологии.

Данный фундаментальный труд, а также включенная в представляемое издание работа В.В. Радлова «Из Сибири» по оценке составителя сборника «...имеют основополагающее значение для исследований тюркского фольклора».

С зимы 1872 г. начинается казанский период деятельности ученого. Здесь он пишет обобщающие работы по ранее собранному материалу. Именно в эти годы в Казанском университете преподавал и руководил теоретическим кружком языковедов, ставшей основой для казанской лингвистической школы, выдающийся И.А. Бодуэн де Куртенэ, активным участником которой стал и В.В. Радлов. После того, как И.А. Бодуэн де Куртенэ перевелся Дерптский университет (г.Тарту) этим кружком наряду с Н.В. Крушевским, В.А.Богородицким руководил также и В.В. Радлов. Младограмматисты придавали большое значение изучению живых языков, что импонировало и В.В. Радлову. «Только исследование живых языков в их тончайших диалектальных нюансах и различиях, которые мы в состоянии наблюдать в речи отдельных индивидуумов, позволяют нам дать картину того, как общенародный язык... развивается». – Это основной подход ученого к исследованию тюркских языков, который определенным образом ставился им уже в начале научной деятельности и который сподвигнул молодого ученого на долгие годы общения с простым народом – носителем языка и записям услышанного. Результатом такой

целенаправленной кропотливой работы стали многотомные записи фольклорных материалов по всем живым тюркским языкам.

Поражает воображение практическая деятельность ученого, избранного «ординарным академиком по части истории и древностей азиатских народов», посвятившего шесть десятилетий исследовательской работы «тюркским племенам» России, который сам фиксировал достоверные языковые факты, выезжая на длительные экспедиции по Алтаю, Туве, Хакасии, Шории, Восточному Казахстану, Киргизии, Узбекистану, Северной Монголии, Сибирских земель, вследствие чего накопил огромный материал по всем живым тюркским языкам.

С избрания в 1884 году В.В. Радлова ординарным академиком Императорской Академии наук по части истории и древностей азиатских народов начинается новый, петербургский период ученого, который также ознменовался масштабными исследованиями и многочисленными научными трудами. Здесь ученый продолжает интенсивную научную деятельность, о чем говорит издание более 50 научных работ по различным областям тюркологии, вместе с тем, продолжает научные поездки и экспедиции.

Именно в этот период (1884-1888 гг.) получил университетское образование будущий ученый Н.Ф. Катанов, обучаясь на арабо-персидско-турецко-татарском разряде факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского Университета (который в 1855 году был переведен из Казани). Кроме университетских занятий Н.Ф. Катанов самостоятельно занимался у академика В.В. Радлова по изучению турецко-татарских наречий, так состоялась встреча великого тюрколога с будущим светилом тюркологии.

После университетского образования в 1888-1892 гг. Н.Ф. Катанов практически скрепляет теоретические знания в составе научной экспедиции Академии Наук, также как его предшественник, посещая Сибирь, Монголию, Китайский Туркестан.

Если в свое время В.В. Радлов отмечал, что тобольские, тюменские, тарские, барабинские татары исторически более близки к алтайским телеутам, а связи со Средней Азией и Восточной Европой – явления более позднего периода, то Н.Ф.Катанов считает, что в формировании этноса западносибирских татар приняли участие ногаи, кара-кыпчаки, хотаны, иштяки, среднеазиатские шейхи. Вызывают интерес изданные ученым дневники путешественника XVIII века дипломата и торгового агента России в Китае, Лоренца Лянге, из которых можно почерпнуть сведения о быте, обрядах, обычаях тобольских татар. Для нас очень важным является то, что до настоящего времени именно в записях Н.Ф.Катанова сохранились многочисленные легенды и предания сибирских татар: «Предания тобольских татар о грозном царе Тамерлане», «Предания тобольских татар о прибытии Мухамедданских проповедников в г. Искер»,

«Предания тобольских татар о происхождении киргизского народа», «Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке» и другие, которые хранятся в архивах Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

В конце 1893 года, сдав экзамены на степень магистра турецко-татарской словесности, Н.Ф. Катанов был назначен в Императорский Казанский Университет экстраординарным профессором по кафедре турецко-татарских наречий, где трудился почти около 30 лет, до конца своих дней. Именно здесь наиболее ярко проявились его черты новатора, первопроходца в науке. Уже в вступительной лекции «Этногафический обзор турецко-татарских племён» Н.Ф.Катанов изложил своё видение изучаемого предмета как комплексную проблему. В ней он дал типологическую характеристику тюркских языков, предоставил сведения о географии распространения «тюркского языка», о религии и верованиях тюркоязычных народов, об их образе жизни и государственных образованиях. Именно он возглавил чтение в Казанском университете тюркских, арабского, персидского языков, заложил основу учения о стилях татарского языка, сопоставительной грамматики русского и татарских языков.

Здесь ученый готовит к изданию предания о жизни шейхов, связанные с распространителями ислама в Сибири. В библиотеке Тобольского краеведческого музея хранятся две рукописи (объемом в 4 и 3 стр.) под названием «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири». Одна из них написана Саадом Ваккасом Аллакуловым, сыном Раджаба, а другая – Кашшафом Абу-Саидовым. Перевод этих рукописей на русский язык был осуществлен Н.Ф.Катановым и опубликован в 1903 г. в «Ученых записках Казанского университета» [Катанов, 1903. С. 133-146], а в 1904 г. – в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» [Катанов, 1904. С. 3-28]. В тексте повествуется о походе 366 мусульманских проповедников из дервишского ордена Накшбандийа и 1700 воинов в Западную Сибирь для обращения местных народов в ислам: «По мусульманскому летоисчислению 797-й год хиджры (начался 27 октября 1394 г. и кончился 15 октября 1395 г.) стал годом, исполненным истинной дружбы с исламом...». Там же содержалась вся история миссионеров, начавшаяся в «Священной Бухаре» во времена хана Абу-ль-Лейса «с соизволения» основателя ордена мистиков «Накшбандия» ишана ходжи Багау-ль-хакк-уа-д-дина. Считается, что из 366 шейхов 300 погибли; 3 проповедника обосновались среди сибиряков, обучая их основам веры, 63 вернулись в Бухару, где доложили Багау-ль-хакк-уа-дину о выполнении задания. В документе перечислено также 29 священных захоронений – Астана. Рукопись, переведенная Н.Ф.Катановым, есть ни что иное, как сачара (родословная) одного из хранителей Астаны, которая длительное время являлась единственным

известным и наиболее ранним документальным источником по исламизации Сибири, введенным в научный оборот.

Казанский период жизни Н.Ф. Катанова – этого неординарного ученого-самородка, обладающего незаурядными способностями, ознаменовался многочисленными трудами, в том числе работами, посвященными изучению языка казанских татар и башкир.

Венцом научного творения Н.Ф.Катанова является его главный труд «Опыт исследования урянхайского языка» в которой описан грамматический строй анализируемого языка в сопоставлении с другими тюркскими языками, вошедшую в золотой фонд мировой тюркологии. По признанию учёных, этим трудом определяется значение Катанова как тюрколога. Крупнейший тюрколог нашего времени Н.К.Дмитриев оценивал этот труд как «колоссальный справочник по всем тюркологическим материалам». В 1903 году Н.Ф.Катанов защитил данную работу как диссертацию на соискание учёной степени магистра турецко-татарской словесности. Через четыре года в 1907 г. он за все свои труды по языковедению Императорский Казанский Университет присудил ученому вторую (лекторскую) докторскую степень по сравнительному языковедению без защиты диссертации, что бывает редким случаем в научной практике.

За свои неполные шестьдесят лет жизни ученый в значительной мере обогатил отечественную тюркологию, войдя в историю в качестве первого хакасского учёного. Богатейшее наследие Н.Ф. Катанова, использовавшего в своих трудах, по подсчётам его библиографов, данные ста четырнадцати языков и состоявшего членом многочисленных научных обществ, ещё в значительной мере ждёт своего исследователя.

Таким образом, жизнь и научная деятельность рассмотренных в данной статье ученых отмечается их личным огромным вкладом в развитие тюркологии и фольклора рубежа XIX – XX вв. тесно связана с Алтаем, Сибирью, Казанью и Петербургом.

Литература:

Ахметова Ф.В. По следам В.В.Радлова / Ф.В.Ахметова // Сибирские татары. Сборник статей. – Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 240 с.

Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной сибери и дзунгарской степи. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. – Казань, 2012. 519 с.

Катанов, Н.Ф. О религиозных воинах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири / Н.Ф.Катанов // Ежегодник Тобольского Губернск. музея. – Тобольск: Типография Епарх. Братства, 1904. вып. XIY.

Катанов, Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноземцев Западной Сибири /Н.Ф.Катанов //Ученые записки Казанского университета. – 1903. Кн. 12. С. 133-146.

Катанов, Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в Искер /Н.Ф.Катанов //Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 7. – Тобольск, 1897. – С.51-61.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ СИБИРИ

При изучении литературных памятников древности и средневековья особое значение приобретают текстологические исследования, которые направлены на изучение произведений письменности и литературы в целях восстановления истории, критической проверки и установления их текстов, используемых для дальнейшего исследования, интерпретации.

Современная текстологическая наука часто встречается с проблемами объяснения и трактовки письменных памятников древности и средневековья. На протяжении XX века татарскими учеными-текстологами проводилась большая работа в этом направлении. Вместе с восстановлением подлинного текста, выяснением множества других обстоятельств, учеными определяется также место написания, что помогает раскрытию их особенностей, ответить на некоторые вопросы по уточнению содержания, выяснить языковые особенности произведений.

Общеизвестно, что у татарского народа издавна была развита книжная культура, поэтому до настоящего времени в местах исторического проживания татарского населения учеными обнаруживаются неизвестные доселе литературные произведения, написанные тюрко-татарскими поэтами древности и средних веков. Это касается также территории Тюменского региона. Несмотря на лестный отзыв известного ученого-историка, богослова и писателя конца XIX в. Ризаутдина Фахрутдинова по поводу того, что в Сибири мусульмане делают намного больше полезного по сохранению наследия отцов и дедов, чем мусульмане Поволжья, на сегодняшний день науке известно немного имен поэтов и писателей, живших и творивших на территории Сибири [1]. Хотя отдельные историки края, опираясь на новые находки и исследования по ним, так же склонны считать, что Тобольская губерния, в частности, Карагайские юрты некогда являлись если не «оплотом суфизма», то непременно «центром мусульманского района»; «своего рода резиденцией сибирско-татарских или сибирско-бухарских хаджей, так или иначе связанных с конгрегацией Накшбандийа» [2].

Такие предположения ученых стали косвенной причиной, наталкивающей на изучение имеющихся материалов и поиски литературных текстов, созданных татарским населением изучаемого региона. В соответствии с задачами данного исследования, здесь мы остановимся на результатах анализа некоторых литературных памятников древности и средневековья – произведений поэтов и писателей, чья жизнь так или иначе связана с Сибирью. Это необходимо для того, чтобы составить общую картину литературного процесса на данной территории.

В последние десятилетия подробному текстологическому исследованию подверглось произведение «Насихатнамэ» («Книга наставлений») поэта Амдами (Худжа Шукур бине Гаваз-бай, конец XVII-нач. XVIII вв.) [3]. По нашему убеждению, Амдами являлся духовным наставником тобольских татар, был ахундом-священнослужителем и посвятил свое произведение «Стару и младу народа Таб».

Благодаря нашим исследованиям в последние годы также введен в научный оборот имя поэта Икани, так как открылось новое видение его творческого наследия. Стихи поэта были включены в популярный в средневековье среди татарского населения сборник «Книга Бакырган», который объединяет произведения поэтов-суфиев XII-XVIII веков. Знакомство с публикацией Н.Ф.Катанова «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина...» [4], натолкнуло нас на дальнейшие поиски. Дело в том, что в данном историческом источнике, наряду с именами многочисленных шейхов – проповедовавших в этих краях ислам, есть упоминание о мавзолее «почтенного шейха Айкани/Икани», находящегося «в Искере», что натолкнуло на поиски ответа на вопрос об идентичности этих личностей. Последние находки – протограф родословной сибирско-татарских святых (сэчэрэ-шэжэрэ), список которого был опубликован в свое время Н.Ф.Катановым – обнаруженный в деревне Карагай Вагайского района (2004 г), укрепили наши предположения. Текстологический анализ произведений поэта Икани, в основном посвященных раскрытию идей суфизма, помог раскрыть некоторые факты, подтверждающие, хотя и косвенно, наши предположения. В «Книге Бакырган», состоящей из 143 лирико-философских и лиро-эпических произведений, стихотворения с девяностого – по сто восьмое принадлежат перу анализируемого поэта. Стихи написаны на тюрко-татарском языке с широким применением суфийско-религиозной терминологии. 298 строк стихотворений Икани составляют 142 стиха, направленные, в основном, поиску «Абсолютной истины», которая, по мнению поэта, как и вера во Всевышнего Аллаха, хранится в душе самого человека. Анализ содержания стихов позволяет сделать вывод о том, что поэт Икани жил на чужбине и был уже в преклонном возрасте. По нашему мнению, поэт вполне мог быть одним из 366 шейхов, прибывших на Сибирскую землю в 1394 году, которые были «вооружены верой в Аллаха» и единым желанием и стремлением помочь другим в познании ислама.

Мы склонны утверждать, что, действительно, на территории Сибири еще могут быть найдены новые литературные творения доселе неизвестных авторов. Во введении подготовленной к изданию книги «Рэхэте-дил» – «Жан рэхэте» («Душевная благодать») поэта средневековья Хувайды (Һөвәйдә) литературовед Ф.З.Яхин рассуждает о том, что данное произведение, созданное в жанре стихотворного дастана, также может

иметь «сибирское происхождение». Как утверждается в самом литературном тексте (глава «О книге и его авторе (да будет ему благословение Аллаха)», С. 31-33), настоящее имя автора Хужа-Назар сын Гаиб-Назара. Поэт называет себя Хужа-Назар, как называют себя именно знатные личности из сибирских татар, что также привлекло на себя наше внимание и вызывал интерес. Здесь важно также обратить внимание на имя отца поэта. Гаиб – религиозное дополнение к имени, подчеркивает о приверженности данной личности к суфийскому сану. Также следует подчеркнуть, что в известных рукописных сибирско-татарских «Шәжәрә» (родословная), касающихся истории распространения Ислама в Сибири, среди многих имен шейхов упоминается также имя шейха Назара. О себе поэт пишет, что он родился в местности «Жәмйан», тут же напоминает о том, что он оторван от родной земли (тоскует на чужбине). Составитель книги допускает мысль по поводу того, что эта местность может быть не что иное, как современный город Демьянка, расположенный на одноименном притоке Иртыша, хотя поселения с таким названием есть также и в Узбекистане, и в Иране. Поэт пишет о том, что он, преклоняющийся Всевышнему Аллаху, решил создать на основе прозы стихотворное произведение. «Хотя жители этой местности не владеют словесным талантом, - пишет поэт, - он решил, пусть будет книга (моя) на тюрки». По традиции поэтов-суфиев по тексту автор произведения несколько раз обращается к себе, делится с читателями своими мыслями и чувствами по отношению своего творения или к содержанию написанного им. Композиционное построение книги подчинено средневековым традициям тюрко-татарской литературы. Она состоит из введения и многочисленных назидательных рассказов, объединенных между собой единой проблемой – религиозными наставлениями и назиданиями.

Изыскания в этом направлении еще будут продолжены.

Литература:

- Фәхретдинов, Р. Асар. Беренче жөзө.- Казан: Университет басмасы, 1900. Б.30-31.
- Белич И.В. Ханское кладбище // Сибирская столица.- Тобольск, 1997. №1. С. 55-73.
- Сайфулина Ф.С., Талипова Г.М. «Насихатнамэ» Амдами – литературный памятник средневековья (текстологический анализ).- Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2009. 180с.
- Катанов, Н.Ф. О религиозных воинах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского Губернск. музея.- Тобольск: Типография Епарх. Братства, 1904.
- Яхин Ф.З. Тобольский татарский поэт Амдами и его произведение «Насихатнамэ» // Тюркские народы. Культурное наследие народов Западной Сибири. Тобольск, 2002. С.601-602.

Содержание

Лекционные материалы.....	3
Практические занятия.....	117
Приложение 1.....	118
Ф.С. Сәйфулина	
Б.СӨЛӘЙМАНОВНЫҢ ПЕЙЗАЖ ЛИРИКАСЫНДА СЕБЕР-КАЗАН БӘЙЛӘНЭШЛӘРЕ ЧАГЫЛЫШЫ.....	121
Ф.С. Сайфулина	
ИСТОРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР РОМАНА ЯКУБА ЗАНКИЕВА «ЯЛКЫНДА ӨТЕЛГӘН МӘХӘББӘТ» («ЛЮБОВЬ, ОБЪЯТАЯ ПЛАМЕНЕМ»).....	129
Ф.С. Сайфулина	
РОМАНЫ ЯКУБА ЗАНКИЕВА КАК ОБЪЕКТ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	134
Ф.С. Сайфулина	
РОЛЬ ЛЕГЕНД И ПРЕДАНИЙ В РАСКРЫТИИ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА Я.ЗАНКИЕВА «ЗОРИ ИРТЫША»	139
Ф.С. Сайфулина	
ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОЭТА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ХУВАЙДЫ «РӘХӘТЕ ДИЛ»	145
Ф.С. Сайфулина	
ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТЬ ЧАСТИ «БАШЛАМ» ПРОИЗВЕДЕНИЯ «РӘХӘТЕ ДИЛ» ПОЭТА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ХУВАЙДЫ.....	155
Ф.С. Сайфулина	
НРАВСТВЕННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ЛИТЕРАТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (на примере книги «Душевная благодать» поэта средневековья Хувайды).....	160
Ф.С. Сайфулина	
ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ «НАСИХАТНАМЭ» ТОБОЛЬСКОГО ПОЭТА АМДАМИ.....	168
Ф.С. Сайфулина	
АЛТАЙ-СИБИРЬ-КАЗАНЬ-ПЕТЕРБУРГ: ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ ВЕЛИКИХ ТЮРКОЛОГОВ В.В. РАДЛОВА И Н.Ф. КАТАНОВА	175
Сайфулина Ф.С.	
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ СИБИРИ.....	180

Сайфулина Флера Сагитовна

**История формирования и развития
татарской литературы Тюменского региона**

Учебно-методическое пособие

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 040287 от 25 июля 1997 года

Отпечатано с оригинал-макета. Подписано в печать:
Усл. печ. 11,48 печ. л. Формат 60x87. Заказ №   Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии редакционно-издательского отдела
ТГСПА им. Д.И.Менделеева
626150, г. Тобольск, ул. Знаменского, 58